
ИРИНА ВОРОБЕЙ
КУКОЛКА
Новая жизнь

Ирина Воробей

Куколка. Новая жизнь

«Литнет»
2025

Воробей И.

Куколка. Новая жизнь / И. Воробей — «Литнет», 2025

Татьяна сбежала из дома, от матери и от первой любви в поисках новой жизни и самой себя. Приключения начинаются сразу в поезде. Непринужденная беседа с попутчиками ведет к опасности, но параллельно открывает возможности в чужом городе найти настоящих друзей, опытного наставника и, возможно, любовь.2 часть трилогии. Отдельно читать не получится1 часть: 3 часть:

© Воробей И., 2025
© Литнет, 2025

Содержание

Глава 1. Попутчица 5
Глава 2. Тоже молодец 12
Глава 3. В благодарность 19
Глава 4. Самостоятельная 25
Глава 5. Алмаз 33
Глава 6. Часть посвящения 38
Глава 7. Ничего постыдного 43
Глава 8. Подоконник 50
Глава 9. Боевое крещение 54
Глава 10. Не без урода 61
Глава 11. Находчиво 66
Глава 12. Бедовая 72
Глава 13. Испытание 78
Глава 14. Раскрепощение 86
Глава 15. Поиски смысла 96
Глава 16. Айболит 104
Глава 17. Голубые глаза 107
Глава 18. Импровизация 111
Глава 19. Разница 118
Глава 20. Бартер 123
Глава 21. Изъяны 129
Глава 22. Подарки 136
Глава 23. Деструкция 142
Глава 24. Мол, отомстила 152
Конец ознакомительного фрагмента. 153

Глава 1. Попутчица

Первое время Татьяна побаивалась появления матери. Прислушивалась к каждому шороху, ловила любую речь в зоне слышимости и наблюдала за коридором, по которому сновали люди. Она сидела на полке, положив локти на квадратный стол, и озиралась по вагону, боясь наткнуться взглядом на знакомую фигуру, но это были только страхи.

Мама, скорее всего, не начала и подозревать о побеге. Но каждый раз Татьяна вздыхала с глубоким облегчением, когда прохожий оказывался другим пассажиром или проводником. Тогда она отворачивалась к окну, за которым мельтешили кроны деревьев. Сплошная зеленая полоса стремилась назад, а поезд нес Татьяну вперед. Оставалось только упиваться свободой.

На следующей остановке через пару минут после начала движения поезда на койку рядом с грохотом приземлилась девушка-подросток, бросив рюкзак на пол перед собой. Татьяна вздрогнула от неожиданности. Она думала, что до самой Москвы будет ехать одна в своем открытом купе.

Девчонка встряхнула неаккуратно подстриженными сине-зелеными волосами и издала бурлящий звук наподобие того, каким извозчики пару столетий назад останавливали лошадей. На правом широком плече красовалось корявое солнышко, словно его старательно рисовал маленький ребенок, а не профессиональный тату-мастер. Она имела пухлые руки, широкие бедра и большую для ее возраста грудь, откровенно выпирающую из-под тонкой майки с логотипом малоизвестной Татьяне музыкальной группы. Подошвами красных кроссовок, в которых без стеснения легла на койку, девчонка уперлась в матрас.

– Фу, чуть не опоздала, – пояснила попутчица, будто Татьяна ждала разъяснений, и замахала телефоном в лицо как веером.

В отличие от коммуникабельной матери Татьяна не умела заводить непринужденные транспортные беседы, равно как и поддерживать их. Повезло, что для собеседницы это не было проблемой.

– Опоздала бы, пришлось бы билеты перекупать, а у папы деньги закончились. Так бы я у него и осталась, – рассказывала девчонка, смеясь в потолок, то есть в дно верхней койки. – Мать бы тогда нас обоих убила. Она меня и так не пощадит. Наверное, поэтому я и не хотела возвращаться.

Татьяна с сочувствием на нее посмотрела.

– Да мне не впервой, переживу, – девчонка села, сложив руки на столе.

Телефон она сунула в передний карман бридж и закрыла его на молнию. Татьяна проследила за ним взглядом и, вернувшись к лицу, поинтересовалась:

– А почему ты не можешь остаться с отцом?

Попутчица сдвинула линию губ вверх и в сторону.

– У папы денег нет и постоянной работы, чтобы меня содержать, – глаза убежали к окну, за которым вид совершенно не изменился.

Сосны, березы, ели и разные кустарники сливались в изгородь на обочине дороги. Казалось, сейчас в мире существовал только локомотив и рассеченные им две половины леса.

– Я тоже от мамы сбежала, – вздохнула Татьяна, опустив взгляд на стол.

– И твои в разводе?

Девчонка впилась в нее глазами. Татьяна не смогла определить, что за взгляд это был: сочувствующий, жалеющий или злорадный, а, может быть, включающий в себя все и сразу. Было заметно, что ей развал семьи дался непросто.

– Нет. Папы у меня никогда не было, – откровенно ответила Татьяна без особенного драматизма.

– Оу, – отреагировала девчонка.

Как обычно бывало, после ответа на вопрос об отце наступила неловкая пауза в разговоре. Люди не знали, как реагировать и что говорить, хотя для Татьяны это не было трагедией. Все вокруг просто считали, что так должно быть. Чувствуя неприятную неловкость, она решила сама нарушить это молчание.

– Как тебя зовут?

– Лада, – сразу ответила девчонка и улыбнулась.

На зубах засверкали металлические брекеты. Татьяна вспомнила, как сама носила такие до четырнадцати лет. Эта девчонка выглядела максимум на пятнадцать.

– Необычное имя, – исключительно для поддержания разговора заметила Татьяна.

– Дурацкое. Особенно с моей фамилией: Калинина, – Лада усмехнулась, склонив голову набок. – Ну, ты догадалась, как меня обзывают в школе.

Татьяна выдавила смешок.

– Обидно, знаешь ли, когда тебя с говном сравнивают.

Лада откинулась на стенку и скрестила руки на груди, но легкая усмешка еще кривила полные губы, а Татьяна засмеялась в голос.

– А тебя как зовут?

– Таня.

– Ну, так себе тоже.

Лада провела языком по щекам изнутри и отвернулась к окну.

– Спасибо, – усмехнулась Татьяна растерявшись. – За откровенность.

– Да не за что.

Без напряжения и неловкости Лада стала расспрашивать о том, почему Татьяна сбежала от матери, что собирается делать и зачем едет в Москву. Им предстояло ехать вместе много часов, делать было нечего, да и, познакомившись, они не могли друг друга игнорировать. К тому же, душа никак не успокаивалась. Там еще кипели остатки переживаний, которые Татьяна копила целый месяц в заключении. Хотелось заглушить эти мелкие очаги боли. Легче всего было просто высказаться незнакомцу. Поэтому она решила рассказать о себе все. Начала с того, как мама впервые поставила ее у станка.

Лада слушала с вниманием, потому что вряд ли могла найти здесь занятие поинтересней. Не вдаваясь в детали, Татьяна поведала достаточно о своих мотивах, воспитании, обучении и первой любви, которая привела ее к этому поезду.

– Вы с ним переспали? – спросила Лада, расширив глаза, когда дошло до встречи с Вадимом.

– Ну, да, – Татьяна смущенно пожала плечами.

– Ого, и как это? Прикольно? Тебе хочется еще?

Татьяна, покраснев, опустила взгляд в стол и обхватила пальцами левой руки правое предплечье. Она не знала, как ответить на такой слишком откровенный вопрос, заданный несведущим ребенком.

– Нууу… мне понравилось. Ну, как... Не то, чтобы я постоянно этого хотела... Но я бы повторила, конечно, если...

– Он тоже девственник был? – перебила Лада, подперев подбородок ладонью.

– Нет. Он до меня встречался с девушкой три года.

– Ну, тогда понятно. Опытный, – с видом эксперта в области сексологии сказала девчонка, закачав головой. – Я тоже хочу, чтобы у меня первый раз был с кем-то опытным, чтобы сразу все получилось. А то моя подруга, которая с одноклассником переспала, была вообще не в восторге.

Татьяну рассмешили такие рассуждения, хотя она сама не была экспертом в этой области и, казалось, обладала меньшими познаниями, чем школьница-девственница Лада. Но она

помнила самый первый раз и то, как у Вадима он тоже не сразу получился несмотря на всю его опытность.

– Мне кажется, главное, чтобы сам человек тебе нравился, – Татьяна тщетно пыталась сделать мудрое лицо.

– Да ну! – махнула рукой Лада. – Это же простая механика! Вон мать моя спит со всеми налево и направо и кайфует.

Она сказала это сначала легко и без зажимов, а потом осеклась, поймав ошеломленный Татьянин взгляд, и покраснела.

– У меня мать – нимфоманка. Так она себя называет, по крайней мере, – поправилась Лада, будто говорила о собственной слабости, и отвернулась к окну, съежившись. – Она ходит к психологу, но… все равно со всеми флиртует. И спит тоже. Она скрывает, но я знаю, что она со всеми спит.

Девчонка надулась и с силой скрестила руки на груди, будто физическая боль могла спасти от душевной. По ее недовольному виду стало ясно, что это не помогло. Она сжалась, нахмурилась, закусила губу. Глаза слегка увлажнились. Татьяна не ожидала, что разговор дойдет до такой степени откровенности. Лада еще не умела контролировать мысли и чувства и не пыталась. Татьяне это понравилось, но неловко все равно стало.

– Она и с моим учителем по физике переспала. Прямо в кабинете! Мои одноклассники подглядели. Фуу!

Выражение отвращения на девичьем лице быстро сменилось эмоцией гнева. Лада покраснела от злости и с силой замотала головой, а потом резко замерла и, опустив руки на колени, начала их разглядывать пристально.

– Из-за нее все и меня считают шлюхой! – заговорила она, словно маленькая обиженная девочка. – Ни один нормальный парень на меня не посмотрит.

Густые ряды черных ресниц дрогнули, и слезы покатились по округлым щекам. Татьяна впала в ступор. Она и предположить не могла, что все выльется в это русло. О нимфомании только слышала, и то в шутках, которых не понимала. Она и сама не чувствовала себя взрослой, но Лада была еще большим ребенком и требовала утешения или хотя бы сочувствия, а Татьяна пялилась на нее с вытаращенными глазами, как на диво дивное. Девчонка тихо всплакнула, вытерев слезы майкой, и отвернулась к окну всем корпусом. Татьяна только спустя пару минут оттаяла и вздохнула. Тоже уставилась в окно, просто потому что туда удобно было смотреть: там ничего не происходило и ничто не смущало глаз.

– Родители не определяют, кто мы есть, – сказала она спустя минуту.

– А вдруг это наследственное? – Лада резко повернулась лицом. – Вдруг я буду такой же? Я, может быть, просто еще не пробовала, поэтому пока не страдаю. А если попробую, и мне понравится? И я буду хотеть этого постоянно, как моя мать? Она же вообще себя не контролирует иногда!

Девчонка раскраснелась. Потерянные глаза забегали по вагону, мечась в отчаянной попытке зацепиться за что-то весомое.

– Мне кажется, либидо нельзя унаследовать, – неуверенно ответила Татьяна.

Лада только хмыкнула и снова отвернулась.

– Поэтому я, с одной стороны, очень хочу попробовать, чтобы узнать, с другой, боюсь, что превращусь в мать. И тогда лучше совсем не начинать.

– В любом случае не попробуешь – не узнаешь, – на большую мудрость опыта Татьяне не хватало.

Девчонка перевела на нее вдумчивый взгляд и опять отвернулась к окну.

– Если стану как мать, уйду в монастырь, – докончила она и сжалась сильнее.

Какое-то время они молчали. Ясное небо постепенно покрывалось облаками и серело. По мере приближения к Москве тучи сгущались. Вскоре сплошная стена леса сменилась пусты-

рями, засеянными полями, садовыми домиками, дачами и коттеджами. Потом пошли небольшие города. Затем опять длинные участки леса. Пейзажи быстро чередовались.

– Я бы хотела жить с отцом, но суд ни за что не поручит ему опеку надо мной, – с сожалением сказала Лада.

Татьяна снова ворвалась в вагон поезда из густых зарослей придорожных деревьев, которые странным образом ее успокаивали. Чтобы понять услышанное, она несколько раз повторила фразу в голове, прежде чем спросить:

– Почему он не может найти постоянную работу?

– Раздолбай потому что, – шутя-любя ответила девчонка.

Она смеялась открыто, ничем не закрывая рот несмотря на брекеты. Татьяна в уме похвалила ее за это, потому что сама сильно стеснялась, когда носила такие же. Ей казалось, что тяжелые, металлические, неестественные скобы уродуют ее маленькое личико, показывают несовершенство и сильно привлекают внимание людей. Сейчас она смотрела на Ладу и видела, что брекеты не могли ее испортить, потому что воспринимались как нечто чужеродное, и стесняться их было подростковой глупостью.

Лада рассказала про своего отца, которого явно любила больше, чем мать. По ее словам, отец был хорошим человеком, но неудачником по жизни. В молодости мечтал стать актером – не сложилось. Теперь перебивался разными черными заработками и делал вид, что пишет книгу на протяжении уже лет десяти. Иногда он уходил в запой, но всегда возвращался к нормальной жизни. От него Лада получала настоящую моральную поддержку, и была привязана к нему с детства гораздо больше, чем к матери, которая всегда давала ей только материальные блага.

– Классическая теледраматическая семья, не находишь? – рассказ девчонка закончила очередной усмешкой.

Татьяна только пожала плечами. Засвистели тормоза. Поезд медленно остановился. Название городка обе пропустили. Поселение было небольшим и безызвестным. Железнодорожная станция стояла каменным особняком на пустынной площади, выделяясь из общей массы ярко-оранжевым цветом. Вокруг торчали поодиночке молодые деревья, а вдалеке прятались косые дома и безвкусно обшитые профлистом торговые и офисные здания с множеством дешевых вывесок из 90-х гг. Вид из окна навевал тоску не меньше, чем рассказ о Ладиной семье.

Татьяна вздохнула и повернулась к ней, чтобы сказать что-то маловажное, когда в вагон ворвались двое молодых людей.

Первый, лысый и подтянутый, носил мятую рубашку и джинсовые скинни, рваные в нескольких местах. Желто-серые оттенки разной тональности когда-то белых подошв говорили о любви к пешим прогулкам. Глаза закрывали круглые зеркальные очки.

Второй был во всем средним, носил подвернутые на лодыжке чиносы и приталенную футболку с растекающимся во что-то непонятное принтом. Каштановые волосы накрывала бейсболка.

Внешне они выглядели ровесниками Татьяны, но вели себя уверенно и нагло, претендуя на большую взрослость. Кривые ухмылки озарили острые лица. Татьяна почувствовала легкую неприязнь, поймав изучающий взгляд шатена. Лысый переводил хитрые глаза с одной на другую, жуя жвачку.

– Добрый вечер! – сказал он, чуть причмокнув. – Да возрадуется моя душа, ибо поездка предполагает быть интересной.

Он улыбнулся Ладе. Та смущенно ответила тем же и мгновенно залилась краской. Татьяна увидела, как выпрямилась ее осанка, из-за чего грудь выступила чуть вперед, хотя она и так хорошо выдавалась под тонкой майкой, которая даже чаши бюстгальтера закрывала не до конца. Лысый подсел к ней на полку, а второй сел напротив, к Татьяне, и сбросил кожаный

рюкзак на пол. Лишь бы отсесть, она вжалась в стену поезда. Пришлось сгруппироваться от напряжения.

– Владимир, – лысый протянул испещренную ссадинами руку Ладе.

Та покраснела и пожала ее.

– Лада.

– Твое полное имя должно быть Мармелада? – мягким, почти женским, голосом с нотками фальшивой нежности проговорил Владимир. – Как еще могли назвать такое прелестное создание!

Татьяна закатила глаза и отвернулась к окну. Девчонка расплылась в смущенно-благодарной улыбке и, облизав губы, закусила нижнюю.

– Нет, просто Лада.

– Ну а это просто Степа, – Владимир небрежно махнул рукой на друга.

Степа кивнул, а потом внимательно посмотрел на Татьяну, заодно оценивая ее внешние данные. Любопытная ухмылочка растянулась на всю ширь узкого лица. Она не стала ничего говорить.

– А подругу твою как зовут? – спросил лысый у Лады.

– Таня, – ответила та.

Татьяна посмотрела на нее таким взглядом, будто девчонка раскрыла перед всем миром ее самую страшную тайну, но Лада быстро перевела возбужденный взгляд обратно на лысого.

– Очень приятно, Таня, – нарочито вежливо сказал парень, медленно кивнув.

Татьяна на секунду выдавила слабую улыбку в ответ и тут же снова вернула каменное выражение лица. Владимир при этом сверлил ее вдумчивым взглядом, в котором горел недобрый огонек неизвестных мыслей.

– Откуда едешь, Лада? – спросил лысый.

– Из Питера.

Девчонка уперлась в боковую стену поезда, чтобы развернуться к парню всем корпусом.

– Что ж, я дурак, спрашиваю, – воскликнул тот, щелкнув себя легонько по лбу. – Поезд же Питер-Москва, можно было и догадаться.

Лада хихикнула. Татьяна хмыкнула. Степа разглядывал обеих по очереди.

– Москву покорять? – спросил Владимир.

– Мне не надо ее покорять. Я там живу. Уже лет семь как, – усмехнулась Лада. – А вы откуда?

Любопытными круглыми глазами она обегала парней за считаные секунды по кругу.

– Я Владимир из Владимира, – заявил лысый, вытянув руку вперед, как Ленин, будто провозглашал свой великий, кровью и потом заслуженный, титул.

– Это что, Владимир был? Такой маленький? – изумилась Лада. – Я думала, он крупный и в другом месте находится.

Парни рассмеялись. Татьяна улыбнулась.

– Нет, глупышка.

Лысый убрал за ухо распущенные волосы Лады, отчего девчонка поджала плечо к голове и густо зарумянилась.

– Это была какая-то захолустная жопа мира, откуда он родом, – говоря это, Владимир перевел ухмыляющийся взгляд на друга. – А я к нему в гости приезжал. Теперь мы едем к нашему третьему другу в Москву.

Дальше Татьяна слушала без интереса, хотя деваться было некуда. Стоило отдать Владимиру должное – он умел развлечь беседой, хоть и примитивной, в которой Лада участвовала с завороженным любопытством. Татьяна заметила искорки в ее глазах. На секунду даже показалось, что девчонка пошла в мать, но она отвергла эту мысль, решив, что той просто не хватает опыта. Она и сама не была умудрена жизнью, но эти парни заставляли напрягаться. Девушка

никак не могла удобно сесть, постоянно чувствовала сжатие изнутри и желание забиться в темный угол, подальше от них, но вместо этого приходилось односложно отвечать на изредка задаваемые вопросы.

Говорил в основном лысый. Шатен только посмеивался или вставлял незначительные комментарии. Владимир отвешивал всяческие комплименты Ладе, отчего та все более внимательно слушала и с большим любопытством смотрела. Татьяна подметила у него неплохое чувство юмора, хоть оно и выражалось в исключительно низких шутках.

Парень расспрашивал Ладу обо всем. Она ему обо всем с удовольствием рассказывала. Много времени обсуждали ее мать. Девчонка жаловалась, Владимир понимающе кивал, а потом вставлял псевдомудрые комментарии, но Ладе они нравились, потому что полностью ее поддерживали. Под конец пути она смотрела на него с восторгом.

За болтовней время пролетело быстро. Поезд прибыл четко по расписанию в 21:58. На улице стояла темень, но по каплям на окнах и дверях можно было догадаться, что льет дождь, не ливень, но и не мелкая морось. На небе не показывалась ни одна звезда. Все затянулось тучами.

С перрона компания направилась к выходу вслед за галдящей толпой. Кто-то радовался долгожданной встрече, кто-то обсуждал мерзкую погоду, но большинство гремело чемоданами. Татьяна тоже тащила за собой чемоданчик, который то и дело подскакивал на неровностях бетона. Она шла впереди всех. Степа шел за ней, натягивая на голову бейсболку. Владимир вел Ладу за плечи следом, рассказывая что-то почти на ухо, потому что шум толпы заглушал его слабый голос.

Все четверо остановились на площади перед вокзалом. Настало время прощаться, которого Татьяна ждала. Сбоку к ним подошел еще один парень, высокий, широкий, с козлиной бородкой на первом подбородке. Владимир представил девушкам третьего друга – Серегу.

– Ну, куда вы, красавицы, в такую погоду пойдете? – сказал лысый. – Что мы, не джентльмены, что ли? Давайте, мы вас подвезем, куда скажете.

Он сразу бросил вопросительный взгляд на Татьяну. Лада сделала то же самое. Татьяна не понимала, при чем здесь она.

– Нет, спасибо, не надо, – отмахнулась.

– Тань, ну, куда ты сейчас одна? – воскликнула Лада. – Поехали ко мне. Тебе же все равно некуда идти. Мама на работе сегодня. А утром уже нормально будешь искать жилье.

Парни переглянулись между собой.

– Действительно, Татьяна, время позднее, – заметил Владимир. – Опасно в Москве по ночам такой красавице одной разгуливать.

– Поехали, – Лада схватила ее за руку. – Уже ночь!

Татьяна оцепенела в нерешительности. Дождь успел за несколько минут намочить ее волосы и кроссовки. Ветер обдувал мокрые пальцы, пронзая до косточек. Небо давило темной бездонностью. Четыре пары глаз умоляюще на нее глядели, особенно большие и круглые живые глаза Лады.

– Сереге несложно вас подбросить, – сказал Владимир, подмигивая другу.

Через несколько секунд терзаний Татьяна осознала, что действительно неправильно рассчитала время и не подумала, что в десять вечера не очень удобно в незнакомом городе, тем более таком большом, как Москва, искать ночлег без телефона, в дождь, с чемоданом и в одиночку. А Лада любезно предложила свое гостеприимство. Но ее смущали парни, хоть они и провели с ними несколько часов в поезде, а те много чего о себе рассказали и вели себя вполне откровенно. В основном, Владимир. Степа отмалчивался. И что-то в этом не давало Татьяне покоя.

– Ну, что ты, в самом деле? Не маньяки же мы какие-нибудь, – отшутился Владимир, отчего Лада звонко захихикала, а другие два парня выдавили по смешку. – А вот в одиночку ты гораздо вероятнее на какого-нибудь извращенца наткнешься.

Татьяна посмотрела ему в глаза. Парень ответил ей открытым и прямым взглядом, с легкой улыбкой, без загадочного прищура, которым озирался всю дорогу в поезде. «Ладно, действительно, лучше держаться людей, чем бродить одной ночью», – подумала она и согласилась. Лада от радости запрыгала. Владимир широко улыбнулся.

Глава 2. Тоже молодец

Машина ждала у края площади. Владимир любезно помог Татьяне убрать чемодан в багажник. Серега занял водительское кресло, Степа – пассажирское рядом, остальные трое уместились на заднем. В салоне воняло куревом и выхлопными газами. Свежая елочка с ароматом яблока не спасала. Первые пять минут Татьяне хотелось надеть противогаз, но вскоре мозг привык к такой атмосфере.

Владимир продолжал обнимать Ладу, рассказывая всем о том, что по прогнозам синоптиков «отвратная» погода продлится целых две недели, да и вся оставшаяся половина лета тоже не обещает ничего хорошего. Все взгрустнули. Всем хотелось гулять и наслаждаться теплом.

– Ща, на заправку заедем, – сказал Серега, когда Лада заметила, что они свернули не на ту улицу. – Я знаю, тут неподалеку.

Он закурил сигарету, на несколько секунд отпустив руль вовсе. Татьяна смотрела на это и чувствовала, как сердце учащает ритм. В зеркале заднего вида она поймала ухмылку водителя, а затем нехороший взгляд Степы, который специально повернулся назад, чтобы посмотреть на нее. Татьяна прижала к груди рюкзак. Владимир сжимал Ладу за плечи. Та напряженно озиралась по сторонам. Брови ее при этом то хмурились, то выпрямлялись.

– Ты чего, детка? Расслабься, – говорил лысый, поглаживая девчонку пальцами по голому плечу.

Шум города резко пропал. Огни уличных фонарей потухли, а жужжание попутных машин стихло. Они свернули на узкую улицу, в темноте которой едва различались объекты по бокам – шиномонтажные мастерские и магазины автозапчастей.

Дорога вела на эстакаду, но Серега резко свернул вправо. Машина со стуком понеслась по грунтовой дороге во мглу. Свет фар освещал только близлежащие участки земли. Татьяна успела увидеть лишь грязь, траву и выброшенный металлолом. По магистрали в стороне стремглав проносились автомобили, оставляя за собой рев моторов.

Татьяна напрягла все мышцы, готовясь к худшему. Серега еще не успел остановиться, как Владимир с возгласом: «Ну, что, детка, повеселимся?» принялся тискать Ладу за грудь. Девчонка закричала и попыталась оттолкнуть его.

Открыв дверь, Татьяна двумя ногами пнула сиденье спереди, чтобы хоть на мгновение выбить водителя из колеи. Парень от сильного толчка бросил педали, и машина заглохла. Затем из бокового кармашка рюкзака Татьяна достала флакон с духами и прыснула в лицо Владимира, который боролся с Ладой, а затем – в Степу, который хотел было броситься другу на помощь, но жгучий спрей обжег ему глаза. Он их тут же зажмурил. Владимир чихал и кашлял, водя ладонями по лицу.

– Беги! – крикнула Татьяна Ладе.

Девчонка открыла дверь и вывалилась из машины, но Владимир в слепой панике схватил ее за майку. Татьяна кинула в него рюкзак, от которого он отмахнулся другой рукой. Лада буквально за секунду вывернулась из майки, оставив ее в цепких пальцах лысого.

Они побежали в сторону, где под свистящими от ветра деревьями сгущалась тьма. Бежали по вязкой грязи, запинаясь о металлический хлам, валявшийся здесь повсюду.

Серега, толстый и неповоротливый, пытался завести машину. Татьяна схватила Ладу за руку и потащила за собой. Вскоре заревел мотор, автомобиль забуксовал, дав ценные мгновения на спасение, но затем развернулся и осветил им путь.

Впереди оказался метровый забор, а за ним проявлялись силуэты могильных крестов и памятников. Татьяна легко перепрыгнула через ограду, а Лада нуждалась в помощи.

Машина ужасающе яркими фарами, мигающими от кочки к кочке, стремительно неслась на них, но остановилась. С обеих сторон открылись двери, и из них выбежали две худые

фигуры. Татьяна потянула Ладу, когда та ступила одной ногой на решетку, а второй еще свисала снаружи. Девчонка поцарапала икру, но не заметила этого. Держась за руки, они побежали по узким дорожкам между могилами.

Дождь усиливался. Ветер задул сильнее, поднимая опавшие листья и раскачивая тяжелые кроны осин. В этом шуме не были слышны даже их собственные шаги, поэтому услышать, бегут ли за ними, Татьяна не могла. Она специально свернула вбок, чтобы уйти от света фар, и затеряться в ночи. В дождь и без освещения здесь ничего нельзя было увидеть, но они продолжали бежать. Кладбище казалось узким и длинным.

Почти у самого конца Татьяна одной ногой провалилась в яму, но успела задержаться за Ладу. Они оказались на краю свежевырытой могилы. Татьяна указала рукой туда и прыгнула первой. Лада – следом.

За время дождя там успело скопиться немного воды. Землю размыло. Они плюхнулись в самую жижу, зато приземление получилось мягким. Глубина могилы оказалась небольшой, всего метра полтора, поэтому Татьяна села на землю и потянула за собой Ладу.

– Ау, девчонки! Ну куда же вы спрятались? Играете с нами? Ох, накажу! – тонкий голос Владимира звучал омерзительно.

Лада в одном бюстгальтере дрожала от страха и холода. Дождь хлестал ее по плечам. Татьяна сидела, приставив палец ко рту, показывая, что нужно быть тихими. Чтобы хоть както согреть, она обняла девчонку и прижала к себе.

– Господи, они нас найдут. Что будет? Что тогда будет? – нервно шептала Лада.

– Никто нас не найдет.

Татьяна и сама не знала, что будет, точнее, что они будут делать, если их все-таки обнаружат. Она тоже боялась, но почему-то чувствовала себя старшей и ответственной за их спасение, хотя сама выглядела хрупкой недотрогой, выращенной в тепличных условиях, по сравнению с уличной оторвой Ладой.

Раздался вибрирующий звук. Лада сначала ахнула, а потом полезла в карман бридж за телефоном.

– Папа написал, – почти беззвучно произнесла она.

– У тебя есть телефон? – крикливым шепотом воскликнула Татьяна.

Снова раздался голос Владимира:

– Степ, че у тебя?

Он приближался. Обе замерли. Степа ответил издалека что-то наподобие: «Здесь никого нет».

Татьяна жестом показала Ладе выключить звук. Приказ тут же был исполнен. Экран потух. Ветер затих, будто прислушивался к ритму бьющихся девчачьих сердец в разжиженной могиле. Владимир медленно шел в их сторону. Они четко слышали хлюпающие шаги.

На несколько секунд он остановился. Это были самые долгие и самые страшные секунды в жизни Татьяны. Ей казалось, что сердце перестало биться. Тело холодело. Конечности немели. В груди образовался стянутый вакуум. В казавшейся пустой голове красным светом мигала тревожная сигнализация. Она ни к чему не призывала и ни о чем не предупреждала, просто визуализировала ощущения. Все нервы и вены превратились в эту сигнализацию, пульсирующим красным светом озарявшую пустое сознание. Татьяна вслушивалась в тишину и всматривалась в кромешное небо, казавшееся крышкой гроба, которая медленно-медленно опускалась на их могилу.

– Бля, вдруг они ментов щас вызовут, надо валить отсюда, – голос Степы стал слышен отчетливей и громче. – У этой мелкой же телефон с собой был.

– Да, блядь, они же не втупляют, где они, – отвечал Владимир с сомнением.

– Ты че, Лада же местная, – настаивал первый.

Голос его подрагивал.

– Хуйня это была с самого начала.

– Да, блядь, если б не эта сучка дрыщавая, – досадовал Владимир, – щас бы уже развлекались с мелкой.

– Да забей на нее. Пошли, пока на воле.

– Да ща.

Снова захлюпала грязь. Татьяна закрыла глаза, чтобы справиться с космической скоростью сердцебиения. Лада таращилась то на нее, то на небо. Кто-то сделал шагов пять и снова остановился. Прошло еще несколько мучительно долгих секунд, когда сердца обеих стучали где-то в пятках, а души связало морским узлом.

– Эй, вы кто такие? Че здесь делаете? – раздался старческий рев издалека.

– Погнали, – крикнул Владимир.

Снова послышались быстрые шаги, резко перешедшие в бег.

– Понавадились тут всякие по ночам лазать, – ворчал старик им вслед.

Вытянув шеи, Татьяна с Ладой застыли. Вскоре и его нерасторопные шаги утихли. Минут через пятнадцать пророкотал мотор буксирующего автомобиля. Раздался рывок. Шум двигателя с каждой секундой становился тише, пока совсем не затих. Татьяна выдохнула. Лада молча заплакала. Они все еще боялись издать хотя бы звук, но облегчение уже накрыло обеих. Сердца стучали в унисон с реактивными силами.

– Кажется, уехали, – проговорила Татьяна, спустя еще минуты две после того, как перестала слышать звуки мотора.

– Ага, – всхлипнула Лада.

– Позвони матери. Надо отсюда выбираться.

Пока девчонка, плача, разговаривала по телефону, Татьяна выкарабкивалась из могилы. Это оказалось не так легко в дождливую погоду, потому что землю внутри и вокруг могилы размыло, но выработанная долгими годами балетной школы ловкость не дала слякоти уронить Татьяну наземь. Она схватилась за небольшой куст в прыжке и, подтянув себя за него, вылезла из ямы.

– Мамин помощник едет за нами, – сказала Лада.

Татьяна протянула ей руку, помогла подняться и потащила наверх. Девчонка весила больше раза в полтора, поэтому тащить ее одной рукой, особенно ни во что не упираясь, было тяжело.

– Цепляйся ногами, – Татьяна напряглась изо всех сил.

С третьей попытки Ладе удалось зацепиться за тот же куст и наконец вылезти. Они отдышались, наслаждаясь холодными каплями небесной воды, которая хотя бы частично смывала с них могильную грязь, а потом обнялись и засмеялись.

По отправленной в мессенджере геолокации помощник быстро нашел их, но не сразу смог подобраться к забору кладбища на машине. Немного побуксовав, он заглушил мотор и вышел из автомобиля. Лада с Татьяной выбежали ему навстречу, сверкая экраном телефона.

– Павлик! – обрадовалась девчонка, кидаясь в объятия молодому человеку в отливающем синем костюме.

Его белоснежная рубашка вмиг превратилась в полотно для грязного месива из глины, песка и травы.

– Что с тобой случилось? – взволнованно спросил Павлик, оглядывая Ладу сверху вниз. – На, накинь.

Он аккуратно положил ей на плечи пиджак. Девчонка укуталась в него, как младенец в отцовский халат.

– По дороге расскажу, – ответила она, садясь на переднее сиденье.

– Здрасьте, – сказал Павлик, недоверчиво глядя на Татьяну.

Лада представила ее. Парень позволил Татьяне сесть сзади. В салоне царили идеальная чистота и порядок. Мокрые и грязные, они внесли непоправимый хаос в этот рай для перфекциониста. Татьяна специально сжалась, чтобы занимать меньше места, хотя это не имело смысла.

Она только теперь вспомнила, что все свои вещи оставила в машине тех подонков. Абсолютно все: деньги, документы, одежду. У нее ничего не осталось. После пережитого стресса потеря документов и отсутствие денег казались такой мелочью, поэтому не вызвали столько волнений, но она боялась думать, что теперь будет делать. Ей даже за проезд оплатить было нечем, даже кофе купить не на что, а как устроиться на работу без паспорта, она совсем не представляла. Татьяна была уверена – в полицию идти нельзя. Оттуда ее бы сразу привели к матери, и все эти страдания оказались бы зря. Она успокоила себя мыслью, что пока находится в тепле и безопасности, потому будет решать проблемы по мере их поступления.

Всю дорогу Лада эмоционально и выразительно рассказывала Павлику об их с Татьяной приключениях, начав с самого начала – знакомства в поезде. До места работы ее матери они доехали быстро.

Татьяна заметила это здание издалека, потому что оно светилось неоном, бегающим по фасаду снизу вверх, справа налево и обратно. Все два этажа имели панорамное остекление, бессмысленное, потому что окна полностью заклеили постерами с нарисованными танцующими людьми и рекламными афишами, завлекающими прохожих внутрь. На фронтальной стене под крышей светилась белая вывеска «DANCEHALL»[1].

Перед клубом образовалась длинная очередь блестяще одетых молодых людей обоих полов. В пятницу вечером заведение явно пользовалось популярностью. На входе стояли два шаблонных амбала в черных, наискось сшитых костюмах, с красными бабочками. Смотрелось неуместно, но забавляло.

Павлик объехал клуб и остановился напротив двустворчатой железной двери с обратной стороны здания. Сказав пассажиркам выходить, он сам остался за рулем и не глушил мотор.

– Я пока припаркуюсь, а вы идите в гримерку. У нее совещание в кабинете, но оно вот-вот должно закончиться.

Как только Татьяна захлопнула за собой дверцу, Павлик тронулся с места и уехал в темный угол небольшого двора.

Открыв трудно поддающуюся дверь, они оказались в тусклом коридоре, забитом хламом, и быстро прошли по нему. За белой дверью шел другой коридор, куда более широкий и красиво отделанный розово-голубой подсветкой.

Сбоку Татьяна увидела невысокую и широкую сцену с полукруглым выступом в середине. На ней разместилось музыкальное оборудование. Там за диджейским пультом пританцовывал парень в огромных наушниках. Саму сцену тоже обрамляла яркая подсветка.

Над ней, на высоте среднего мужского роста, танцевали девушки в специальных круглых балкончиках с перилами по пояс, напоминающие подставки под стаканы в поездах. Перила были выполнены из нержавеющей стали с витиеватым узором, ячеистым и переплетенным. Из центра каждого «стакана» торчал шест. В такую полуклетку свободно могла поместиться только одна девушка.

Танцовщицы активно двигались в такт, выпячивая на всеувидение женские прелести, потому что из одежды на них осталось лишь нижнее белье, но не стандартное эротическое, а, скорее, сценические костюмы откровенного толка. На чашах бюстгальтеров сверкали густо нашитые стразы. Трусики и чулки в сеточку соединяли подвязки с бантиками. Поверх голого торса каждая надела короткий пиджак с поролоновыми гигантскими надплечниками, какие носили в 90-е, а на ноги – эпатажные лакированные сапоги на платформе и высоченных каблуках в стиле Леди Гаги. Смотрелось нелепо и сексуально. Работало, судя по завороженным

взглядам мужчин, которые даже забывали пить пиво, наблюдая за эротичными изгибами пластичных тел.

Татьяна тоже замерла на месте и не могла оторвать глаз, но не от тел, а от их движений. То дерзких, то плавных, но всегда изящных и выверенных. Танцовщицы легко улавливали ритм мелодии, который часто и быстро менялся, вмиг подстраиваясь под следующий. Больше всего Татьяне понравилась девушка справа, которая отличалась выдающимся бюстом и длинными волосами рыжего цвета. Волосы крутились и хлестали ее по лицу и телу, повторяя движения, и это было зрелищно. Танцовщица на доли секунды задержала на Татьяне взгляд, но быстро отвела его, равнодушно улыбаясь пустоте над толпой.

– Че, девочки гоу-гоу понравились? – спросила с усмешкой Лада. – Они у нас лучшие! А рыжая, Светка, самая-самая! Кстати, она тоже бывшая балерина.

Девчонка подмигнула. Татьяна посмотрела на нее вопросительно и снова уставилась на рыжую. Та переставляла ноги под нестройный темп, параллельно выворачивая туловище, руки и голову в разные стороны. Смотрелось красиво и легко, но Татьяна представляла, как ей непросто сейчас. Несмотря ни на что девушка улыбалась, безэмоционально и технично. На нее многие заглядывались, особенно представители мужского пола. Грация и сквозящая в каждом движении сексуальность завораживали.

– У нас в академии считалось самым позорным пойти после балета танцевать гоу-гоу, – с грустью и сомнением проговорила Татьяна, не отрывая глаз от танцев.

– Ха, – нарочно выдавила смешок Лада. – Ты зарплаты сначала сравни. Да танцовщица гоу-гоу за один уикенд может заработать столько, сколько балерина в театре за месяц!

– Это сколько? – удивилась Татьяна. – Без стриптиза?

– Конечно, без! Стриптиз – это стриптиз, а это гоу-гоу! – возмутилась Лада. – Ну, мать каждой платит по пять косарей за ночь. А Светка рассказывала, что обычная балерина в обычном театре получает пятнадцать штук в месяц. Сама посчитай.

– Ну, да, так и получается, – хмыкнула Татьяна, умножив в уме. – Прикольно.

– Причем на балерину надо лет десять учиться, а танцовщицей любая смазливая дура стать может. Ну, если танцевать, конечно, умеет.

Сзади к ним подбежал запыхавшийся Павлик. Он взял обеих за плечи и отвел в сторону.

– Я же сказал в гримерку! – ворчал он, оглядываясь по сторонам. – Че вы мне тут гостей распугиваете?!

Татьяна тоже осмотрелась вокруг и заметила, как некоторые из танцующих странно на них пялятся, а потом посмотрела на себя и поняла, в чем дело.

Все их лица и тела вымазались в грязи и траве. Они наверняка воняли, да и одеты были неподобающим образом. Это привлекало нежелательное внимание.

Павлик быстро увел их подальше от толпы в темный коридор, подсвеченный только светодиодными проводами, натянутыми под потолками, и украшенный картинами авангардистов. В конце они уперлись в еще одну дверь – с табличкой «Арт-директор». Павлик аккуратно постучался, а затем открыл ее, выдвинув девушек вперед.

– Как тебя угораздило? – раздался низкий женский голос. Тон был раздраженным и взволнованным, но сам голос показался Татьяне бархатным.

Матерью Лады оказалась высокая женщина с круглым бюстом и мускулистыми ногами. Привлекательность фигуры подчеркивало черное мини. Узкий вырез воротника уходил ровно в полоску между грудями, придавая острой пикантности в целом строгому образу. Лицо, как и все тело, имело острые черты, треугольные, угловатые, несоразмерные. Носик терялся на фоне больших карих глаз и пухлого, словно взбитого, рта, акцентированного алой помадой. Губы имели настолько сжатую форму, что казалось, женщина постоянно вытягивала их вперед в жалкой попытке сделать трубочку. Смотрелось вызывающе.

Татьяна не смогла определить точный возраст, потому что арт-директор выглядела молодо, но имела такую взрослую дочь. Тридцать пять – максимум, который совесть позволила ей присвоить. Ухоженность бросалась в глаза. Волосы, качественно покрашенные в каштановый, пышные, упругие, широкими волнами спадали с плеч на грудь.

– Как ты оказалась на кладбище? – встревоженно спросила женщина, обхватив дочь за плечи.

– Ща расскажу, – отмахнулась Лада, выщепилась из тонких рук и плюхнулась на зеленый диван, стоявший по правый бок от двери.

Пока на Татьяну не обращали внимания, она разглядывала помещение. Квадратный кабинет имел два трехстворчатых окна, между которыми идеально встроился офисный шкаф, заставленный папками с файлами. Оживленности придавали декоративные пальмы в громоздких глиняных горшках. Стол представлял собой массивную конструкцию в форме буквы «Т» с тонкими мини-этажерками по бокам, на которых складировались канцелярия, книги, сувениры и косметика.

Над столом возвышалось мозаичное панно с голой женщиной на песке. Тело ее обвивала толстая белая змея с жуткими красными глазами. Но лицо женщины выражало безмятежность, если не удовольствие. На боковых стенах тоже висели картины, написанные аэрозольными красками на не тканевых холстах. На них изображались космические пространства. Их хаотичность не сочеталась со строгостью остального интерьера.

С обеих сторон от входа стояли трехместные кожаные диваны, на одном из которых с удобством расположилась Лада. Татьяна, не спрашивая разрешения, решила сесть рядом.

– Давай, я тебе сначала мою спасительницу представлю, – Лада показала на Татьяну в тот самый момент, когда она садилась, тем самым заставила ее замереть и снова подняться. – Таня.

Она поклонилась от растерянности.

– Арина, мать этой безрассудной, – сказала женщина, поджав уголки пухлых губ, и скрестила руки под грудью, которая за счет этого тоже взбилась и стала выпирать сильнее.

– От чего она тебя спасла? И почему, вообще, тебя надо было спасать? Во что ты на этот раз вляпалась? – Арина быстро раздражалась. – Куда отец твой смотрел? Он тебя опять одну отправил? Где он, вообще, деньги нашел на билеты?

– Он уже три месяца работает на одной работе! – с гордостью провозгласила Лада, выпятив подбородок вперед.

– Тоже мне работник года!

Татьяна, поняв, что ей больше участвовать в беседе не придется, спокойно села на диван, переводя непричастный взгляд с Лады на Аринц и обратно. Наконец, она ощутила, как тело расслабляется. Она настолько привыкла к напряжению, что до настоящего момента не замечала этого, но, только коснувшись попой мягкого сиденья, почувствовала, как оттаивают конечности, как легче стало шевелить шеей и как грудь задышала в полную силу.

– Зачем ты вообще сбежала опять? – Арина развела руками в воздухе и уставилась на дочь. – Я же тебе обещала, что в августе ты к нему поедешь! Я бы тебя отвезла и привезла. И без всех этих приключений.

– До августа еще целый месяц! Я отца полгода не видела!

Арина гневно закатила глаза, но ничего не сказала, снова скрестив руки, только сильнее. Лада тоже насупилась и отвернулась к окну, за которым густела тьма.

– Ладно, рассказывай, – успокоилась Арина.

Лада пару секунд мешкала, хмурясь, но потом начала повествование. Вскоре она уже говорила так же эмоционально, как до этого в машине с Павликом, описывая мельчайшие подробности. Арина ее часто перебивала возмущенными вопросами, но, не получая ответы, слушала дальше.

– Вот ты дура малолетняя! – вскричала она, когда Лада закончила рассказ. – А если бы ты одна была? Сейчас бы валялась где-нибудь в канаве, не факт что живая! Да как, вообще, можно быть настолько легкомысленной?!

Арина кричала в потолок или выше, вздымая руки к небу. Дочь смотрела на нее со слезами на глазах и сутулилась в попытке сжаться до сингулярности.

– К незнакомым парням! Садиться в машину! Ночью! Ты, Татьяна, конечно, тоже молодец! – Арина резко повернулась к ней и наткнулась на испуганные глаза. – С одной стороны, конечно, хорошо, что ты с этой дурой поехала! Но сама-то как не сообразила? А вдруг бы не удалось спастись? Вы чем вообще думаете? Вагинами вместо мозга?!

– Вагиной обычно ты думаешь! – воскликнула с обидой Лада. – А я, может быть, почти влюбилась!

Арина просверлила ее разъяренными глазами, застыв в неестественной позе, и сжала кулаки, будто готовилась ударить. Татьяна снова напряглась. Лада совсем ссутулилась, скрестив под грудью руки, и отвернулась к окну, не желая видеть озлобленное лицо матери. Арина вся покраснела, но через пару минут в молчании и оцепенении успокоилась. Прошла за стол и громко села в кресло, положив руку на подлокотник.

– Ладно. Таня, спасибо, что спасла эту глупую.

Татьяна тут же подняла взгляд на директора, но та закрыла глаза, водила пальцами по лбу, разглаживала морщины, которых и так не было видно.

– Как я могу тебя отблагодарить?

– Не знаю, – растерялась Татьяна. – Мне ночевать негде.

– Я уже пригласила ее переночевать у меня, – встряла Лада. – Еще до этого...

– Ну, что ж, Павлик вас отвезет тогда.

Арина вызвала его по телефону. Через минуту парень появился в проеме. Лада быстро поднялась и направилась к нему. Татьяна за ней.

– Таня, ты подумай. Утром поговорим, – сказала им вслед Арина. – Я не люблю быть неблагодарной. Может быть, я тебе чем-то смогу помочь.

Она хмыкнула, пожав плечами, и в следующий миг уставилась в светящийся монитор, словно сразу забыла о дочери, Татьяне и помощнике.

[1] Dancehall [Дэнсхолл] – с англ. танцевальный зал

Глава 3. В благодарность

Пока они выходили из клуба, Павлик спрашивал Ладу о том, как сильно ругалась мать. Та отвечала неохотно, отмахивалась и отшучивалась. На обратном пути Татьяна еще раз посмотрела на танцовщиц гоу-гоу. Рыжей уже не было. Теперь танцевали две длинные азиатки в гипертрофированной форме корейских школьниц с более короткими юбками и прозрачными блузками. Милые лица девушек заманчиво улыбались всем. Татьяна позавидовала здоровью их кожи, но долго понаблюдать за ними не удалось. Лада потащила ее за руку к выходу.

Квартира находилась недалеко от клуба, в престижном районе в кондоминиуме премиум-класса со шлагбаумом, постом охраны и консьержем. Павлик довел их до лифта, Ладу обнял на прощание, а Татьяне крепко пожал руку и удалился на улицу. Они поднялись на десятый этаж и вошли в одну из трех железных дверей. Пространство явно обставлял профессиональный дизайнер. Во всех видимых комнатах в зеркалах и на глянцевых поверхностях играл свет. Элементы декора и мебель специально подбирали для сочетаемости, но здесь очень недоставало уюта.

– Проходи, не стесняйся, – радушно сказала Лада, закрывая за собой дверь.

Осмотрев широкую прихожую, отделанную бежевой мозаикой, Татьяна лишний раз убедилась, что такой вариант ночевки гораздо лучше, чем какой-нибудь хостел и, тем более, дождливая улица. Она сделала несколько неуверенных шагов вперед. Лада скинула пиджак Павлика на велюровый пуф и прошла по длинному коридору за матовое стекло. Татьяна последовала за ней. Из коридора в разные комнаты вело несколько дверей. Остальные были глухими.

– Чур, я первая в душ! – воскликнула Лада.

В ванной приятно пахло чем-то цитрусовым. Татьяна сразу вспомнила любимый лимонный пирог, который часто готовила мама, и чуть не заплакала, вовремя зажмурившись. Приступ отчаяния прошел через несколько секунд. Она еще раз умыла лицо холодной водой и тщательно вымыла руки кремовым мылом, пахнущим миндальным молочком.

Уровень комфорта в этой квартире был несравним даже с уровнем домашнего уюта, тщательно создаваемого ее мамой. Но Татьяна остановила себя на мысли, что теперь у нее не было дома, лимонного пирога и мамы.

– Ладно, ты там посиди где-нибудь. Че найдешь в холодильнике, все можешь есть, – Лада почти выталкивала Татьяну из ванной. – Фу, я такая грязная! Мне не терпится помыться.

Последние слова она произносила уже за закрытой дверью. Татьяна улыбнулась и отправилась на кухню, которая оказалась одновременно гостиной с выделенными зонами для готовки и для отдыха. Татьяне не хотелось здесь ничего трогать, чтобы не испачкать. Но живот урчал неистово, ибо ела она в последний раз часов десять назад, поэтому первым делом заглянула в огромный холодильник, раскрыв его как шкаф обеими руками.

Раздавшиеся запахи пробудили зверский аппетит. Ей захотелось, не глядя, набрать с десяток контейнеров, в которые была разложена еда, и опустошить все до единого. Но вспомнив, что находится в гостях, Татьяна остановила себя и начала по очереди разглядывать ланчбоксы, пытаясь сквозь полупрозрачные стенки определить, что хранится в каждом. В трех первых кто-то порционно разложил одно и то же блюдо: гречку с курицей. Второй ряд контейнеров содержал овощные салаты с сыром. В третьей партии хранились разрезанные на дольки фрукты. Кажется, в этой семье делали заготовки на несколько дней вперед. Вряд ли это делала Лада, поэтому наверняка Арина. Татьяна тут же отпрянула от контейнеров, боясь их трогать, чтобы не угодить потом под шквал недовольства хозяйки.

Она покопалась на полках в поисках того, что можно было съесть без приготовления. Холодильник забили овощи, зелень, сыры, какие-то соусы и йогурты, а Татьяне хотелось чего-то сытного, возможно, жирного и, скорее всего, вредного. В этой квартире явно следили за

здоровьем. Она привыкла питаться овощами и зеленью, но не после десяти часов голода и тем более не после пережитого. Потому выбрала сыр и йогурт. Лада в голубом махровом халате вошла в кухню и плюхнулась на мягкий стул.

– Че, там есть че-нибудь съедобное? – вяло спросила девчонка, вытянув шею в попытке заглянуть в холодильник.

– Мало чего, – Татьяна поставила на стол свои находки. – Вот.

– Опять мать всякой гадостью холодос забила, а мою наверняка выбросила, – проворчала Лада, встала со стула и сама отправилась исследовать содержимое холодильной камеры, погрузившись туда головой. – Яишку будешь?

– Буду, – кивнула Татьяна с чувством.

– Тогда иди пока в душ, ща приготовлю.

Татьяна послушалась. Она еще в могиле мечтала о горячей воде с мылом. Грязь запеклась в волосах и на коже, оседая пылью на пол. Татьяна аккуратно сняла одежду, чтобы как можно меньше грязи оставить вокруг, но вышло плохо. Впрочем, еще до нее здесь наследила Лада, которая не особенно беспокоилась по этому поводу.

Гелей для душа на полках был представлен целый ассортимент. Татьяна взяла цитрусовый. После душа она пахла как декоративное лимонное дерево.

Не выходя из ванной, лишь слегка приоткрыв дверь, Татьяна спросила у хозяйки, может ли та дать сменную одежду. Лада принесла ночную пижаму, которая оказалась велика, но злоупотреблять гостеприимством не хотелось. Переодевшись в свежее, Татьяна, наконец, полностью расслабилась. Руки и ноги сразу обмякли, будто тридцать три года пролежали без движения. Вернувшись на кухню, она рухнула на стул.

– Спасибо, – благодарная улыбка встречала блюдо с горячей глазуньей.

– Приятного, – кивнула Лада.

– А я в свои восемнадцать до сих пор готовить не умею, – внезапно, даже для себя, заметила Татьяна, опустив взгляд в тарелку.

– Да я тоже особо не умею. Яишку только, – девчонка откусила полкуска серого хлеба, предварительно макнув его в желток. – И мать моя не умеет. Нам экономка готовит и все по контейнерам раскладывает.

Следом в рот полетел ломтик белка. Татьяна повторяла за ней. Глазунью не любила мама, поэтому Татьяна такое никогда не ела, но всегда хотела попробовать. Сырой желток оказался вязким и вкусным, особенно с хлебом.

Прожевав, Лада продолжила.

– Причем для меня она готовит отдельно, потому что я не могу есть ту гадость, что мать жрет. Она меня постоянно пытается на диету посадить. Сама себя изводит, и меня тоже решила извести. А я считаю, что я и так прекрасна. Моей груди все худые одноклассницы завидуют.

Она горделиво заулыбалась.

– Тут есть чему, – Татьяна против воли уставилась на Ладин бюст.

– А мне этот парень почти понравился, – Лада задумчиво глядела на дверь кухни. – На самом деле, я бы ему, может, по доброй воле дала, если бы он не был так напорист. И без друзей. И пригласил бы меня на свидание. Хотя бы на одно.

– Он мерзкий, – фыркнула Татьяна. – И дружки его тоже.

– Дружки да, – вздохнула девчонка. – Блин, мы такие тупые с тобой. Это я во всем виновата. Тебя в это втянула. На первого встречного запала. Может, я все-таки в мать?

Она цокнула и снова принялась за яичницу.

– Конечно, нет, – воскликнула Татьяна. – Мы просто с тобой обе неопытные. Я ведь тоже, можно сказать, на первого встречного запала. Я тогда вообще напилась и была без сознания. Он со мной мог сделать все что угодно. Просто мне повезло, что он оказался хорошим.

– Все равно с подругой твоей замутил. Разве это хорошо?

– И правда, – Татьяна умолкла.

Наевшись, обе почувствовали дикую сонливость. Лада указала Татьяне на раскладной двуспальный диван в ее комнате у окна, кинула туда подушку, покрывало и белье, чтобы гостья приготовила себе постель, а сама со словами «Спокойной ночи» и зевотой прыгнула на высокую кровать и мгновенно уснула. Татьяна тоже, как только коснулась подушки, отключилась. День выдался насыщенным.

Проснулась Татьяна от громкого хлопка. Они забыли закрыть дверь в комнату. И из прихожей все было прекрасно слышно. Девушка резко вскочила. Лада тоже проснулась. Потягиваясь, она сообщила, что это мать вернулась с работы. Проходя по коридору, Арина заглянула в пустой проем.

– Че не спите?

– Дверь надо тихо закрывать! – проворчала из-под подушки Лада.

– В *комнату* дверь надо закрывать, – так же грубо ответила Арина и пошла дальше.

Пялясь в голубой потолок, Татьяна прислушивалась к каждому шороху, который издавала Арина на кухне. Она несколько раз открывала холодильник, ставила контейнеры на стол, кипятила чайник, звенела приборами и посудой. Им обеим было лень подняться и закрыть дверь, поэтому приходилось слушать. Лада накрылась подушкой и закуталась в одеяло, создав себе слабую звукоизоляцию, а Татьяна просто лежала на спине, часто моргая и зевая. Электронные часы на письменном столе показывали раннее утро: без пяти семь. Они проспали примерно пять часов, но Татьяне казалось, что ее разбудили пятнадцать минут спустя.

Почувствовав тяжесть в мочевом пузыре, она поднялась и вышла в ванную. На выходе ее поймала Арина с чашкой ароматного кофе в руке. Учуяв бодрящий запах, Татьяна непроизвольно втянула его.

– Тоже хочешь? – спросила Арина, чуть сбившись, потому что изначально хотела спросить что-то другое.

– Не откажусь, – расплылась в улыбке Татьяна и последовала за хозяйкой на кухню.

Арина все еще была в рабочем платье, но босиком. Даже без туфель она оказалась выше Татьяны примерно на треть головы. Собранные в конский хвост волосы виляли за плавной походкой, как успокоительный маятник. Арина вылила из кофеварки остатки коричневой жидкости в чайную чашку. Молоко Татьяна попросить не отважилась, но кофе все равно оказался вкусным, даже без пряностей.

Арина села на стул, спиной к выходу, поставив перед собой контейнер с греческим салатом и бутерброд из зернового хлеба с сыром и хумусом.

– Можешь сделать себе такой же, – сказала она, заметив Татьянин возбужденный аппетитом взгляд. – Все на столе.

Татьяна поблагодарила и намазала на хлеб хумус, а потом отрезала пару ломтей дырявого сыра и положила сверху. С кофе такой бутерброд показался кислым, но аппетит это не портило.

– Ты подумала?

Арина впила внимательный взгляд в растерянное лицо Татьяны. Спросонок она не сразу сообразила, о чем речь, но, вспомнив, закивала, а потом отрицательно закачала головой.

– То есть нет, я еще не думала...

От волнения она чуть не подавилась. Арина отвернулась и принялась медленно есть салат, закусывая бутербродом. Татьяна ела быстро и с жадностью, успев докончить свой до того, как она задала следующий вопрос.

– Неужели тебе деньги не нужны?

Татьяна чуть не подавилась, кашлянула и сделала еще глоток кофе.

– Нужны, разумеется. Я вчера все деньги, вещи и документы потеряла.

Она старалась не смотреть на Арину, потому что та ее пристально разглядывала.

– Документы легко восстановить, а деньги я могу тебе дать, – сказала Арина спокойным, но твердым тоном. – В благодарность за спасение дочери.

– Деньги меня не спасут, – сжав кулаками ткань пижамы, начала Татьяна нерешительно, но поняв, что терять ей нечего и можно быть посмелее, добавила, – а вот работа мне очень нужна.

Арина посмотрела на нее другим взглядом, чуть прищурившись, и усмехнулась.

– А что ты умеешь делать?

– Танцевать. Я хочу стать танцовщицей гоу-гоу, – выпрямилась Татьяна.

– Хм. Ты училась?

– Я закончила академию балета в этом году.

– А современные танцы?

– Нет, – она снова опустила голову. – Но я смогу! Я видела, как танцуют у вас в клубе. Я уверена, я смогу так же.

Арина, хмыкнув, откинулась на спинку стула и скрестила руки на груди. Прикованный карий взгляд заставлял Татьяну с каждой секундой нервничать сильнее, как будто защитные поля под действием невидимого лазера ослабевали и открывали хрупкое тельце полностью для бомбардировок. Примерно минуту Арина изучала ее, а потом взяла со стола смартфон и одним пальцем включила музыку. Кухня наполнилась мелодичными электронными звуками в стиле техно.

– Давай танцуй, как мои девочки в клубе, – она кивнула в сторону пустого места в середине кухни.

Татьяна растерялась, но не осмелилась не послушаться и вышла на «танцпол». Собравшись с силами и переборов неловкость, словила ритм и задвигалась в такт мелодии. Сама не знала, что делает, но выполняла странные движения, увиденные когда-то в кино или где-нибудь еще.

– Импровизируй, не стесняйся, – подогревала Арина.

Татьяна начала двигаться оживленнее, разводила вперед, назад и в сторону руки, делала маленькие шажки ногами, виляла бедрами то влево, то вправо, а потом, когда мелодия резко затихла, замерла с поднятыми руками.

– Хореография – говно, – сурово озвучила вердикт Арина, – но пластика хорошая.

Татьяна смутилась, покраснела и застыла в виноватой позе, не зная, как еще можно доказать, что она может танцевать гоу-гоу, но той дополнительные аргументы не потребовались.

– Ладно, так уж и быть. Возьму тебя на испытательный срок, – Арина вернулась к завтраку. – На месяц.

Она резко обернулась и грозно посмотрела на Татьяну, а потом, поймав признательный взгляд, выпила кофе.

– Имей в виду, я тебя в благодарность только на испытательный срок взяла. Ты можешь легко с него вылететь. У меня танцовщики, вообще-то, большой конкурс сначала проходят, чтобы просто попасть на стажировку. И даже после жесткого отбора не все ее переживают.

– Конечно, я все понимаю, – закивала Татьяна. – Все равно спасибо.

– Хм.

Арина медленно проходилась взглядом по ее лицу, что-то про себя анализируя, отчего Татьяна заморгала и забегала глазами по комнате.

– На испытательном плачу две пятьсот за ночь, после пять, – продолжала Арина с кружкой в руке, иногда делая короткие глотки кофе. – Работать предстоит с десяти вечера до четырех утра, чередуясь по двадцать минут, в пятницу, субботу и воскресенье. Сразу скажу, придется подчиняться единой строгой дисциплине. Никаких опозданий как на работу, так и на репетиции. А репетиции для тематических вечеринок обязательно будут. Танцы будет ставить Света, она главная среди танцовщиков. Ее лучше слушаться.

– Рыжая такая? – невольно перебила Татьяна, вспомнив девушку на сцене, которую они с Ладой обсуждали.

– Знаешь ее?

– Нет, просто вчера видела, как она танцевала. Мне понравилось.

Татьяна снова смутилась и опустила взгляд, решив тоже выпить кофе.

– Для повседневной работы костюм придется шить самой, но обязательно каждый предварительно согласовывать со мной, – продолжала арт-директор с напором, набирая темп, будто чеканила монеты. – Независимо от обстоятельств работать ты должна каждые выходные. Никаких больничных. Никто тебе их оплачивать не будет. Отмазки типа «заболела единственная кошка», «я на предсмертном одре» и «сегодня у любимой тети Клавы день рождения» не принимаются. Не вышла в пятницу, в субботу и воскресенье можешь не выходить, потому что я найду замену на весь уикенд. Не вышла в воскресенье, пятница и суббота будут оплачены только наполовину, потому что мне срочно придется искать тебе замену. Пропустила тематическую вечеринку, к которой мы готовились с репетициями, ты уволена.

Она посмотрела Татьяне в глаза, чтобы убедиться в ее понятливости и готовности к такому развитию событий. От глубины взгляда создавалось ощущение, будто мысли и чувства проверяются специальным наносканером, внедренным в радужку глаза. Татьяна не была уверена, что до конца все это понимает, но медленно кивнула, ведь терять ей было нечего.

– С гостями клуба в рабочее время общаться запрещено. После смены делай что хочешь. Чаевые собирает охранник и относит в бар. Ты на деньги не обращаешь внимания. Чай общий, все делится между всеми официантами, барменами и танцовщиками. Что непонятно?

Вопрос она задала тоном человека, который очень не любит, когда задают дополнительные вопросы.

– Все понятно, – для большей убедительности Татьяна кивнула несколько раз.

Через секунду на кухне появилась шаткая фигура сонной Лады.

– Че за тусняк вы тут устроили? – ворчала она, пробираясь к кувшину с водой. – Поспать не даете, сволочи.

– Поздравь свою подружку, – Арина взмахнула свободной рукой. – Она теперь танцует гоу-гоу в моем клубе.

– Взаправду?

Глаза девчонки резко проснулись и широко раскрылись от удивления. Она протерла правый рукой, будто проверяла, не галлюцинация ли это.

– Понарошку, – рассмеялась Арина.

Лада несколько секунд после пребывала в замешательстве, но, встретив улыбающийся взгляд Татьяны, все осознала.

– Ну, поздравляю, – почти равнодушно сказала она и налила полный стакан воды.

Потом присоединилась к трапезе за столом, пофыркав на еду матери. Себе она сделала бутерброд с глазуньей и запила персиковым соком.

За столом Татьяна молча допивала кофе, пока Арина с Ладой обсуждали семейные дела. Мать выспрашивала о чьем-то брате и бывшем муже. Тон ее при этом был раздражительным и недовольным, а порой и злорадным, словно она всеми силами пыталась показать ненависть и пренебрежение, но Татьяне казалось, что за этой злобой скрывалась обида. Впрочем, эти проблемы ее не касались, поэтому она помалкивала и старалась не особо вдумываться, потому что тема была щепетильная.

– Ну, работа у тебя теперь есть, – сказала Лада, когда завтраки уже были съедены, а Арина отправилась умываться перед сном. – Жить где будешь?

– Не знаю, – Татьяна пожала плечами. – На самом деле, мне даже есть нечего, потому что денег у меня тоже нет.

– Ого, – удивилась Лада.

Сначала она откинулась на спинку дивана, а потом резко соскочила с него и побежала к матери в ванную.

– Ма, Тане жить негде! И даже есть нечего! Можно, она у нас поживет месяцок? А?

Лада бесцеремонно открыла стеклянную дверь и вбежала внутрь. Татьяна слышала только шум воды и нечеткие голоса, но суть разобрала исключительно по тону говорящих. Арина явно не воодушевилась идеей дочери. Татьяна и сама не хотела навязываться.

Через пару минут Арина, уже без макияжа и в шелковом неглиже, появилась на кухне.

– Так. Зесь ты жить не будешь, даже не рассчитывай, – начала она с порога. – Я заплачу тебе авансом тридцать тысяч. Это эквивалент двенадцати смен. Думаю, тебе хватит, чтобы снять какую-нибудь комнатушку и просуществовать как-нибудь первый месяц.

Арина смерила Татьяну суровым взглядом. Она единожды кивнула.

– Да, спасибо.

Арина вышла в прихожую, достала из сумочки кошелек и вернулась на кухню. Небрежно кинув шесть пятитысячных купюр на стол и рарзвернувшись к коридору, бросила:

– Сегодня в половину десятого жду тебя в клубе. Когда проснусь, тебя здесь быть не должно.

Татьяна вздохнула и взяла деньги.

– Сучка недотраханная, – тихо, но с чувством сказала Лада, садясь за стол. – Всегда, когда у нее больше одного дня нет секса, она такая стервозная.

– Да нет, – возразила Татьяна, – я бы тоже была против, чтобы в моей квартире какая-то незнакомка жила целый месяц.

– Была бы ты парнем, уверена, она бы с радостью согласилась, – ухмыльнулась Лада.

Татьяна посмотрела на нее с сочувствием, но оттягивать с решением насущных проблем было некогда. Лада бескорыстно отдала свое черное хлопковое платье, которое на пару-тройку размеров было велико Татьяне, но зато пахло цветочной свежестью и оказалось весьма удобным. Спортивный костюм с футболкой она сунула в пакет, и это был весь ее скарб. Ей даже не во что было положить деньги. Лада подарила маленький кошелек, в каких обычно носят монеты, но Татьяна с усилием засунула туда купюры.

– Спасибо, – сказала она, стоя на придверном коврике в прихожей.

– Что ты! Тебе спасибо! Если бы не ты! – Лада обняла ее, как родную сестру.

Татьяна сначала опешила, а потом, почувствовав тепло пухлых рук, расслабилась и обхватила мягкие лопатки.

– Ладно, еще увидимся, – улыбнулась, помахала рукой и вышла за дверь.

Впереди ее снова ждали большой город, неизвестность и возможные опасности.

Глава 4. Самостоятельная

Выйдя за пределы жилого комплекса, Татьяна оказалась на пустой улице, засаженной тонкими деревцами. В раннее утро прохожие встречались редко. Чуть подальше гудели автомобили, сигналили сирены, скрипели строительные краны. В неизвестном для себя направлении она двинулась на шум меж нестройных крыш многоэтажек.

Последний раз в Москве Татьяна была пять лет назад. Мама брала ее в командировку во время летних каникул. Она мало что помнила из этой поездки. Мама занималась делами, а с Татьяной отправила гулять своих друзей, нудных скрипачей, которые только жаловались и проклинали весь белый свет.

Теперь Татьяна сама могла решать, когда и куда идти. Никто не мог заставить ее выслушивать скучные диалоги двух чопорных пенсионеров. Зато теперь ее волновали базовые вещи: что есть и где спать. Она никогда раньше не задавалась этими вопросами. Еда всегда была готовой, вкусной и полезной, постель – привычно удобной, теплой и мягкой. Рядом каждую минуту была мама, которая все объясняла и советовала. И ходить приходилось по одному и тому же маршруту, а здесь все улицы и проспекты неизвестно куда вели.

Татьяна даже не знала, где и как искать жилье. Просто переставляла ноги, скорее, рефлекторно, чем сознательно. Смотрела по сторонам на окружающие объекты, скорее, сквозь, чем на. Голову будто бы занимали важные мысли, но все крутились вокруг одной оси – стержня паники, и никак не развивались.

Татьяна гуляла часа два по стремительно просыпающемуся городу, прежде чем увидела объявление, напечатанное на розовой бумаге и приклеенное к фонарному столбу, что стоял на перекрестке у пешеходного перехода. Она случайно его заметила, отвлекшись на оглушающий рев мотоцикла. Взгляд уловил «Сдам квартиру-студию, 20 000 р., без залога», выделенное жирным увеличенным шрифтом. Мелкими буквами снизу лаконично и емко описывалось само помещение: «Студия 30 кв.м., с/у совм., лоджия, евроремонт, вся необходимая быт. техника есть, 15 минут пешком до метро. ТОЛЬКО ДЕВУШКАМ». Дальше шел номер телефона и имя – Виктория. Татьяна сорвала листок и прочитала несколько раз.

«Мне даже нечем позвонить!» – с ужасом вспомнила она, когда решила узнать подробности. Татьяна огляделась по сторонам в поисках салона связи. В поле зрения ничего подобного не попалось. Интуиция подсказывала: «Следуй за толпой». Ноги повели ее сами. Попутные прохожие привели Татьяну к метро, где вокруг да около всегда находились магазины телефонов.

Купить сим-карту без паспорта оказалось тем еще квестом. В салоне связи Татьяна смогла приобрести лишь телефон. Взяла самый простой по желтому ценнику, устав от навязчивого от продавца и поддавшись на его акцию. Зато он ей посоветовал, где можно оформить симку без документов, и отослал к лавочнику в переходе, который торговал у замызганной стойки известного мобильного оператора. Тот послал ее к своей знакомой, которая просто ошивалась где-то рядом без всяких знаков отличия. Они с Татьяной поиграли в кошки-мышки вокруг перехода и наконец состыковались. За тысячу рублей женщина выдала ей рабочую карту, даже имя не спросила. И еще пятьсот рублей пошло на баланс. Татьяна осталась довольна.

Набрав указанный в объявлении номер, она слушала длинные гудки и волновалась все больше с каждым новым. Она впервые это делала и нервничала, как будто сдает экзамен по решению житейских вопросов, прогуляв все лекции и семинары. На звонок ответил приятный женский голос с правильно поставленной речью. Виктория в целом рассказывала все то, что Татьяна уже прочитала в объявлении, но с некоторыми подробностями.

Мягкий с нотками нежности голос с первого слова располагал к себе. Не ожидая, пока Татьяна спросит, девушка рассказала о наличии всей необходимой мебели и техники для комфортного быта. После внутренних особенностей квартиры поделилась подробностями о районной инфраструктуре, нахваливая доступность всего необходимого.

– Все в хорошем состоянии. После ремонта ее снимала аккуратная девушка около двух лет, – продолжала Виктория. – И всего за двадцать тысяч рублей в месяц. Отдельно нужно будет оплачивать коммунальные счета. И без залога.

Татьяну вопрос с залогом не волновал, она плохо понимала, что это значит. Она высчитывала в уме, сможет ли платить ежемесячно двадцать тысяч за квартиру и еще сверху за коммунальные услуги, но посчитав, что пройдет испытательный срок во что бы то ни стало, а потом зарплата увеличится вдвое, решила, что ей хватит. Надо было только первый месяц как-нибудь перекантоваться.

– Когда вы хотели бы посмотреть квартиру? – спросила Виктория.

– Я готова хоть сейчас!

– Отлично. Тогда я вам сообщением скину адрес, куда подъехать, и встречу вас там у подъезда через два часа, то есть в двенадцать.

– Договорились.

Татьяна услышала по голосу, как Виктория заулыбалась.

– Что ж, до встречи.

Положив трубку, она пялилась в телефон в ожидании смс-сообщения, которое пришло спустя две минуты. Татьяна решила отправиться по указанному адресу на наземном транспорте, потому что метро никогда не любила, даже в Петербурге. В запасе осталось два часа, поэтому можно было не торопиться, а город посмотреть хотелось.

По мере отдаления от центра столица начинала тускнеть и распадаться. Улицы все меньше выделялись царской стариной и больше загромождались типовыми советскими многоэтажками. Кое-где еще мелькали модерновые торговые и бизнес-центры, а на дальнем фоне – красочные очертания аттракционов. Полузаброшенные пустыри с гаражами и ржавыми автомобилями разрезали пространство спальных районов, придавая им вид убогости и затхлости. Где-то, напротив, воздвигались густо застроенные высотные жилые кварталы, не уникальные, но разноцветные.

Татьяна с любопытством разглядывала горожан. Люди везде были одновременно одинаковые и разные. У каждого текла своя жизнь, велись различные дела, происходили события, но, вырванные из контекста, они все казались просто пестрой массой. Их было слишком много, чтобы кто-то на кого-то обращал внимание. Это успокаивало. Здесь ее вряд ли кто-либо из оставленного прошлого мог найти.

Татьяна высадилась на широкой улице, почти напротив узкого переулка, скрытого деревьями, и завернула туда. Ориентируясь по онлайн-картам, дошла до нужной арки, ведущей в череду тесных дворов, и вошла в распахнутые ворота.

Опрятная женщина в голубом брючном костюме встретила ее у подъезда серого здания. Она дружелюбно улыбалась, но все жесты и мимику сдерживала, как политики или бизнесмены на важных встречах, чем сразу расположила Татьяну к себе, потому что демонстрировала деловитость.

Они вошли в тускло освещенный подъезд. Пахло чем-то несвежим, хотя мусора и грязи не было видно. Лифт кряхтел, но и в нем оказалось чисто. Наконец, они встали перед железной черной дверью. Виктория по очереди двумя ключами открыла замки и пригласила Татьяну внутрь.

Когда над ней зажегся винтажный бра, Татьяна увидела перед собой всю студию целиком. Это было продолговатое светлое помещение с большим окном. Татьяна задержалась на резиновом коврике, пока Виктория не предложила войти и посмотреть все изнутри.

Здесь действительно имелось вся для комфортного проживания: и полностью оборудованная кухня, спрятанная за реечной перегородкой, и удобный диван для отдыха, и рабочая зона. В квартире царил порядок и уют. Маленькие декоративные безделушки, будь то фарфоровая собачка или простенькая картинка в белой пластиковой рамке, придавали комнате вид оживленности и обжитости.

Виктория поводила Татьяну по квартире кругом, показав места хранения и рассказав немного о соседях, которые не должны были досаждать. Потом достала документы: копию свидетельства о собственности, ксерокопию паспорта, договор на пяти страницах, на которые Татьяна даже не обратила внимания. Осмотрев ухоженную ванную, она развернулась к Виктории всем корпусом и воскликнула:

– Беру!

Та широко улыбнулась и подошла к столу, на который кинула кипу бумаг. Татьяна сразу достала деньги и отдала Виктории двадцать тысяч рублей, после чего ее кошелек заметно сбросил в объеме.

– Ну, что ж, добро пожаловать. Ваши ключи, – сказала Виктория, протягивая Татьяне звенящую связку.

– Спасибо.

Татьяна, как хозяйка, проводила ее и, счастливо помахав рукой, будто прощалась с единственной подругой, захлопнула дверь, когда Виктория спустилась по лестнице. Обернувшись и еще раз оглядев новое обиталище, Татьяна почувствовала себя взрослой.

Первым делом она занялась стиркой одежды и белья. Потом сбегала в супермаркет за необходимыми предметами гигиены, простой косметикой, чаем и печеньками. Делая маленькие глотки горячего напитка, разносящего аромат мяты по комнате, оглядывалась вокруг и никак не могла нарадоваться, будто поселилась в Зимнем дворце. Чай ее расслабил. Снова почувствовав усталость и эмоциональное истощение, Татьяна прилегла на диванчике и мгновенно уснула.

По пробуждении глубокий сон, казалось длился всего одно мгновение. Она резко открыла глаза, думая, что ничего не изменилось. Но в комнату теперь вливался не белый полуденный свет, а розовато-желтоватые оттенки настигающего небо заката. Татьяна соскочила и заметалась по незнакомой квартире, пытаясь понять, к чему, где и как приступить.

Ей хотелось есть, но было нечего. В первую очередь требовалось привести себя в порядок перед первым рабочим днем. Она отправилась в ванную и застряла там на полтора часа, пока тщательно намывалась и брилась. После душа Татьяна минут пять не решалась наносить на глаза дешевую тушь в страхе потерять все ресницы или вообще зрение, но все-таки накрасилась ей аккуратно. Потом подкрасила губы жирной, неприятно пахнущей, помадой морковного цвета. Смотрелось пока неплохо, но Татьяна предвкушала, как вся эта косметика может растечься на лице прямо во время выступления. От такой перспективы бросало в дрожь, но прийти в первый день без макияжа ей показалось более кощунственным.

Платье еще не высохло, как и все остальное. Пришлось влезать во влажное белье и мокрые кроссовки, зато в чистое.

Перекусить она решила в маленьком бистро напротив, где подавали вредную и сытную шаурму, которую Татьяна по-питерски называла шавермой. Там было грязно и кучно, но пахло заманчиво. Пришлось сбросить брезгливость на входе, чтобы с наслаждением слопать вкусность за одним из столиков.

В районе «Дэнсхолла» улицы были забиты молодежью, которая кричала, смеялась, гуляла и даже дралась. Многие из толпы шли туда же, куда и Татьяна. Все вокруг ходили красивые, веселые, пьяные. Сексапильные девушки сверкали блестками в мини-юбках на толстых каблуках. На их фоне Татьяна сама себе казалась неказистым воробьем, по случайности залетевшим в лебединое озеро.

Охранник на фейсконтроле сначала не хотел ее пускать, тем более, вперед очереди, и заставил ждать Павлика, который, к ее удаче, пришел несколько минут спустя.

Татьяна смогла подробно разглядеть парня. Лицо его еще сохранило юношескую припухлость, но Павлик всеми косметическими силами старался придать себе взрослости. Зачесывал волосы назад и набок, оголяя гладкий лоб. Ходил в подобранной не по размеру деловой одежде, что придавало сто процентов строгости сверху, а ноги обувал в начищенные до блеска туфли с острым носком. Костюм на нем теперь сидел другой, темно-зеленый, матовый, с коричневой рубашкой. Все вместе это смотрелось нелепо. И если бы не такие темные цвета, то выглядел бы он почти так же аляписто, как герой Джима Кэрри в фильме «Маска».

Павлик попытался вкратце ввести Татьяну в курс дела.

– Штат у нас большой, со всеми в первый день не перезнакомишься, – говорил он быстрым речитативом. – Относительно дружный. Мы типа на отделы тут бьемся. В клубе есть своя кухня и официанты. Есть бар, где всем руководит бар-менеджер. Барных стоек несколько в разных концах. Есть промоутеры, которые в основном тусят в баре или на танцполе.

Пока он это рассказывал, Татьяна оглядывала толпу. До открытия клуба оставалось полчаса, а очередь так удлинилась, что казалось, первые в ней посетители пришли сюда утром.

Стеклянные двери автоматически раскрылись перед ними, впустив внутрь. Напротив гардероба висело огромное зеркало наподобие тех, что используют в голливудских гримерках. По периметру стояли трубчатые железные скамейки из нержавеющей стали. Стены, как в галерее, были обвешаны масляными холстами с изображением абстрактных цветных узоров, геометрических и не очень фигур, линий и клякс или непонятно чего еще.

Огромная центральная люстра с множеством мелких деталей занимала половину потолка. Сначала Татьяна подумала, что детали были из хрусталя, но это вовсе оказался металл, в котором отражался свет множества круглых потолочных лампочек, рассыпанных по поверхности словно звезды. Все вместе это создавало атмосферу ретрофутуристичного бального зала. Уже этот холл-прихожую можно было использовать для пафосных светских раутов.

– Вообще, у нас тут много директоров, – продолжал Павлик. – Исполнительный директор, который занимается хозяйственными и административными вопросами. Музыкальный директор, который занимается артистами и диджеями, ну и вообще, всем музыкальным сопровождением вечеринок. Генеральный промоутер, который занимается раскруткой и продвижением клуба. Их ты, скорее всего, видеть не будешь. Твой руководитель – Арина, арт-директор то есть, которая занимается креативным наполнением: всеми шоу-программами, вечеринками, танцами, в том числе. Ты непосредственно подчиняешься ей, мне, как администратору, и Свете, которая старшая гоу-гоу и заодно хореограф. Я тебя сейчас как раз ей передам. Дальше она тобой займется.

Чтобы войти в танцевальный зал, предстояло сначала преодолеть турникет, плавно переходящий в металлический невысокий забор. Павлик приложил магнитную карту к пластиковому ридеру, и они прошли дальше.

В дизайне интерьера преобладали черный и белый цвета, а все предметы имели не строгую, а причудливую, витиеватую или угловатую форму. Идеально гладкую напольную плитку в форме многоугольников черепашьего панциря из черного мрамора разрезали белые динамичные разводы. Потолок напоминал пчелиные соты, которые различались количеством углов и кривизной форм. В некоторые из них утопал матовый пластик, а в некоторых блестели зеркала. В таком же стиле украсили стену за барной стойкой. Светодиодными лентами обрамлялось почти все. По углам и в других местах расставили металлические статуи, изображающие не людей и не животных, а, скорее, древних языческих духов и богов, или визуализирующие чью-то больную фантазию. Статуи скручивались, преломлялись и отражали свет не хуже зеркал.

В центре располагалась сцена, которую Татьяна уже видела. Голубая дверь в гримерку находилась по правую сторону и терялась за кулисами. По сцене плавала легкая разноцветная

дымка и метались в разные стороны лучи светомузыки. За диджейским пультом стоял тот же парень, что и вчера. Он махнул им рукой и улыбнулся.

– Это Таня, новая гоу-гоу, – крикнул Павлик, указывая вправо и назад, хотя она шла с другой стороны.

Диджей понятливо закивал, по-дурацки улыбаясь, как будто ничего не расслышал. В таких громоздких наушниках услышать что-то было затруднительно. Но Татьяна ответила на его приветствие легким поклоном головы. Почему-то диджея Татьяне Павлик не представил. Она решила, что, вероятно, должна была его знать, потому промолчала.

Павлик открыл голубую дверь и рукой показал проходить первой. В гримерке толпились парни и девушки. Некоторые уже переоделись в сценические костюмы, остальные ходили в повседневной одежде. Почти у каждого столика кто-нибудь стоял или сидел, а то и по двое. Кто-то копался в шкафу. Кто-то смотрел в окно. Пара девушек валялась на пуфе в углу – те самые «кореянки», которых Татьяна видела вчера на сцене. В центре сгрудилось человек пять. Татьяна не успела их всех пересчитать, потому что из самого сердца толпы вырвался грубый возглас:

– Это что еще за гадкий утенок?

Взгляды всех устремились на новенькую. Любопытные, недоуменные, смешливые и испытующие. Говорила Света. Татьяна узнала ее по яркому цвету волос, но Павлик все равно ее представил.

Света стояла в центре, впереди всех, скрестив руки на груди и расставив ноги на ширине плеч, будто готовилась к битве. Выражение лица ее показалось Татьяне раздраженным и напыщенно самоуверенным. Тон голоса принял яркий недовольный оттенок. Она чуть ли не фыркнула, из-за чего Татьяна сильно смутилась и опустила плечи.

– Балерина! – махнула Света рукой небрежно, поворачивая голову назад на группу поддержки. – Я думала, по назначению Арины сюда как минимум прима Большого должна явиться!

Татьяна чувствовала на себе не менее дюжины пар глаз. Все казались настороженными и прикованными к ней. От этого становилось нервознее. Будто ее окружила стая голодных волков в диком лесу.

– Это Таня, – Павлик игнорировал все слова и взгляды. – Не прима и не Большого, но балерина, а теперь танцовщица гоу-гоу. Прошу любить и жаловать.

Татьяна быстро догадалась, насколько ей здесь не рады, особенно как назначенцу Арины. Большинство ухмылялись, остальные пугающе молчали, не спуская с новенькой глаз. Татьяне не понравилось то, как Павлик ее представил, и то, как на это хмыкнула Света. Она не хотела, чтобы ее продолжали считать балериной, хотела сбросить с себя этот ярлык и стать кем-то другим, но все продолжали делать на этом акцент.

– Свет, объясни человеку нормально, что да как, – выдохнул Павлик. – И снабди всем необходимым.

Рыжая ничего не ответила, а Павлик и не ждал. Он быстро оглядел всех в гримерке и вышел, оставив Татьяну на растерзание коллегам.

Она резко почувствовала себя беззащитной, еще более беззащитной, чем в первую ночь. Каждой порой ощущала излучаемое Светой раздражение. Остальные выглядели и вели себя спокойно, только замерли в ожидании непонятно чего. Лица их выражали немой вопрос, который Татьяна четко прочитать не могла, но догадывалась о сути. Все они ждали ее появления и многое про нее уже обсудили. Всем было интересно, кого и почему назначила сюда Арина.

Пользуясь паузой, больше чтобы сбавить градус неловкости, Татьяна стала изучать помещение.

Гримерка оказалась просторной и хорошо освещенной. По сравнению с тем, что было в театре, в котором они танцевали выпускной спектакль, эта выглядела роскошно.

Туалетные столики выстроились вдоль трех стен. Четвертую полностью занимал шкаф-купе с зеркальными створками. Здесь было убрано. В углу под потолком висел кондиционер. На стульях валялась одежда, а обувь аккуратно складировалась на двух обувницах и около.

Напряженное молчание длилось с полминуты. Татьяна остановила взгляд на побрякушках, валявшихся на туалетных столиках. Света сверлила ее злобным прищуром, будто читала проклятие про себя. Потом она резко двинулась вперед и направилась мимо новенькой к шкафу. Покопавшись там, развернулась и швырнула в Татьяну целлофановый прозрачный пакет с чем-то мягким. Татьяне пришлось сделать шаг в сторону и вытянуть руки, чтобы поймать его.

– Надевай, – приказала Света, снова отвернувшись к шкафу.

Острый веер рыжих волос прокрутился вслед за ней и спал на мускулистые плечи. Она открыла другую дверь, присела на корточки и достала оттуда коробку для обуви, в которой аккуратно были сложены лакированные белые босоножки на высокой изящной танкетке. Они пришлись Татьяне по вкусу.

– И это, – добавила Света, поставив коробку поверх пакета.

– Ээ? – протянула Татьяна, оглядев толпу вокруг.

Произнести что-то более вразумительное ей не давал стресс и, как следствие, напряженное онемение во всем теле. Света невозмутимо пялилась в ответ.

– Переодеваться прямо здесь? – сглотнула Татьяна.

– Ширма там, – бросила рыжая и присела за столик у окна.

Рукой указала на угол за шкафом, в котором пряталась двустворчатая ширма с красивым цветочным узором, имитирующим японский. Татьяна смекнула и пошла переодеваться.

В пакете лежало белье, испещренное крупными и мелкими стразами, словно ночной небосклон звездами. Лиф и стринги соединялись между собой четырьмя кружевными лентами со звездочками. В комплекте шли чулки из темно-синего кружева с узором из белых звезд.

Татьяна минуты три стояла за ширмой, стесняясь выходить. В такой одежде она чувствовала себя полностью голой, хотя самые интимные места были прикрыты. Она осматривала себя со всех сторон, насколько позволяла гибкость.

Стринги оказались очень узкими, не полностью скрывали зону бикини, что особенно заставляло Татьяну смущаться. Стопам в туфлях было удобно, но ноги дрожали на такой высоте от боязни подвернуться. Она потопталась на месте, чтобы привыкнуть к новой обуви, и один раз чуть не упала. Как на таких активно танцевать, пока не могла себе представить. В пуантах было гораздо удобнее.

Дискомфорт выражался во всем наряде целиком. Татьяна хотела забиться в угол, но все-таки вышла, потому что жизненно нуждалась в этой работе.

Света оценила ее образ в костюме и цокнула губами.

– Отвратительно.

Она бесцеремонно отодвинула тонкую ткань трусов указательным пальцем и, заглянув туда, отпустила. Резинка хлестнула Татьяну по животу.

– Что за заросли?

По гримерке пробежались неприятные смешки. Татьяна поймала несколько прищуренных ухмылок на лицах других девушек. Парни, которых было меньшинство, где-то шесть из шестнадцати, с любопытством поглядывали на нее. Сами они выглядели такими гладкими, будто вместо нормальной человеческой кожи с порами и волосами были обтянуты силиконом.

Татьяна посмотрела на себя, но не знала, что на такое следует ответить. Света скрестила руки на груди и в упор уставилась на растерянную новенькую. Татьяна чувствовала, как медленно расплавляется под грозным взглядом, но ничего поделать не могла. Она возмущалась глубоко в душе, волновалась и нервничала, теребила руками звездочки на животе для успо-

коения, ожидала дальнейших инструкций и горела желанием поскорее выйти в зал лишь для того, чтобы уйти отсюда.

Света ей не понравилась. Она была строга, придирчива и неприветлива. Смотрела высокомерно, говорила грубо, всеми жестами и мимикой отталкивала от себя. Очевидно, этого и добивалась – сделать так, чтобы Татьяне стало некомфортно, не понравилось и захотелось уйти, хотя ей поставили противоположную задачу. «А может, нет? – с ужасом осознала она. – Может, Арина специально сказала ей меня гнобить?». Это показалось весьма вероятным. Но даже если весь мир противился тому, чтобы Татьяна здесь танцевала, ей просто некуда было идти, поэтому приходилось цепляться за место из последних сил.

– У меня волосы белые и невидимые, это не помешает, – Татьяна собрала по сусекам остатки бойкости. – В следующий раз все сделаю.

Она выдержала долгий Светин взгляд, сменившийся с пренебрежительного до снисходительного.

– Может быть, для тебя действуют какие-то особенные правила, – сказала рыжая, надавив на предпоследнее слово, и сощурилась, – но все мы здесь подчиняемся строгим стандартам. Ты должна быть гладкой. Везде, кроме головы.

Она еще раз оценивающе взглянула на нее снизу вверх. Остальные последовали ее примеру, как будто синхронизировались по блютуз. Потом Света шмыгнула носом и заговорила более наставническим, чем издевательским тоном:

– Лучше сделай сразу лазерную эпиляцию. С бритвой будешь мучиться.

Татьяна кивнула, хотя полного представления о том, что такое лазерная эпиляция не имела. Никогда до этого область бикини не доставляла ей столько неудобств, поэтому ей и в голову не приходило делать с ней что-то неестественное.

– Может быть, есть шорты? – с надеждой спросила она, хотя вероятность положительного ответа казалась нулевой.

Света вернулась к шкафу и, покопавшись там на одной из полок, достала короткие черные шортики, больше похожие на трусы-хипстеры, но зато они закрывали интимную зону полностью.

– Держи пока, – шорты прилетели Татьяне прямо в лицо.

Было не похоже, что рыжая метила в другую часть тела. Татьяна глубоко вздохнула, чтобы стерпеть такое. Затем Света указала на свободный угловой туалетный столик, самый далекий от окна. Татьяна за секунду до этого поняла, что ей отведут именно это место.

– Можешь всю косметику здесь оставлять. Никто ее трогать не будет, – продолжала главная, отмахнув за плечо длинную прядь. – Ты танцевать-то хоть умеешь?

Ее прямоугольное лицо приняло такое выражение, будто она уже ничего от жизни не ждала, но в глазах мелькнула искра надежды на лучшее.

– Умею, – твердо ответила Татьяна, чтобы показать стойкость, хотя в душе ревела, как маленькая девочка.

– Помимо классики? – уточнила Света, чуть наклонив голову набок, чтобы взгляд казался более внимательным и унизительным.

– Буду импровизировать.

Рыжая хмыкнула и отвернулась. Татьяна не стала заходить за ширму, чтобы надеть шорты, потому что парни и так уже все видели. Она быстро натянула их, но застегнуть на тугую пуговицу оказалось непросто. Света было протянула руки, чтобы помочь, но Татьяна отвернулась, воскликнув:

– Я сама!

– Ну, раз ты такая самостоятельная и всеумеющая, пойдешь на сцену со мной сейчас, – сказала главная.

Все уставились на новенькую ошарашенно, потом стали переглядываться и вздыхать. Татьяну эту насторожило. Сердце забилось сильнее. Почти выпучив из орбит глаза, она внимательно следила за тем, как Света спокойно подошла к туалетному столику, подкрасила тушью ресницы, добавила каплю тонального крема на нос и аккуратно размазывает ее губчатым тампоном. Потом поправляет костюм, грудь в чашах бюстгальтера, трусики и чулки. Она молча прошла мимо Татьяны к выходу и тонким пальцем показала следовать за ней, не обращаясь по имени и ничего не говоря. Все остальные замерли, провожая их взглядами, а потом, когда дверь за Татьяной начала закрываться, закопошились.

Глава 5. Алмаз

В зале все еще было пусто. До открытия клуба оставалось пять минут. Татьяна поняла это по неоновым цифрам на квадратных часах, что висели над барной стойкой напротив сцены. Музыка, не прерываясь, временами по синусовой волне то затихала до шепота, то разрасталась до оглушающего шума – диджей возился с настройками.

По мере приближения к сцене в Татьяне нарастала паника. Это был ее первый рабочий день. Первый в жизни. Ей предстояло делать то, чему она никогда не училась. В самом центре танцпола на глазах у целой толпы. А гостей ожидалось множество – очередь уже ломилась в двери. Она, конечно, грезила в полудреме, как будет выходить на эту сцену, кружиться в выступе вокруг шеста и покорять возбужденную публику, но морально оказалась не готова.

Страх заполнил все нутро. Сердце забилось в угол. Легким стало не хватать воздуха. Татьяна напрягла мышцы рук и ног, сковав тело изнутри, чтобы не дать себе впасть в паническое бешенство. Словно Терминатор, она шагала за Светой по ступеням на сцену, затем в круглый балкончик. Рыжая выбрала тот, что ближе к гримерке. Татьяне пришлось волочить до следующего железные ноги.

Диджей включил популярную песню, и Света начала разминку. Растягивала шею, руки, ноги и корпус. Татьяна следовала ее примеру, хотя разминка никак не помогла ей справиться с ощущением забетонированности.

Когда толпа ввалилась в зал, рыжая затанцевала, не обращая внимания на Татьяну. Большинство гостей ринулось к барным стойкам. Часть расселась по столикам. Остальные беспорядочно, с широкими промежутками, заполонили свободное пространство клуба.

С очередным хитом танцпол наполнился людьми из холла. Света активно задвигала руками, обвив шест одной ногой. Она крутилась, вертелась, дергала головой и широко улыбалась, как и вчера, и делала все это так непринужденно, будто танцевала дома перед зеркалом. Татьяна чувствовала себя скованной невидимой проволокой. Она боязливо оглядывалась по сторонам, пытаясь оценить, насколько сильно к ней присматриваются, и двигалась осторожно. Движения ее совсем не соответствовали музыке и ритму, но, к ее счастью, толпу внизу мало интересовало, что происходит на сцене. Хотя пару насмешливых взглядов она все же зацепила.

Света подмахнула Татьяне руками снизу, призывая к более агрессивным движениям. Под ее пристальным взглядом Татьяна резче завертела попой, активнее переставляла ноги и широко размахивала руками. Потом, когда заиграла зажигательная R&B мелодия с элементами латиноамериканского фолка, тело само задрыгалось под музыку, порой выдавая такие движения, о своей способности делать которые Татьяна и не подозревала. Но энергия в ней быстро угасала. Ее сдерживала невидимая и очень жесткая цепь, выплавленная из смущения, морализаторского воспитания матери и неуверенности в себе.

Двадцать минут растянулись для Татьяны в бесконечность. Это была не минута славы, как она мечтала вчера перед сном, а вечность ее позора. Толпа не смотрела на нее вовсе, как будто от неловкости, и это задевало гораздо сильнее насмешливого любопытства. Татьяна старалась двигаться плавнее и изящнее, но выходило грубо и нелепо. Она пыталась копировать движения Светы, а получалось как у младенца, повторяющего за мартышкой.

Наконец, Татьяна поймала призывающий взгляд рыжей, что пора уходить со сцены. Света ловко спустилась по лестнице на высоченных шпильках, как горная коза. Татьяна стала ее догонять. Уходя за кулисы, они натолкнулись на «кореянок» во вчерашних костюмах. Обе девушки никак не поприветствовали коллег, но взглянули на Татьяну так, будто знали о ней много больше, чем она сама.

Она проследила за ними, чтобы понаблюдать. Стиль их танца показался ей своеобразным. Обе девушки двигались обрывисто, резко и энергично, иногда под музыку замедляясь и как бы растягиваясь в воздухе, но потом быстро возвращались в привычный темп.

Не успела Татьяна войти в гримерку, как за ней появилась грозная фигура Арины с сердитым лицом и кулаками в брюках. Сегодня она носила мятный костюм с безрукавным длинным пиджаком. Топ под ним был настолько короток, что представлял зону декольте во всю ее объемную ширь и полностью открывал плоский живот. На губах блестела алая помада. Рекламные локоны пружинились на каждом шаге.

При ее появлении все замерли. Толкнув Татьяну легонько в бок, она вышла в центр гримерки и сразу вскрикнула в затылок Светы, которая рассматривала себя в зеркало, перегнувшись через стул.

– Какая нахрен сцена? – Арина не стеснялась выражений.

Оглядев поредевших, застывших по стенам и углам, танцовщиков в комнате, Татьяна поняла, что никто здесь не упрекнул бы директора в сквернословии. Рыжая резко обернулась на гневный упрек. По губам пробежала злорадная ухмылка. Она скрестила руки на груди и присела краешком попы на столик.

– А что не надо было? – фальшиво удивилась. Актриса в ней, на взгляд Татьяны, погибла давно и в муках. – Я думала, ей только там и место. Ты же *единолично* ее наняла.

Директор несколько секунд злобно пыхтела, как голодный и истосковавшийся по человеческому мясу дракон. Татьяне хотелось исчезнуть из комнаты, чтобы не попасть случайно под ее обжигающее жаром дыхание. Она понимала, что явилась причиной гнева, но пока не понимала, в чем дело.

– Правила никто не отменял, – на тон более спокойным голосом произнесла Арина.

– Неужели? – Света подняла одну бровь и усмехнулась, проведя языком под нижней губой. Бугорок прокатился по подбородку и исчез за тонкой щекой слева. – Судя по всему, на кастинг это не распространяется?

– Распространяется. Кастинг я провела сама.

– Ха! – рыжая задрала назад голову и застыла так на пару секунд, продемонстрировав лебединую шею. – Претенденток получше, видимо, не нашлось? Неужели «Дэнсхолл» так низко пал?

Они смерили друг друга презрительно-ехидными взглядами. Каждая ухмылялась. Все остальные превратились в бронзовые статуи и старались не дышать. Татьяна ерзала от дико зудящей неловкости, хотя ей стоило тоже застыть и не двигаться, но накаленные нервы не позволяли.

– Не тебе осуждать мои решения, – медленно проговорила Арина.

Стоя позади нее в двух шагах, Татьяна чувствовала, как сильная волна напряжения медленно растягивается по комнате.

– Ну куда мне? – Света резко повысила голос. – Я всего лишь жопотряска в стразах! А ты, как истинный ювелир, умеешь заметить в куче камней алмаз.

Она небрежно ткнула указательным пальцем в сторону Татьяны и на звенящих нотах продолжила:

– Если она твой алмаз, какого хера ты прибежала сюда тогда? Ты ее без конкурса взяла, но для сцены она слишком плохо танцует? Ты сама себе противоречишь!

– Алмазы надо огранять и шлифовать, прежде чем выставлять на продажу, – Арина указала рукой назад, примерно в Татьяну. – На грязный кусок неровного мутного камня никто не позарится, пока он красиво блестеть не начнет. Но это не значит, что грязный алмаз – не алмаз.

– Раньше ведь мы только отборные бриллианты брали, – прищурилась Света, делая медленный шаг вперед. – А теперь ты всякую дрянь с земли подбираешь? Моей сестре, уже гото-

вой, отшлифованной и ограненной, в сто карат, ты даже в кастинге поучаствовать не дала. Из-за этой сучки.

Рыжая стрельнула в новенькую молниями из глаз, но быстро перенаправила ярость на арт-директора.

– Что у нее за блат?

Татьяна, наконец, осмелилась посмотреть на Арину и увидела ее непреклонный взгляд, безэмоциональное, словно застывшее во льду, лицо, уверенную и напряженную позу. Директор злилась, но всеми силами держала себя, чтобы не закричать. Желваки шевелились, а верхняя губа поджала нижнюю.

– Я ее блат, если тебе привычнее мыслить так, – усмехнулась Арина, расправив кулаки в ладони внутри карманов.

Директор уверенными шагами начала движение вокруг Светы, глядя то в стену, то в пол, то на на нее. Та оборачивалась вслед с прищуром, в котором были видны только два белых огонька, недобрых, дрыгающихся, готовых к атаке, – отблески потолочной люстры.

– Я предпочту алмаз с земли поднять, самостоятельно отшлифовать и огранить, чем сразу звезду с неба схватить и обжечься, – закончила речь и движение Арина, вернувшись на прежнее место.

С легким стуком каблуков она приставила одну ногу к другой, как солдатик, не вынимая рук из брюк, и уставилась на Свету, которая резко повернула к ней лицо и вскрикнула:

– Ну вот сама ее шлифовкой и занимайся! На меня не рассчитывай.

Рыжая секунду сверлила Арину глазами, потом с напором двинулась к выходу, одарив по пути и Татьяну проклинающим взглядом. Та съежилась и посмотрела на арт-директора, которая стояла в центре комнаты, оглядывая подчиненных. Фигура ее, статная, властная, прямая, кружилась вокруг своей оси за взглядом, пока не остановилась на Татьяне. Тогда она вздохнула и тоже двинулась к выходу, показав танцовщице идти за ней. Татьяна, как собачонка, побежала следом.

Они прошли по неоновому коридору к голубой двери в конце, как и прошедшей ночью. Арина с размахом открыла ее и, сделав шага три, резко развернулась всем корпусом. Татьяна вошла в кабинет и по жесту Арины закрыла за собой дверь.

– Надеюсь, теперь ты понимаешь, что не можешь меня подвести? – спросила арт-директор, снова сунув кулаки в широкие карманы. – Я на тебя, считай, все фишки поставила. Деньги ты в любом случае должна будешь отработать. Но если все пойдет плохо, отрабатывать их будешь, моя унитазы. Все понятно?

Холодный взгляд арт-директора пронзил Татьяну насквозь. Отчаяние накрыло с головой.

– Понятно, – приглушенным обидой голосом ответила она и опустила глаза.

Арина разглядывала ее требовательно, будто пыталась выжать еще что-то, но молчала. Потом обошла широкий стол и села в кресло, откинув мало послушные локоны за плечи.

– В первый месяц все у нас танцуют на стойке гоу-гоу за вторым баром, рядом с туалетом, – спокойно начала арт-директор, глядя в монитор, будто разговаривала теперь с Татьяной по телефону, а не вживую. – Сейчас ты пойдешь туда же.

Татьяна кивнула, хотя Арина не могла этого заметить, а точнее, не хотела.

– Хореографию учи по видеоурокам, – наставнически продолжала она. – Подпишись на Светин канал. Она хорошо там многие вещи объясняет, в том числе базовые. И на паблик ее подпишись. Там тоже много всяких лайфхаков танцевальных.

Арина говорила так, будто зачитывала заранее подготовленную инструкцию, параллельно изучая что-то другое на ярком экране перед собой. А потом внезапно посмотрела Татьяне в глаза и задала неожиданный вопрос.

– Ты девственница?

– Что? – опешила Татьяна, но завертела головой.

– Один раз, поди, всего сексом занималась? – Арина изучала ее с легкой усмешкой на пухлых губах.

– Нуу... – потянула Татьяна и сдалась. – Почти.

– Так и думала. У меня дома ты лучше танцевала, – заметила она, приподняв уголки рта. Форма при этом почти не пострадала, оставаясь такой же нарочито пухлой и круглой. – Один раз – не пидорас. Раскрепоститься тебе надо.

Татьяна вмиг раскраснелась, услышав такую резкую фразу, появление которой, казалось бы, ничто не предвещало. Но еще больше ее насторожил смысл сказанного. Арина откинулась на спинку кресла и заложила под голову согнутые в локтях руки.

– Ты больно зажата в танце. Не престало, поди, балерине полуголой в ночном гадюшнике задницей перед пьяной толпой трясти?

Уловив черное смущение Татьяны, Арина расхохоталась в голос. Толстые губы растянулись в тонкую окружность, обрамляющую широко раскрытую пасть, которая показалась Татьяне хищнической, острой и глубокой, – такая загрызет и не подавится. Все то время, пока арт-директор наслаждалась собственной шуткой, она переминалась с ноги на ногу, не понимая, как себя вести, что делать и что отвечать. Оказалось, отвечать было не обязательно.

– Ладно, сегодня там в углу у туалета как-нибудь перекантуешься. Завтра будь у Арбатской в семь.

– Вечера? – от неловкости спросила Татьяна.

– Разумеется. И с костюмом.

Арина смерила ее таким взглядом, в котором словно никогда не было веселья, а вечно царили тьма, холод и презрение. Смех канул в эту бездонную пасть бесследно и так же внезапно, как и вырвался оттуда за минуту до этого. Они обменялись номерами телефонов. В голове Татьяны тут же возникла мысль покинуть помещение. Казалось, Арина телепатически внедрила в нее эту идею. Татьяна послушно кивнула и направилась к выходу.

Прильнув с той стороны к двери всем дрожащим телом, она дала себе секунды отдышаться. Сердце стучало неимоверно. Дыханию потребовалась целая минута, чтобы вернуться в привычный режим. Идти в гримерку, полную ненавидящих ее танцовщиков во главе со Светой, ей не хотелось, а до выступления оставалось целых пять минут. Лучшей идеей показалось скоротать эти минуты в туалете.

Татьяна вытерла лоб и щеки увлажненным бумажным полотенцем, протерла подмышки, которые больше вспотели от разговора с Ариной, чем от танцев, поморгала перед зеркалом, будто пыталась сбросить кошмар с ресниц, а потом глубоко-глубоко вдохнула и резко выдохнула. Часть тяжести вышла наружу, и будто полегчало. Надо было отправляться на стойку, что находилась всего в нескольких метрах от застенка, за которым прятались двери в туалетные кабинки.

Стойка гоу-гоу представляла собой небольшой круглый пьедестал, без перил и шеста, но очень узкий. Максимум, который можно было там себе позволить в танце, это расставить ноги на ширине плеч, а упасть с него казалось опасным. Матовое покрытие имитировало то ли резину, то ли кожу. В целом, пьедестал сильно походил на барабан и показался Татьяне неустойчивым. Но выбора ей не предоставили. Предстояло как-то оттанцевать здесь всю ночь.

Бармены бегали за стойкой, как ошалелые, акробатически уворачиваясь друг от друга с бутылками и бокалами в руках. Гости гудели и пританцовывали. Люди знакомились, веселились, флиртовали. Алкоголь снабжал их энергией для этого. Никто не видел, как Татьяна выходит из туалета и поднимается на мини-подиум. Никого это не интересовало. Она снова танцевала на краю сцену, почти за кулисами, никому не нужная, специально спрятанная от всех. И так было даже лучше.

Громкая музыка заставляла вибрировать все здание и всех, кто в нем находился. Когда в полночь на сцену вышел ведущий в золотом галстуке, все внимание публики направилось к

нему. Татьяну не замечали. Стесняться было некого, но это не помогало. Движения по-прежнему выходили такими, будто железные шипы впивались в кожу, мышцы и кости. Двигаться заставляла только необходимость отрабатывать уже потраченное. Татьяна закрыла глаза, поймала волну и стала танцевать просто, как умела.

Ночь пролетела быстро. К четырем утра Татьяна чувствовала себя зомби, хоть и не знала, как мертвецы могут себя чувствовать. Ей казалось, что вся кровь вытекла вместе с потом. Воздуха не хватало, а от обязанности улыбаться никто не освобождал. Скулы тоже болели. Татьяна боялась, что дурацкое выражение неискренней улыбки теперь навсегда застынет на ее лице, но как только сошла с подиума, щеки сами опустились от бессилия. Татьяна привыкла к интенсивным нагрузкам, ведь, учась в академии, могла тренироваться часы напролет, но легкие не привыкли к такому сжатому количеству кислорода, оттого усталость копилась вдвойне. К тому же, колонки находились прямо над ее головой, от чего черепная коробка под утро трещала по швам. Все вместе очень утомляло.

«Добро пожаловать в свободную взрослую жизнь» – саркастично поздравила себя Татьяна и невесело улыбнулась, глядя в черное окно автобуса, на котором возвращалась в арендованную квартиру.

Невзирая на все неудобства и усталость, она чувствовала облегчение от прошедшей ночи. В душе искрилась радость от того, что она двигалась, как хотела сама, от того, что она преодолела себя, выступая перед толпой почти голой, от того, что продержалась первую ночь несмотря ни на что. Впереди предстояло продержаться еще как минимум одиннадцать таких же ночей, а затем бесконечное их число.

Глава 6. Часть посвящения

Больше устав морально, чем физически, Татьяна спала очень крепко. И долго не хотела просыпаться, пока чья-то холодная рука не затрясла ее с силой. Она приоткрыла глаза и сквозь туман полусна увидела толстое лицо. Окруженный густыми порослями рот с желтыми сточившимися зубами то сжимался до идеально круглого отверстия, то растягивался в непонятные плоские фигуры. Грубый голос, с резью в ушах ворвавшийся в сознание, что-то требовал. Татьяна откинула с плеча чужую руку и приподнялась на кровати.

– Кто вы такой?! – вскричала она, придя в себя.

Тучный мужчина в джинсовом жилете и спортивных брюках изобразил на лице негодующее удивление. Татьяна уставилась на него с раздражением, разгневанная таким наглым вмешательством в ее покой. До всего остального пока не успела додуматься.

– Это ты кто такая?! И что ты делаешь в моей квартире?! – завопил мужчина, отпрянув.

– Что значит в вашей?

Татьяна огляделась кругом, пытаясь вспомнить, что вчера произошло. Но вспоминать было нечего. Она лежала на раздвижном диване в квартире, за которую заплатила двадцать тысяч за месяц вперед. Здесь она уснула на рассвете. Ничего в обстановке квартиры не поменялось. Только солнце теперь пробивалось сквозь двухслойный стеклопакет прямо на мебель и на пол. Татьяна даже шторы не задернула перед сном.

– То и значит. Это моя квартира. Как ты тут оказалась? – возмущался мужчина.

– Но я... Я же арендовала ее у... – Татьяна замялась. Теперь вся встреча с женщиной в голубом казалась туманной и нереалистичной. – У Виктории. Она здесь собственник. Она же мне бумажку какую-то показывала.

– Какую бумажку? Не такую ли?

Он всучил ей в лицо, прямо под нос, ламинированный специальный бланк желтоватого цвета, на котором красивыми буквами было написано «Свидетельство о праве собственности», а дальше шло описание, что за собственность непосредственно под это право подпадает. Татьяна прочла адрес и номер квартиры и осела.

– Подождите, я позвоню ей, – сообразила она и зарыскала по кровати в поисках телефона.

Мужчина вежливо, хоть и пыхтя с негодованием, ждал, пока она дозвонится, но она не смогла. Почти сразу из динамика компьютерный голос провайдера сообщил о недоступности абонента. В неверии и отчаянии Татьяна набрала номер еще раз. Потом еще. Пока мужчина не потребовал слезть с его кровати и не освободить помещение.

– Но я уже заплатила ведь! Какое право вы имеете!

– Это моя квартира! – кричал в ответ мужчина. – Не знаю, кому ты платила. Выметайся!

Он был неповоротлив и нездоров, но слишком огромен, что наводило страх. Татьяна сжалась.

– Ах вы, мошенники! – она стукнула ножкой об пол, но мужчина даже не вздрогнул.

В его руку могли поместиться целых две Татьяниных ноги.

– Вымаааатывайся отсюда! – указал он пухлым пальцем на дверь. – А то полицию вызову!

Она в испуге отскочила назад, сжав в руках одеяло. Спорить было бессмысленно. «Драться с этим носорогом за территорию все равно не получится», – подумала Татьяна, сглатывая обиду. Она могла только убежать. Собрать манатки и снова бежать. Опять в безысходность и неизвестность. Без денег и без жилья.

Под его пристальным надзором и угрюмым уханьем Татьяна собрала вещи в пакет: всю косметику закинула вниз, сверху набросила спортивный костюм, остатки печенья и чая. Пока делала это, поблагодарила вчерашнюю себя за то, что легла спать в платье, а не голая. В нем же и вышла в отсырелый подъезд.

Дверь с грохотом закрылась. Татьяна вздрогнула. По подъезду прошла звуковая волна гулкого удара. Она стояла в оцепенении, не до конца понимая, что с ней произошло. До Виктории дозвониться так и не смогла. Стоять перед дверью не имело смысла. Играл этот мужик естественно, но стало ясно, что ее развели как дурочку. Деньги получили, квартиру оставили себе, общипали ее, наивную, как курицу.

Заглянув в малюсенький кошелек, Татьяна пересчитала оставшиеся деньги. «Почему все так несправедливо? Неужели все люди – такие сволочи? – давилась злобой про себя. – Что мне теперь делать? Я здесь пропаду!».

Выйдя из подъезда, наполненного спертым воздухом, на свежую улицу, она глубоко вдохнула теневую прохладу с примесью остатков дневного тепла. Отчаяние накрыло ее на лавочке у подъезда, на которую она свалилась в бессилии.

В полицию, во-первых, идти было нельзя, потому что мама наверняка ее разыскивала, а, во-вторых, вряд ли могло помочь, потому что она ничего не запомнила и никаких доказательств не имела.

Шок от произошедшего быстро прошел. Татьяне стало жалко себя. В кошельке валялось всего несколько тысяч рублей. И это все, что она имела на месяц вперед. Ее снова заманили, обманули и унизили. Она снова осталась без ночлега. Совершенно одна в большом городе.

Единственное, что у нее было – это работа в клубе, перед которой предстояло явиться на Арбатскую к семи. Она даже не знала, что ее там ждало, как и в целом по жизни. Оттого и разрыдалась. Татьяна ревела как маленькая девочка, не сдерживая страдания ничем. Слезы вытекали ручьями, огибая щеки с обеих сторон, опадая на землю, смешиваясь с соплями и слюной. Лицо все стало красным. Грудь болела от надрывов и тяжелого прерывистого дыхания. Она долго плакала, пока не выплакала все слезы. Глаза в какой-то момент просто перестали производить новые. Рыдания со временем сошли на нет. Татьяна застыла на полминуты, приводя мысли в порядок, а затем руками вытерла лицо, отряхнулась и поднялась. До назначенного времени встречи оставалась пара часов.

Проще было добраться на метро: быстрее и удобнее, но Татьяна могла себе позволить не спешить. Надо было где-то перекусить. Пока ехала в автобусе, желудок ворчал, ежеминутно напоминая о собственной пустоте. Кафе и ресторанов в центре располагалось множество. Татьяна выбрала столовую, которая показалась ей самой дешевой.

Еда оказалась безвкусной, разжиженной, двойной эконом, но Татьяна наелась. По большей части потому, что аппетит в ней так и не проснулся. Кофе тоже оказался никаким. Ничуть не бодрил. Из вкуса давал только кислинку, чуть разбавленную сладостью молока – сочетание отвратительное, зато стоил копейки. Пена на поверхности плавала, но больше походила на мыльную воду. В общем, Татьяну все только огорчало. А впереди ждал длинный вечер, еще более длинная ночь и совсем бесконечная жизнь, которая теперь представлялась, скорее, вялотекущим умиранием, чем набирающим темпы взрослением.

Она не думала ни о чем конкретном, просто злилась на свою наивность, глупость и беспомощность. Казнила себя за побег из дома, за доверие Виктории, за неспособность постоять за имущество, которого теперь не осталось. Она тоже украла деньги у матери, а сама ничего не имела.

Свобода дорого обходилась и пока не давала никаких преимуществ по сравнению с прошлой жизнью, где Татьяна сидела хоть и в клетке, зато в безопасности и комфорте. Она снова вспомнила свою комнату, запахи выпечки из кухни, медитативные звуки радио. Ей захотелось встать у станка, включить мультфильм и заниматься своим делом, не заботясь о том, где спать, что есть и как жить.

Загорелся экран телефона – вылезло уведомление. Арина написала: «Я в золотом вольво у метро». Татьяна быстро схватила пакет и выбежала на улицу. От кафе до места встречи было минут десять пешком, но она бежала. Боялась, что арт-директор будет злиться, если она

заставит себя ждать. Но лишь прибежав, поняла, что Арина сама приехала раньше. Татьяна остановилась напротив золотого внедорожника, в каждой детали которого читалась элегантная скромность.

Арина не сразу ее заметила. Сидела за рулем, строгая и задумчивая, смотрела вниз, наверняка в смартфон. Рядом на пассажирском сиденье, откинув голову назад, развалилась Лада в расхлябанной манере. Лениво повернув голову набок, она увидела Татьяну и широко заулыбалась. Толкнув мать в плечо, она замахала рукой. Арина посмотрела на Татьяну, поджала правый уголок пухлых губ и, опустив стекло, приказала залезть на заднее сиденье. Татьяна молча послушалась.

– Привет, Танюха! – сразу воскликнула Лада. – Ну что, покоряем Арбат сегодня!

– Что? – удивилась Татьяна и застыла на пару мгновений.

– Переоденься сначала, – вставила Арина. – Я думала, ты сразу в костюме будешь.

– Ну, как мне в нем по улице идти? Я же на общественном транспорте добиралась, – не успев скрыть возмущения, ответила Татьяна и сразу затихла, вспомнив, что разговаривает с арт-директором.

– Ну, сейчас ты в нем по улице и пойдешь, – усмехнулась Арина, глядя в зеркало заднего вида на то, как Татьяна неуклюже стягивает с себя Ладино платье. – Воспринимай это как часть посвящения в гоу-гоу.

Испугавшись подглядываний, Татьяна всмотрелась в стекла автомобиля.

– Они тонированные, – успокоила ее Арина и снова уткнулась в телефон.

Лада повернулась всем корпусом к Татьяне.

– Круто! Я думаю, с тобой мы дохрена бабла соберем, – она восторженно и без смущения глядела на голую Татьяну.

Ей стало неловко, но грубить дочери арт-директора не хотелось, поэтому она поскорее натянула бюстгальтер от костюма.

– Не матерись, – пригрозила Арина, не отрываясь от телефона.

– Ой, да это не мат. По телеку же даже так выражаются. Даже на Первом канале, – отмахнулась Лада от матери.

Той было уже не до дочери. Она либо посчитала, что выполнила воспитательную функцию сполна, либо просто потеряла интерес к разговору ввиду более захватывающей переписки в мессенджере.

– А что значит мы? – спохватилась Татьяна. – Какое бабло? Где соберем?

– На Арбате, – невозмутимо ответила Лада. – Ты будешь танцевать. Я рэп читать. Юрец нам подыграет.

Татьяна замерла в растерянности. Она пыталась понять, чему следует удивиться в первую очередь: тому, что Лада читает рэп, или тому, что она сейчас будет танцевать на Арбате в этом костюме, или тому, что они будут делать это вместе. Она перевела растерянный взгляд на Арину. Та затылком его почувствовала.

– Да, Таня, учись работать на публику, – ответила директор на немой вопрос. – Лучше публики, чем на Арбате, ты нигде в Москве не найдешь.

– А это вообще легально? – спросила Татьяна.

– Разумеется, деревня, – закатила глаза Лада. – Слышала когда-нибудь о проекте «Уличный артист»?

Татьяна завертела головой.

– Короче, проект такой есть, организован администраций города. На сайте можно забронить время и место выступления, где хочешь. Там даже бумажку официальную дают, если вдруг что.

Лада помахала перед Татьяной листком с печатным текстом. Прочитать его возможности не было, но Татьяна предпочла не сомневаться.

– Понятно, – ошеломленно кивнула она, а про себя с горечью подумала: «Как много мне еще предстоит узнать об этом мире».

Когда Татьяна закончила переодеваться, они втроем вышли из автомобиля. Вещи она оставила внутри. Лада тащила за собой рюкзак с чем-то нелегким. Арина заблокировала автомобиль, и они неспешным шагом отправились на Арбат.

Взгляды прохожих приковывались к Татьяне. Часть из них удивлялась, часть любовалась, часть негодовала, но все смущали до покраснения. Она сцепила пальцы и опустила совмещенный кулак вниз в бессознательной попытке прикрыть срам, но тонкие руки едва могли что-то собой закрыть. Тело все равно осталось у всех на виду.

«Это часть посвящения! Это часть посвящения!» – тараторила в уме Татьяна, чтобы не сорваться и не сбежать. Лада в это время рассказывала о том, как они с Юрой начали выступать на Арбате. В качестве предисловия повествовала историю становления своих музыкальных вкусов. О том, как она пела в детском хоре, потом поступила в музыкальную школу по классу «фортепиано», а параллельно брала уроки вокала. О том, что ее любимым развлечением было караоке и все дни рождения она всегда отмечала там. А потом, пару лет назад, она услышала одного МС[1] со сложным никнеймом, который Татьяна даже не попыталась запомнить, и поняла, что хочет читать рэп. Тексты Лада тоже писала сама. И гордилась этим. Музыкальным оформлением ее композиций занимался Юрец, начинающий саунд-продюсер, с которым она познакомилась на мастер-классе по игре на барабанах.

– Не спрашивай, как мы оба там оказались, – хихикая отмахивалась Лада, хотя Татьяна и не спрашивала. – Занесло нас обоих. Наверное, судьба. В общем, мы закорефанились, стали то у меня, то у него дома репетировать, постоянно пытаемся придумать классные биты, музыку в целом. Я текста начитываю, он треки сводит. У нас пара демозаписей есть, которые Юрец все стесняется куда-нибудь отправить. Я его пока только на онлайн рэп-баттл уговорила. Одно демо закинули. Безрезультатно, конечно, но кто не пытается, у того и шансов ноль.

Они шли по Арбату, наводненному отдыхающими горожанами и туристами, перебегающими из одного бутика в другой. Над крышами домов густым дымом висело небо. Воздух казался теплым и влажным и тяжело вдыхался легкими. Но, в целом, прогуливаться было приятно, если бы не мучающее Татьяну чувство стыда, из-за которого отчаянно хотелось провалиться под землю. К ее сожалению, все водосточные люки по пути были плотно закрыты.

– Но на Арбат Юрец почему-то относительно легко согласился, – продолжала Лада, чуть убегая вперед.

Татьяне приходилось периодически ее нагонять. Арина, забыв про них, отстала метров на десять. Толпа быстро растворила ее в себе.

На Арбате музыканты, аниматоры в ростовых куклах и люди-памятники встречались на каждом шагу. Выступали целые музыкальные группы, исполняющие известные песни российских или иностранных рок-групп в основном классику типа Nirvana, Queen или Кино. Помимо уличных музыкантов мелодии издавали каждый второй бутик или бар, двери которых были раскрыты нараспашку. Параллельно гудела и смеялась толпа, кричали дети, гремели по брусчатке скейты и самокаты. В общем, царила какофония звуков.

– Мы тут с мая выступаем, – говорила Лада, ища глазами в толпе кого-то.

Она замедлила шаг, затем вовсе остановилась. Татьяна встала за ней. Вскоре к ним подошла Арина. Из толпы вышел субтильный паренек с длинными руками и вытянутой головой на худой шее, которая, казалось, не выдерживает тяжести кучных дредов, толстыми войлочными змейками свисающих с плеч на костлявую грудь. Поверх дредов была слабо натянуто бейсболка с плоским козырьком. Парень носил длинную футболку, больше похожую на тунику, и черные шорты до колен с толстыми карманами по бокам. Он широко улыбался Ладе, неся на спине специальный прямоугольный чехол для музыкального инструмента.

– Здорово, Юрец! – воскликнула Лада, протягивая парню руку.

Он ее крепко сжал, потом отпустил до кончика своих пальцев и потеребил ими. Обе руки превратились в кулаки и стукнулись костяшка в костяшку.

– Здрасьте, – сказал Юрец смущенно, переведя взгляд на Арину.

– Здравствуй, – с легкой, но строгой улыбкой ответила она.

Арина сверлила парня глазами, будто искала в базе данных любые сведения о нем и анализировала их на предмет причастности к преступной деятельности. Это был взгляд недоверия, хотя она, очевидно, видела его не в первый раз. Или так она обычно выражала свою неприязнь. А, может быть, хотела тем самым напустить на парня страх и внушить уважение. У Татьяны была тысяча догадок, но Лада сбила ее с толку.

– Это Таня, бывшая балерина, ныне танцовщица гоу-гоу. Будет нам публику завлекать, – проговорила она быстро.

– Здоров, Юра, оч приятно.

Парень пожал Татьяне руку лениво. Говорил он обрывисто, съедая окончания, как в смс. Сама речь казалась сжатой во времени, словно перемотанной в убыстренном темпе.

– Ладно, вы выступайте, а я оттуда посмотрю, – сказала Арина, указывая на модную кофейню с панорамными окнами на углу. – У меня там встреча.

Уже уходя, она обернулась на Татьяну и напомнила, что будет следить за ней. Звучало угрожающе, потому Татьяна занервничала, но в ответ только кивнула, а про себя подумала: «Мне нужна эта работа».

[1] MC [эмси] – англ. Master of Ceremony или Microphone Controller – как правило, так называют хип-хоп исполнителей, рэперов.

Глава 7. Ничего постыдного

Вечерело потихоньку. Из-за туч создавалось ощущение, будто на город опускались сумерки, легкие и мутные. А Татьяне казалось, что на ее голову опускается тьма позора и стыда, который им предстоит сейчас пережить. Мама бы отреклась от нее за такое. Но Татьяна успела отречься от нее первой, поэтому была вынуждена теперь стоять в лифчике и трусах в самом сердце города на посмешище тысячам людей. Но в работе она нуждалась, а Арина не походила на человека, который шутит такими вещами.

Зато Лада с Юрой исполнились оптимизма и энтузиазма. В четыре руки они ловко настраивали музыкальное оборудование. Лада достала из рюкзака колонки, а Юра подключил их к своему диджейскому пульту с ноутбуком на раскладывающихся ножках. Поверх бейсболки он надел наушники – профессиональный атрибут всех музыкантов, заметила Татьяна. Лада натянула такую же по фасону, как у него, бейсболку, только белую. На свободной футболке в районе груди имелась нашивка с непонятной надписью в стиле граффити. Широкие рваные джинсы слегка спадали с пояса. Кроссовки слепили кипяченой белизной. В Татьяне такой стиль вызывал легкое недоумение, хотя сама она выглядела куда нелепее.

Тихо заиграла музыка. Постепенно Юра увеличивал громкость. Лада настраивала микрофон.

– Ну, че, Танюха, начинаем? – спросила она с воодушевлением.

В ее детских круглых глазах было столько надежд, амбиций, счастья и стремления, что частичка энтузиазма передалась и Татьяне. Она улыбнулась, пытаясь взбодриться.

Танцевать при дневном свете на одной из самых центральных улиц города в окружении многолюдной толпы было совсем не то, что танцевать вчера ночью в приглушенном свете перед пьяной молодежью за баром у туалета. Если после недружелюбного приветствия Светы и остальных танцовщиков в «Дэнсхолле» она казалась себе неуместной в клубе, то теперь она казалась себе неуместной в целом мире.

Как минимум на этой улице она выглядела чужеродным отростком, мутировавшим под воздействием вируса. Ни у одних других музыкантов не было подтанцовки. И все из них одевались прилично. А мимо проходили солидные мужчины и женщины в деловых костюмах и элегантных платьях, и все косились на Татьяну. Лицо ее не успевало принимать нормальный оттенок кожи, как она ловила ошеломленные взгляды прохожих и опять загонялась в краску. Возможно, брезгливыми эти взгляды не были, но Татьяна дала им именно такое определение. Арина удобно расположилась в кофейне у окна и, попивая из чашки, уставилась на Татьяну. Выражение ее лица не было четким, особенно за стеклом, но мнительной Татьяне казалось, что директор сейчас хмурит брови и мысленно требует перейти к активным действиям.

Татьяна кивнула ребятам и глубоко-глубоко вздохнула. Музыка заиграла во всю силу. Лада начала издавать в микрофон типичные для хип-хопа междометия. Юра, качая головой в такт, крутил переключатели на пульте.

Татьяна по указке Лады вышла чуть вперед и прислушалась к мелодии. Биты не успевали за бешеным ритмом ее сердца. Она пыталась сконцентрироваться на звуке, постояла несколько первых секунд, постукивая ногой, и закрыла глаза, чтобы перебороть желание провалиться в ближайшую канализацию.

Под музыку вокруг быстро образовалась небольшая толпа. Татьяна с опаской озиралась, осматривая каждого из внимательных прохожих. Послышалась пара свистков и одобрительных криков. Кто-то захлопал и закричал, подстегивая ее переходить к танцам. Остальные подхватили. Причем кричали не столько мужчины, сколько другие девушки. Татьяна осознала, что не существует в мире женской солидарности.

Но только после Ладиного одобрительного кивка Татьяна развернулась передом к толпе и задвигалась под барабанный ритм, выполняя связки, которые успела испробовать за вчерашнюю ночь. Ей казалось, что движения получаются неловкими, скрежещущими и ломанными, но Лада улыбалась и хлопала, а толпа выкрикивала одобрительные возгласы. Это помогало. Никто не смеялся. Все, наоборот, ожидали от нее профессионализма и зажигательного танца, словно так и задумывалось.

Спустя несколько минут Татьяна почувствовала, как расслабляется тело. Талия начала изгибаться плавнее и подвижнее. Руки и ноги уже ничто не сдерживало. Управлять ими стало легче. Она вошла в кураж, особенно когда музыка сменилась на более динамичную. Закрыв глаза, Татьяна представила себя парящей над городом жар-птицей, за которой все с восхищением наблюдают. Отовсюду раздавались веселые крики, свистки и ритмичные аплодисменты, а когда музыка закончилась, она открыла глаза и увидела, что толпа увеличилась вдвое.

Все зааплодировали. Лада показывала «класс». Татьяна обернулась на сгущенную кучу зрителей за собой. Люди тоже поднимали большие пальцы вверх. На душе расцвело. Было приятно получить положительные отзывы, особенно после неудачного обучения в академии. Арина оказалась права. Такой способ раскрепоститься действительно работал.

Толпа продолжала увеличиваться, пока не устаканилась на определенном количестве. Кто-то ее покидал, другие дополняли. Некоторые снимали их на телефоны. Татьяна впервые в жизни почувствовала себя популярной. Раньше все аплодисменты доставались только Муравьевой, а на Татьяну никто никогда не обращал внимания. Хвалили лишь за то, что получалось повторить за однокурсниками после многочисленных попыток. Только мама ей восхищалась, но ее взгляд никак нельзя было считать объективным. Он сильно замылился родительской любовью.

На удивление Татьяны, даже те, кто проходили мимо, не останавливаясь посмотреть, кидали им монетки и купюры в рюкзак. К концу вечера, после двух часов выступления, они набрали примерно пять тысяч рублей – неимоверно большую для Татьяны сумму теперь. У нее в голове тут же выстроилась цепочка идей, как она сможет продержаться этот месяц, не занимая ни у кого в долг и не прося о помощи.

– Неплохой куш, – воскликнула Лада, когда они вышли из ближайшего фастфуда с разменянными купюрами. – В два раза больше, чем вчера.

В карих глазах отразился отблеск монет. Она переглянулась с таким же довольным Юрой, а потом посмотрела на Татьяну.

– Держи, твоя треть.

В руки упала одна тысячная купюра и несколько сотен.

– А мы пойдем это вместе тратить, – сказала Лада, предупредив ее вопрос. – Мы бы и тебя позвали, но тебе же на работу надо.

Она скосила недовольный взгляд на мать, которая сидела за рулем и подкрашивала губы.

– В следующий раз, – Юра подмигнул пустому месту между Татьяной и Ладой.

– Ладно, спишемся, – девчонка махнула рукой на прощание и увела друга под локоть в толпу.

Такое взаимовыгодное сотрудничество всем было на руку продолжать. Татьяна каждый рубль ценила. Теперь жизнь не казалась ей несправедливой и жестокой, как несколько часов назад. Скорее, сносной. В ней было разное: и плохое, и хорошее. Одно сменялось другим, другое следующим. Это означало, что и проблемы, и эта черная полоса должны пройти. Когда-нибудь. В любом случае глубоко поразмышлять над никчемностью бытия ей не хватило времени. Арина пригласила Татьяну в машину на место дочери.

– А нам точно надо вместе приезжать на работу? – осторожно спросила Татьяна, вспоминая, как недовольны были танцовщики тем, что арт-директор устроила ее самолично.

– А что тебя смущает? – Арина ничуть не возмутилась.

– Ну… просто все говорили про блат и все такое. Слухи будут ползти.

Директор засмеялась и завела мотор.

– Слухи уже поползли. Их не остановить. Так что не парься, – она выехала на дорогу. – Главное, не подведи меня. Я на тебя поставила.

От ее грозного взгляда наискось Татьяна вжалась в сиденье. Лишь бы отвлечься, стала разглядывать деревянную ручку бардачка. Автомобиль не был новым, но за ним хорошо ухаживали. Кожаный салон, торпедо с деревянными вставками, панель управления из приятного на ощупь пластика – все отдавало не столько дороговизной, сколько качеством. Татьяна не заметила ни одной побрякушки, которыми наполняла свой автомобиль ее мама. Только гелевый ароматизатор стоял в углу у окна. Педантичность хозяйки читалась в каждой детали.

Арина сильно дала газу. Машина послушно подалась вперед. Шумоизоляция в автомобиле тоже отличалась качеством. Рев рядом проезжающих моторов совсем не напрягал Татьяне слух. Это позволило ей немного успокоиться после шумного Арбата. Они выехали на проспект в молчании. Тихо, дальним фоном, звучало радио. Шла дурацкая передача наподобие викторины с малополезными призами, в которой люди активно участвовали.

– Молодец, не стушевалась на Арбате, – сказала Арина, не поворачиваясь.

– Спасибо, – Татьяна мельком взглянула на нее.

– У тебя неплохо получается. Что бы тебе ни говорили Света или другие, знай это. А с опытом станет только лучше.

Она улыбнулась, тоже не Татьяне, а лобовому стеклу или городу. Но такие слова поддержки все равно было приятно услышать. Особенно от директора.

– Почаще танцуй на Арбате. Очень хорошо раскрепощает. Даже по Ладе можно судить, – Арина сказала это и замолкла, сконцентрировавшись на небольшой пробке, в которую они встряли сразу за поворотом. Ей пришлось резко тормозить, чтобы пропустить перестраивающийся с аварийной полосы автомобиль. Она выругалась в окно, как шестидесятилетний мужик, всю жизнь проработавший на шахте, и снова дала газу, чтобы не дать проехать следующему.

– Сексуальности тебе, конечно, надо добавить, – продолжила Арина, когда ситуация на дороге нормализовалась. – Мне нужно, чтобы ты танцевала без запинки, без задоринки к концу испытательного срока. А то сейчас создается ощущение, что ты стесняешься собственного тела, почем зря.

– Меня так воспитывали, – оправдалась Татьяна и еще больше застеснялась, отвернувшись к окну.

На улице загорались рекламные вывески и фирменные таблички Дома, серые бездушные глыбы, как будто оживали, излучая свет. В некоторых витринах мигали гирлянды, скрывающие припозднившихся с ужином посетителей. Детские площадки и скамейки пустели. На тротуары и скверы толпами вываливала молодежь. Так день шаг за шагом уступал ночи.

– В сексуальности нет ничего постыдного, – наставнически говорила арт-директор, глядя прямо перед собой, как будто начитывала лекцию на диктофон для будущих поколений. – Без этого в индустрии развлечений никуда. Ты молода, красива и сексуальна. Надо это принимать. Хотеть, чтобы тебя хотели, нормально. Это ведь один из основных животных инстинктов. Мы стремимся завоевать внимание других людей, физически их привлекать, чтобы иметь больше возможностей передать собственные гены. Я, конечно, утрирую, но в этом суть, – она улыбнулась опять никому. – Это наше естественное право. Только закостенелое общество, управляемое лицемерными поборниками морали, взращивает таких, как ты. Я думаю, все из-за собственных комплексов. Нормальному, адекватно оценивающему себя, человеку нечего стесняться и незачем стеснять других.

Татьяна внимательно слушала. С ней впервые кто-то из старших говорил о сексе и сексуальности. Мама всегда избегала этой темы, как табуированной. Только предупреждала о необ-

ходимости контрацепции и о том, что заниматься сексом стоит только с надежным человеком. Что она понимала под «надежным», Татьяна так и не догадалась. Вадим в представлении мамы явно таковым не был. «Наверное, надежен тот, кого она бы сама для меня выбрала, – усмехнулась Татьяна. – Кто-нибудь наподобие Прохорова».

– Твоя задача раскрепоститься ровно настолько, чтобы перестать бояться своей привлекательности, даже если у кого-то она вызывает зависть или усмешку, – продолжала Арина. – И при этом не обязательно с кем-то спать. Можно быть и сексуальной девственницей. А можно быть несексуальной недевственницей, как ты.

От взрослости разговора Татьяна хихикнула. На щеки выступил румянец. Она к такому не привыкла, но всему внимала с интересом.

– Есть у меня одна идея, как раскрыть в тебе сексуальность, – задумалась Арина, добавляя газу, чтобы успеть проехать на желтый.

Татьяна навострила внимание, но Арина не закончила мысль.

Вскоре показался «Дэнсхолл». Проехав нестройную очередь, они припарковались за клубом в углу и прошли через служебный вход.

Они шли по длинному, слабоосвещенному коридору, в котором валялось много разного мусора или не мусора – в тусклом свете Татьяна не могла определить. Вдоль стен стояли фигурные картонки, валялись доски, металлические трубы, обрывки ваты и многое другое. Татьяна предположила, что все это был реквизит с прошедших вечеринок или заготовки на будущие. В коридоре царила глухая тишина, как будто они спускались в бункер. Только их шаги гулким эхом отдавались о высокий потолок и бетонные стены, пока Арина не нарушила тишину.

– Если тебе еще не показали, то здесь есть комната отдыха и туалет для сотрудников.

Рукой она махнула на две белые двери в правой стене. Из-за той, что была ближе к выходу, раздавались приглушенные голоса.

– Там есть кофемашина, – хвастливо добавила директор, скривив рот в полуулыбке, словно это было неоспоримое преимущество.

В конце они уперлись в голубую дверь, за которой снова оказался неоновый коридор с картинами. По нему каждая разошлись по своим местам: Арина – в личный кабинет, а Татьяна – в общую гримерку.

Татьяна специально шла медленно, предвкушая неприятную встречу со Светой и остальными танцовщиками. Еще в коридоре она чувствовала их въедливые взгляды и мысленно рисовала кривые усмешки на их лицах. Большинство она не запомнила, потому просто представляла одинаковые ухмылки на бесформенных головах. В воображении выглядело жутко. Так же Татьяна себя ощущала. «Мне нужна эта работа. Мне нужна эта работа», – не уставала она повторять.

Из коридора хорошо был слышен громкий смех, возгласы, перекрикивания. Когда Татьяна коснулась пальцами холодной ручки двери, снова разразился хохот. Быстро выдохнув, она вошла.

Все затихли. Света сидела за столиком у окна. В зеркале Татьяна видела недовольную гримасу рыжей. Остальные смотрели спокойно, но в воздухе царила неловкость. «Мне нужна эта работа!» – в который раз убедила себя Татьяна, заставляя тело двигаться в нужном направлении, а не в обратном.

– Всем привет, – негромко сказала она, не глядя ни на кого конкретно, и проскользнула к своему столику в уголок.

Никто из девяти человек не откликнулся. Света едва слышно хмыкнула. Но в такой тишине был слышен каждый вздох и шорох. Татьяна предположила, что все смеялись над ней, раз так притихли при ее появлении.

Все то время, пока она находилась в гримерке, ребята ее игнорировали. Через минуту они начали между собой потихоньку переговариваться, шутить и смеяться. Вскоре разговоры

заглушили Татьянину неловкость и Светину неприязнь. Стало легче, но ненамного. Татьяна чуть-чуть расслабилась и привела себя в порядок: расчесала волосы, подкрасила глаза, обвела помадой губы.

– Твой выход второй, через двадцать минут, – проговорила Света, появившись над Татьяной из ниоткуда. – Танцуешь там же, у туалета.

Татьяна кивнула, глядя на рыжую сквозь зеркало. Та держалась спокойно, но едва скрывала раздраженный тон.

– И начинай уже шить себе костюм. В своем я тебе вечно танцевать не позволю, – добавила она, быстро развернулась и вышла из гримерки.

Через минуту комната опустела втрое. Остались только Татьяна и «кореянки», которые сидели в противоположном углу на круглом пуфе. Обе глядели в телефоны. Сегодня они были не в школьной форме, а в белых шелковых боди с крупными, беспорядочно вышитыми, маками. Татьяна посмотрела на них смущенно и тут же отвернулась. Хотела развязать разговор, чтобы понять, настолько ли все ей здесь не рады. Но не нашла подходящих слов. Выдавив лишь непонятный звук, на который никто не отреагировал, она совсем растерялась и уткнулась в зеркало с досадой. Потом снова взглянула на девушек, бездвижных и спокойных, как куклы. Мысль сформировалась через несколько секунд.

– У вас классный стиль танца, – выдавила Татьяна и поджала губы.

– Спасибо, – не поднимая глаз, отозвалась та, которая сидела ближе и носила прямое каре без челки.

Снова настала тишина. Татьяна разочаровалась и пристыдила себя за нелепую попытку социализироваться. Она зажмурила глаза на секунду и отвернулась к зеркалу, где снова надо было смотреть на собственную глупость. Хотелось сбежать, но было некуда. Вдруг «кореянка» с каре подняла ленивые глаза и спросила:

– Костюмы шить сама умеешь?

– Н-нет.

Сначала Татьяна не поняла, к чему этот вопрос, но потом вспомнила, что Света ей наказала.

– У нас уборщица работает одна, Адлией зовут. Она швея, – «кореянка» заблокировала экран смартфона и выпрямилась.

Сестра ее тоже подняла на Татьяну глаза.

– У нее расценки невысокие, а шьет реально классно, – сказала вторая с длинными волосами.

Татьяне в первый раз показалось, что они были близняшками. По крайней мере, с первого взгляда она их различала только по волосам. Но теперь, внимательнее вглядываясь в девушек, стала подмечать отличия в формах головы, носах, губах, незначительные, но заметные. Однозначно они были сестрами, но не близняшками.

– Спасибо, а как ее найти?

– Она здесь всю ночь убирается то там, то сям. Увидишь. Грушевидная такая, приятная, с густой шевелюрой. Узбечка.

Девушка с каре руками обтекла воздух по форме груши и улыбнулась. Татьяну это тоже заставило улыбнуться.

– Меня Юля зовут, – сказала вторая с длинными волосами и сплющенным носом.

– А меня Оля, – представилась первая с каре и миниатюрными чертами лица. Нос у нее был такой же сплющенный, но покороче.

– Очень приятно, – Татьяна расплылась в широкой, жаждущей дружелюбия улыбке. Маленький теплый огонек осветил одинокую душу.

Снова наступила неловкая пауза, которую надо было чем-то заполнить. Татьяна не нашла ничего лучше, как спросить:

– А вы давно здесь работаете?

– Года два как, – ответила Оля.

Словоохотливыми назвать их было нельзя. Это всегда доставляло Татьяне трудности. При этом девушки смотрели на нее так, будто она обязана теперь развлекать их беседой. Но Татьяна в стрессовой ситуации всегда плохо соображала, потому не могла придумать новые вопросы. Юля это уловила.

– Не думай, здесь не все сучки. Да и Света не сучка. И бесится больше на Арину, чем на тебя, скорее.

Татьяне понравился ее утешительный тон.

– Однако все просто удивлены, как ты сюда попала и почему. Потому что каждый здесь прошел строгий отбор, – Юля подняла черную полоску над глазом – нарисованную бровь. – Арина впервые так кого-то приводит. А с учетом ее...

Она опустила глаза в пол и почесала подбородок, подбирая нужное слово.

– Слабости... или склонности...

– Нимфоманка она, – перебила сестру Оля. – Спит со всеми.

– Я не ее любовница, если вы на это намекаете, – поспешила отречься Татьяна.

Девушки одновременно хмыкнули. На лицах обеих выступили недоверчивые усмешки. Татьяна вспомнила фразу Арины: «Слухи уже поползли. Их не остановить» и цокнула. Та явно гораздо лучше разбиралась в жизни.

Дальше склеивать разговор казалось бессмысленным. «Кореянки» снова уткнулись в телефоны. Через несколько секунд запищал Татьянин. Она просмотрела сообщение. Арт-директор скинула ссылки на канал и паблик Светы в сети. Татьяна выдохнула и прошла по ним.

На половине экрана предстало Светино улыбчивое лицо, которое вживую Татьяне уже не светило увидеть. Она убавила звук, чтобы не раздражать лишний раз «кореянок» и прильнула к телефону поближе. Света объясняла своим подписчикам, как грамотно включать элементы фламенко в гоу-гоу. Пару фишек взяла себе на заметку. Затем пролистала плейлист, но не до конца, потому что в гримерку ворвались запыхавшиеся танцовщики. Пришла пора выходить в зал. Татьяна резко соскочила, остро чувствуя неловкость в большой группе недружелюбно настроенных к ней людей.

Сегодня было легче подниматься на подиум. Толпа вокруг осталась такой же, как вчера. Казалось, даже наряды не поменялись. Татьяна списывала прибавку собственной уверенности на Арбатское раскрепощение. На самом деле, она не столько раскрепостилась, сколько зарядилась позитивной энергией тамошних зрителей, которые после каждой песни аплодировали, выкрикивали подбадривающие возгласы и оценивали лайками ее танцы. Это вселяло чувство удовлетворения собой, придавало всему смысл, воодушевляло, ведь находились люди, и не мало, которые положительно оценивали ее работу. Поэтому сегодня она взошла на подиум твердым шагом и, не глядя на людей вокруг, задвигалась под музыку так, как просила душа, добавляя в танец элементы фламенко, каким учила Света.

В углу танцевалось спокойно и даже уютно. Осуждение ей не угрожало, просто потому что всем было все равно. Изредка она ловила безынтересные взгляды одиночек за барной стойкой, но они быстро убегали от нее, как от яркого света.

Большую часть перерывов Татьяна проводила на улице, хоть и мерзла в тонком танцевальном костюме. Останавливалась на невысоком крыльце служебного выхода и наслаждалась темнотой ночи. В гримерке ее все нарочито игнорировали. И здесь Татьяне предстояло стать незаметным изгоем. Почти таким же, как в академии. Хотя тогда она считала изгоем Муравьеву и только теперь осознала, что, на самом деле, аутсайдером была именно она. Муравьеву все всегда замечали. На ее талант нельзя было не обратить внимания. Ее ненавидели, ей завидовали, ее обсуждали, но она никогда не оставалась незамеченной. А Татьяна всегда находилась где-то на окраине, в углу, в темноте, на задворках толпы. Настоящих друзей, как она совсем

недавно поняла, тоже никогда не имела. И если у Муравьевой был талант и балет, то у нее – совсем ничего. Татьяна не имела даже собственной жизни, собственных желаний и собственных мыслей.

И сейчас было не до этого. Более насущные проблемы требовали решения. Нехватка желаний могла подождать, пока беспокоили отсутствие жилья и острый недостаток денег, который она раньше никогда не испытывала. И не могла испытать, потому что было кому об этом позаботиться. Но взрослая жизнь предполагала самостоятельное решение проблем.

В четыре утра танцовщики впопыхах собирались по домам. Только Татьяна никуда не спешила. Она выждала, пока все переоденутся, соберут вещи, обсудят рабочие и личные вопросы и, наконец, освободят гримерку. Татьяна надеялась, что в этой суматохе никто и не заметит, как она здесь осталась.

Она придумала, что выставит в ряд стулья и уляжется на их жесткие сиденья, зато сможет поспать. Хоть немного. В комнату отдыха в перерыве ночью она зашла всего один раз – попила воды из кулера. Там посередине комнаты стоял мягкий диван, более пригодный для сна, чем стулья, но ее режим не вписывался в график работы клуба, который закрывался только в шесть. Это значило, все остальные сотрудники, кроме танцовщиков, могли ее там поймать. Пришлось обходиться гримеркой.

Татьяна быстро расставила стулья, как надо, подложила под голову пакет со спортивным костюмом, который сошел за вполне пригодную подушку, и легла. Как только веки опустились, сознание выключилось.

Глава 8. Подоконник

– Эй, красавица, вставай. Просыпайся.

Татьяну затрясло во сне, который тут же развеялся. Оказалось, ее кто-то теребил за плечо.

Раскрыв глаза, сквозь туман дремы, она разглядела смуглое лицо, встревоженное и хмурое. На шее выступал небольшой второй подбородок с несколькими родинками. Черные волосы гнездом обвивали макушку и держались на металлической заколке. Женщина, лет сорока пяти на вид, носила форменный синий халат. На груди блестел золотым бейдж с именем «Адлия».

«Швея!» - вспомнила Татьяна, о ком говорили Юлия и Оля. Она всю ночь не могла ее найти, в итоге та нашла ее сама и в самый неподходящий момент.

– Я вас искала, – проговорила Татьяна, сев прямо.

– Меня? – опешила Адлия, округлив острые глаза. – Зачем?

Она помотала головой, будто хотела сбросить бред, который с ней происходит, как сон из головы. Татьяна смотрела на нее в онемении. Нутро подсказывало, что нельзя так начинать знакомство. Но ситуация была не из благоприятных для непринужденного общения. Она боялась, что Адлия может выгнать ее отсюда или нажаловаться начальству, или и то, и другое вместе.

– Мне костюм надо сшить, – ответила Татьяна пространным голосом, будто параллельно связывалась с духами, а, на самом деле, пыталась придумать, как выкрутиться из этой ситуации.

– Аа, – протянула Адлия и закивала, но во взгляде читалось чувство настороженности. – Так ты *меня*здесь ждала, что ли?

Уголки глаз, подведенные жирными стрелками, снова округлились.

– Д-да, – неуверенно ответила Татьяна и судорожно огляделась, выдавая себя с потрохами. Врать она так и не научилась.

Взгляд остановился на часах, висевших над входом. Часовая и минутная стрелки почти сошлись на средней черточке между пятью и шестью. Адлия сощурилась и чуть отдалилась, будто с расстояния на пару сантиметров дальше видела четче. Она едва заметно наклонила голову набок, раскрыла глаза и снова сощурила их. Татьяне стало удушающе неловко.

– Я хотела узнать ваши расценки и как это вообще делается, – начала она от испуга.

– Новенькая? – спросила Адлия.

– Да. Вторую смену только отработала.

Адлия снова замолчала и продолжала зрительно изучать Татьяну, морща лоб. Мясистое на скулах лицо в остальном имело почти идеальные пропорции. Самыми выразительными казались блестящие глаза, небольшие, но подчеркнутые пышными ресницами и по-восточному заостренными концами. Такое лицо хорошо запоминалось и вызывало доверие.

– Делается это так, – сказала Адлия, наконец. – Ты говоришь мне, что хочешь и покупаешь ткани, а я снимаю мерки и шью. Предоплату беру пятьдесят процентов. Расценки зависят от сложности костюма.

– Хорошо, спасибо, – кивнула Татьяна и выдавила улыбку.

– Я в туалете часто бываю. Там убираться надо каждый час. Или в подсобке, напротив вашей комнаты отдыха, – добавила Адлия, все еще глядя с сомнением.

– Спасибо, буду знать.

После неловкого разговора Татьяна осталась сидеть на стуле, как ни в чем не бывало, и смотреть на Адлию, которая повернулась к тележке с ведром. Татьяна наблюдала за ней в ожидании дальнейшего развития событий. Но события развивались медленно. Уборщица прошлась мокрой шваброй по комнате, повторяя одни и те же движения по много раз. Управилась минут за пятнадцать. А Татьяна все ждала, сама не понимая, чего, но в глубине души надея-

лась, что Адлия просто уйдет и оставит ее здесь в одиночестве. Однако на выходе та развернулась всем корпусом, держа ручку тележки, и спросила:

– Тебе домой не надо?

– Надо, – машинально ответила Татьяна. – Но я еще соберусь и чуть позже выйду.

– Долго? А то мне нужно за тобой закрыть и ключи охраннику отдать.

«Черт!» – Татьяна чуть вслух не выругалась. Требовалось срочно что-то придумать. Опять. В который раз уже за эти несколько дней? Десятый? Сотый? Миллионный? Она устала от этого. И не только от этих стрессовых соображений. В теле все ныло от банального изнеможения. Ночь на каблуках в душном зале, многочасовая физическая нагрузка, постоянное продумывание, как выжить в этом безжалостном мире, утомили Татьяну.

Она закрыла глаза в приступе отчаяния, вдохнула побольше воздуха, впитавшего лимонный аромат моющего средства, и посмотрела на Адлию. Та недоверчиво косилась на нее – уже догадалась, что Татьяна здесь не просто так, и ждала ответа.

– На самом деле, мне некуда идти, – Татьяна не произнесла, а выдохнула слова и мгновенно залилась краской.

Ей больше было стыдно за нелепую попытку наврать Адлии и скрыться, чем за то, что было некуда идти.

– Ты бомж, получается?

Татьяна закивала.

– Как так? – спрашивала Адлия без изумления. Скорее, это был технический вопрос.

– Приехала из другого города, сняла квартиру, но меня обманули, деньги забрали, а из квартиры выставили.

После собственных слов Татьяна усмехнулась над собой вчерашней, наивной и глупой. Адлия внимательно на нее посмотрела. По умному взгляду Татьяна поняла, что эта женщина не из тех, кто задает необдуманные вопросы.

– А в полицию почему не пошла?

– Мне нельзя! – воскликнула Татьяна, а потом тихо добавила, – А во-вторых, это бессмысленно.

Она бы не стала дальше рассказывать, но безмолвный вопрос в проницательных черных глазах заставил ее признаться:

– Я сбежала от матери и боюсь, что она меня найдет. В полиции меня точно поймают и отправят к ней.

Адлия вперила в нее взгляд, будто узнала сакральную правду. В этом взгляде чувствовалось нечто теплое. «Сострадание», – предположила Татьяна.

– Ты хотела здесь жить?

– Хотя бы отоспаться, – она пожала плечами.

Адлия вздохнула, помотала шваброй в руке, посмотрела на тележку. И застыла. Татьяна пыталась сосчитать количество кривых линий на древесном узоре ламинатной доски.

– Подожди меня здесь. Я уберусь, – вдруг сказала Адлия. – И зайду за тобой.

– В смысле?

– Поспишь у меня. Потом решим, – деловито ответила она и вышла из гримерки.

Татьяна так и осталась сидеть с приоткрытым ртом и пялиться в пустой проем двери.

Через час они ехали в автобусе. Солнце отражалось в зеркальных окнах многоэтажек белыми полосами на фоне перистого неба. Утро понедельника, как и положено, начиналось оживленно. Автомобили сновали по проспектам в обе стороны, оставляя за собой облака выхлопных газов. Они ехали молча, сидя спиной к дороге и лицом к салону. Каждая смотрела в свою сторону. Татьяна глядела на дорогу, а Адлия – в пол.

Татьяна ощущала себя странно. Она ехала домой к женщине, которую узнала всего час назад, неизвестно куда, неизвестно почему. Стоило ли ей чего-то бояться, она не знала, но

страха и не испытывала. Стоило ли радоваться, она тоже не могла понять, потому что ничего еще не было известно. Ей помогли с ночлегом на один раз. А что дальше? Требуется ли отдавать что-то взамен? А если у нее ничего нет? Что тогда? Вопросы кружились в уме, но на фоне, не доставляя особого беспокойства. Нервная система настолько истощилась, что уже не реагировала на стресс.

Сразу напротив остановки перед ними предстал девятиэтажный жилой дом из серо-желтого кирпича, похожий на коробку для холодильника в увеличенном масштабе. Подъезд выглядел потрепанным, но чистым. Освещала его тусклая лампа без плафона. Многие почтовые ящики искорежили вандалы и исписали неизвестные малоталантливые, на Татьянин взгляд, художники. Поднявшись на несколько лестничных пролетов, они остановились у одинокой железной двери.

За ней открылся длинный коридор с еще советскими шкафами и пластиковыми обувницами. Все здесь было ветхим и неприглядным глазу, но общая опрятность бросалась в глаза. Сразу справа шла стена, за которой прятался туалет, а ванная – напротив. Помимо санузлов из коридора вели еще три двери: по одной с каждого бока и одна в конце. Именно в нее они с Адлией и зашли. Дверь выглядела потрепанней, чем все остальные в квартире. Ее даже не подкрашивали.

Изнутри полил яркий свет. В стене напротив зияло окно с широким подоконником, на котором вполне можно было с комфортом устроиться, постелив матрас и накидав подушек. Краска с деревянной рамы серыми клочьями осыпалась вниз. Татьяна догадалась, что именно поэтому он был пуст. В комнате расположился минималистичный набор необходимого. Обои отходили от стен, выцвели и много где протерлись, но когда-то имели узорчатый рисунок бледно оранжевого цвета, напоминающий густую растительность в ботаническом саду.

– Проходи, чувствуй себя как дома, – радушно проговорила Адлия, захлопнув дверь.

– Спасибо, – отозвалась Татьяна тихо, осторожно ступая босыми ногами по прохладному линолеуму.

– Голодная? – Адлия подошла к холодильнику, приобретшему за годы службы желтоватый оттенок и многочисленные сколы эмали на ребрах.

– Да.

Татьяна сглотнула сухим горлом и с огромным любопытством уставилась на дверцу холодильника. Ее заполнило множество наклеек с популярными героями мультфильмов 80-90-х годов. Татьяна не успела их рассмотреть, потому что Адлия с грохотом захлопнула дверцу, вынув оттуда чугунный казан овальной формы. Она нерасторопно разложила по тарелкам пряно пахнущий плов, потом разогрела каждую по очереди в заляпанной микроволновке и, взяв фильтр для воды, вышла из комнаты.

Пока хозяйки не было, Татьяна, вбирая в себя наивкуснейшие ароматы плова, выдвинула из-под стола два стула, подумав, что так поухаживает за Адлией в благодарность. Плов к ее приходу как раз разогрелся. Они принялись есть.

– Ооочень вкусно! – восторгалась Татьяна, выскребывая последнюю рисинку в тарелке алюминиевой ложкой.

Адлия заулыбалась.

– Еще хочешь?

Татьяна задумалась на секунду, потому что желудок и довольный мозг просили еще, но воспитанность требовала отказаться. Она нехотя покачала головой.

– Спасибо вам большое, – смотрела вниз и в сторону. – Мне пока нечем вам отплатить.

Стыдливый взгляд ее мимолетом скользнул по лицу Адлии, которая насупилась – снова что-то анализировала. Татьяна смутилась сильнее и свхатила себя за коленки.

– Ты можешь пожить у меня пока...

Татьяна округлила глаза и впилась пальцами в колени.

– Если будешь помогать мне шить и убираться в клубе, – закончила Адлия, улыбнувшись в конце.

Татьяна сразу вспомнила угрозу Арины про мытье унитазов и то, как ее это испугало, и захлопала глазами.

– Не боись, там ничего сложного, – махнула Адлия. – Просто у меня спина болит. Помощь не помешает.

Татьяна все еще сидела в онемении.

– Зато я буду тебя кормить. И так уж и быть, сошью тебе костюм. Но все ткани за твой счет.

Предложение становилось все более заманчивым. «Это же ненадолго» – утешила себя Татьяна, осмотревшись. Комната угнетала затхлостью и давним прошлым, отпечатавшимся в трещинах на потолке, полах и стенах. Здесь даже дышалось с трудом. Пахло старинной мебелью, залежалой пылью и многолетним отсутствием ремонта. Татьяна вздохнула, вернув взгляд в пустую тарелку перед собой. «Как только пройду испытательный, найду нормальное жилье» – решила она.

– Хорошо, – не без толики печали согласилась Татьяна и слабо улыбнулась, хотя в душе царил ужас.

Кто-то умный внутри сомневался: неужели она, Татьяна, воспитанная матерью так, что даже посуду-то помыла раза два в жизни, будет убирать туалеты. Да еще в ночном клубе, где априори себя никто культурно не ведет, потому что алкоголь сильно способствует утрате всех представлений о чистоте, этикете и санитарно-эпидемиологических правилах.

– Значит, договорились, – улыбнулась Адлия и сунула последнюю ложку плова в рот.

Татьяна хоть и устала, но засыпала долго и мучительно. Адлия простодушно предложила разделить с ней мягкий и удобный диван, достаточно широкий для двоих, но Татьяна поинтересовалась, может ли она устроиться на подоконнике, потому что к настолько тесному контакту с незнакомой женщиной она пока не была готова.

Хозяйка покопалась в шкафу и вынула оттуда ватный матрас, который весь покрылся давно въевшимися пятнами и пах многослойной несвежестью. Но выбирать было не из чего. Застелив матрас бельем и облагородив постель синтепоновой подушкой, Татьяна улеглась лицом к окну. У нее даже получилось уединиться, спрятавшись за тонкой шторой. Но зато утренний солнечный свет впивался в глаза. Это мешало заснуть и расслабиться.

Еще больше ее напрягали мысли о том, как она будет здесь жить и убираться в клубе, как совместит это с танцами, как на это отреагируют Арина, Света и другие, и как вообще все это перетерпеть. Она маялась часа два, прежде чем уснула.

Глава 9. Боевое крещение

Впереди Татьяну ждали несколько выходных дней, когда, наконец, в тепле и уюте, на сытый желудок и без нервов можно было подумать о своем положении.

Адлия оказалась совсем ненавязчивой, не особенно разговорчивой и деловитой. Она постоянно что-то делала, даже сидя на одном месте, даже если смотрела любимый турецкий сериал. Вязание во время просмотра ее расслабляло. В свободное от работы уборщицей время Адлия выполняла заказы на пошив одежды. Раскраивала ткани, придавая им нужную форму, стучала точной иголкой машинки, создавая тонкие швы, потом много обрезала, что-то подшивала и сшивала одно с другим.

Большую часть таких заказов занимали костюмы для танцовщиков, в том числе из «Дэнсхолла». Иногда Адлия выполняла коллективные заказы для трупп и детских шоу-балетов. За этими занятиями она в основном и проводила время, не отвлекаясь на соседку и не мешая тем самым ей заниматься своими делами.

Татьяне такое сожительство показалось идеальным. При этом с Адлией можно было завести интересный разговор. Болтушкой она не была, но рассказывала увлекательно, не тараторя, не путаясь, а последовательно, степенно и с выражением, как будто в прошлой жизни работала сказочником.

Адлия даже поделилась с Татьяной семейным рецептом плова, в котором, на ее взгляд, не было ничего особенного. Рецепт этот передавался по традиции из уст матери к дочери и укреплялся поколениями. Татьяна догадалась, что именно в этом и был весь секрет: за долгие годы проб и ошибок удалось прийти к идеальному балансу. Но в том, как учила ее готовить Адлия, не было никакой определенности и строгости.

Татьяна, прикусив язык, записывала каждый шаг, чтобы у нее получилось приготовить так же, но повторить точь-в-точь было невозможно, ведь рецепт содержал много позиций «на глаз». Адлия интуитивно знала, сколько чего в каждом конкретном случае добавлять и всегда получалось вкусно. Это был предел мастерства, к которому Татьяна теперь стремилась. Но пока записывала примерные пропорции.

– Теперь надо рис выложить сверху ровным слоем, – Адлия гладила воздух над плитой, будто проводила ладонью по воде.

– Вот у меня мама тоже все всегда на глаз делает. Я всегда поражалась, как так получается. И всегда одинаково ведь!

Татьяна впервые заговорила о маме с момента их знакомства в гримерке.

– Почему ты от нее сбежала? – поинтересовалась Адлия, протягивая половник и банку с рисовой крупой.

Татьяна замкнулась, сделав вид, будто ничего важнее, чем наполнение казана рисом, не существует. Адлия внимательно вглядывалась в ее лицо и наблюдала. Татьяна то хмурилась, то поднимала брови, и щеки то надувала, то втягивала внутрь, а губы поджимала. Побег от родной матери вдруг показался ей стыдным, легкомысленным и заслуживающим осуждения.

– Она с тобой жестоко обращалась? – уточнила Адлия.

– Нет, что ты, – завертела головой Татьяна, все еще боясь посмотреть на нее. – Я просто не хотела, чтобы она все за меня решала. Она всю жизнь за меня все решала, а я думала, что так надо. Пока...

Она осеклась, прикусив губу.

– Сбавь огонь на тройку, – Адлия указала на круглый переключатель режима конфорки. – На, кинь чеснок и накрой крышкой. Только полотенце не забудь.

Она протянула очищенную головку чеснока. Татьяна очнулась, приняла его и быстро исполнила указание. Уже видела, как Адлия окутывала крышку казана кухонным полотенцем

перед тем, как накрыть ей плов, и повторила сейчас то же самое, хоть и неуклюже. Адлия одобрительно кивнула. Татьяна принялась записывать действия по порядку.

– Я тоже в молодости от этого сбежала, – сказала Адлия, помолчав. – В моей стране, вообще, женщины так живут. Не могут ничего решать. Ничему не учатся, замуж выходят, за кого скажут родители, рожают детей, сколько хочет муж, и все делают для него. И так до сих пор. Кто-то так живет и не тужит. Многие и не хотят ничего решать сами. Им всегда легче обвинить кого-нибудь в своем несчастье, чем иметь ответственность за свое счастье. А я все пыталась найти свое сама.

– Нашла?

– Ага, дважды, – посмеялась Адлия. – От которых тоже сбежала.

Татьяна слабо улыбнулась.

– Вокруг меня все кричали «Женское счастье! Женское счастье!» – поднимая руки вверх, Адлия пародировала базарных баб. – А я, честно, до сих пор не понимаю, что это и почему оно женское? Вступить в брак, родить ребенка – только ли женское счастье? Как будто мужики здесь ни при чем. Это ведь и мужское счастье тоже, нет?

Татьяна задумалась, приложив ручку к губам. Адлия смотрела на тяжелый чугунный казан, едва помещающийся на конфорке. Молчание продлилось недолго, потом она продолжила:

– Или разве женщина не счастлива, когда вверх идет по карьере? Разве только мужики таким вещам радуются?

На лице Адлии проявилась искренняя эмоция удивления, направленная в пустоту, а не на Татьяну.

– Мне кажется, люди слишком простые, привыкли делить мир на черное и белое, не зная, что в природе нет таких цветов, – в задумчивости она подперла ладонью голову и уперлась локтем в столешницу. – И черный, и белый состоят из всех цветов радуги. Это ведь физика. Я помню, мне первый муж объяснял.

Встретив любопытствующий взгляд Татьяны, она для убедительности закивала.

– Я многого о мире не знаю. Я школу едва закончила, – Адлия выдавила невеселый смешок. – Но знаю, что никто о мире и о других много не знает. Мир слишком большой, чтобы его до конца узнать. А людей, тем более, слишком много, чтоб узнать каждого. Никакой жизни не хватит. Поэтому, я думаю, что для одного женское счастье, то для другого мужское. И вообще, для одного это может быть счастье, а для другого несчастье.

Она развернула левую руку влево, а правую – вправо, как бы показывая двойственность ситуации и докончила:

– А чтобы понять, что для тебя счастье, надо жизнь прожить. Но, я думаю, суть в том, чтобы самому прожить, как сам решишь. Только потом узнаешь, нашел ты счастье или нет, никого не виня.

И они обе надолго погрузились в молчание. Адлия глядела на казан, не отрывая глаз, будто боялась, что плов сбежит от них, а Татьяна в окно, за которым летний оранжевый закат погружался в ночь за горизонт.

Когда ужин был готов, они возобновили разговор, но уже в другом русле. Адлия говорила про новый турецкий сериал, а Татьяна слушала и внимала, поражаясь перипетиям любовно-драматического сюжета, который там закрутили всего за пять первых серий. И даже присоединилась к просмотру, потому что хотелось отвлечься от перипетий собственной жизни. Да и момент, на котором Адлия остановилась, нехило так заинтриговал.

Татьяне в целом было комфортно. Но пришлось постигать с нуля некоторые неприятные моменты. Совместное проживание требовало соблюдения взаимных прав и обязанностей, которые ей раньше не было необходимости чтить. Адлия сразу все разъяснила, причем без права выбора: нужно мыть за собой посуду каждый раз после еды, нужно мыть полы, нужно

протирать пыль и убираться по графику в местах общего пользования коммунальной квартиры.

Татьяне повезло, и именно на этой неделе наступила очередь их комнаты.

– Так-то здесь все аккуратные живут, – сказала Адлия, когда они шли по темному скрипучему коридору.

Начать Адлия предложила с кухни. Девушка оглядела небольшое помещение глазами и согласилась с ней. Здесь все было разложено по местам. Никто не оставил даже грязной посуды. Толстых слоев пыли, как в квартире у Вадима, она не заметила. Только на полу остались нечеткие следы из-под тапочек у мойки, а в остальном все казалось чистым.

– Вообще, уборку мы делаем раз в неделю, – обучала Адлия. – Естественно, если что-то случается, что-то проливается или разбивается, надо убирать сразу, а не ждать очередной уборки. Раз в полгода делаем генеральную. Пыль во всех сусеках протираем, все шкафы и мебель моем, окна. Я тебе это потом покажу, когда черед придет.

Адлия подробно показала, как правильно выжимать тряпку, как двигать шваброй по полу, в какие закоулки заглядывать. На кухне, пока все это делала она, Татьяна не испытывала особого отвращения. Но, когда они вышли в коридор, и ей пришлось делать все самой, она заметила множество неприятной грязи повсюду, отчего желание убираться совсем угасло. Она ведь и у себя дома никогда этим не занималась, поэтому даже не представляла, как может быть грязно.

Сперва Татьяна водила шваброй лениво, неохотно и неаккуратно, забывая протирать отдельные участки, особенно труднодоступные. Однако терпеливая и строгая Адлия не уставала повторять, что и как нужно мыть правильно и заставляла перемывать заново. Татьяна быстро сообразила, что качество выходит дешевле.

Оказалось, уборку можно пережить и перетерпеть. Даже вонючий унитаз. Зато не надо было каждый день думать о том, где ночевать. Издержки себя окупали.

Для комфортного сна Татьяна купила накладки для глаз, безупречно затеняющие солнечный свет. И жизнь показалась совсем налаженной.

Только денег все еще не хватало. Но и эта проблема хотя бы частично решалась уличными выступлениями с Ладой и Юрой. На этой неделе они танцевали не на Арбате, а на какой-то площади, название которой Татьяна не удосужилась узнать. Заработали почти столько же, правда, выступать пришлось в два раза дольше. В будние дни публика была больше, но скупее.

Во второй раз Татьяна танцевала свободнее, даже если и уловила краем уха несколько осуждающих замечаний и пару насмешек. Основная масса и особенно Лада с Юрой ее поддерживали. Они приглашали Татьяну с собой в караоке после выступления, но она отказалась, потому что ей нужно было тратиться на более важные вещи.

Наконец, она занялась костюмом, попыталась его придумать, описать и даже нарисовать, чтобы начать шить. Весь четверг Татьяна посвятила этому. Смотрела в интернете различные образы танцовщиц, показы мод и фото девушек-косплееров, но все ей не нравилось. Требовалось что-то оригинальное, соответствующее только ей и не похожее ни на что другое. Идея пришла во сне.

Она приснилась себе танцующей посреди чистого поля на фоне ясного неба в костюме подсолнуха. Два крупных желтых цветка закрывали грудь. Искусственные камни в цветоложе поблескивали на свету, словно черные алмазы. Вместо бретелей вокруг шеи обвивались тонкие лианы. Они же тянулись вниз, переплетаясь на животе и спине в красивый растительный узор наподобие рыболовной сети. Юбка из пышных лепестков подсолнуха сильно смахивала на балетную пачку, обрамленную поясом из таких же страз, как на лифе. Лианы раскидывались дальше к темно-зеленым чулкам в сеточку. На голове маленькими подсолнухами расцветал венок.

Всю пятницу Татьяна пыталась нарисовать эскиз своей идеи. Она просмотрела множество роликов по фэшн-иллюстрации, пытаясь повторять за мастерами. Но в ее распоряжении не было даже карандаша, только ручка, поэтому при каждой неверной линии приходилось начинать заново. Убив все нервы на девяносто три попытки нарисовать костюм так, как она себе представляла, Татьяна решила оставить девяносто четвертый вариант как есть: кривой, косой, местами непропорциональный, местами излишне ровный, зато он передавал суть. С этим детским наброском она подошла к Адлии, которая смотрела сериал и вязала жилетку.

– Угу, – вдумчиво кивнула она, всматриваясь в синие линии на белой бумаге.

Татьяна за нее нажала пробел на клавиатуре ноутбука, чтобы поставить серию на паузу. На экране крупным планом с недовольным выражением застыл турецкий султан в поблескивающем восточными узорами тюрбане.

– Это лианы, что ли?

Адлия показала пухлым пальцем в район плеч, с которых свисали колючие волнообразные линии. Татьяна утвердительно закивала.

– А ткани ты выбрала?

Татьяна по-глупому на нее посмотрела и пожала плечами.

– Я надеялась, ты мне поможешь.

Адлия усмехнулась.

– Хорошо, давай в понедельник, после работы. А то нам уже выходить пора.

До «Дэнсхолла» они добирались на автобусе. Адлия смотрела в пол, Татьяна искала в интернете информацию по тканям и материалам, чтобы предметно обсуждать с Адлией будущий костюм. Видов, типов и классификаций тканей оказалось великое множество. Татьяна открыла для себя новую вселенную и поняла, что без Адлии здесь не разберется.

На входе снова собралась стройная колонна посетителей. Охранник деловито пожимал плечами, отвечая на вопрос первой в очереди на вход пары. Татьяна с Адлией обошли клуб с торца здания и вошли через служебный вход. Идя впереди по узкому коридору, Адлия сказала:

– Здесь наша подсобка.

Она подошла к единственной с левого бока двери, вставила ключ и отворила ее. Подсобка оказалась тесной комнатенкой, наполненной химическими ароматами средств для уборки. По стенам стояло несколько тележек с ведрами и швабрами, железные стеллажи с расходными материалами и пара табуретов вокруг небольшого прямоугольного стола, половину которого занимала пожелтевшая микроволновка.

Татьяна осознала, что комната отдыха для сотрудников клуба не предполагала размещение там уборщиц. Им выделили убогую подсобку, совмещенную со складом рабочего инвентаря. Стало обидно, ведь комнату отдыха для остальных сотрудников обустроили комфортабельными диванами и креслами, чистым столом, шкафами и кофемашиной. Там сама обстановка располагала к расслаблению. А здесь было так тесно, сыро и воняло химикатами, что даже после нескольких часов напряженной работы аппетит не смог бы появиться. Но Адлию ничто не смущало. Она повесила сумку на вешалку сразу у входа, сняла с крюка пакет с формой и стала переодеваться прямо здесь.

– Туалеты надо убирать каждый час. Мы с напарницей чередуемся, – говорила Адлия, стягивая пестрое льняное платье, сшитое самой для себя. – У тебя когда перерыв?

Платье украшали крупные листья папоротника насыщенно-зеленого цвета на бежево-песочном фоне. Фасон предполагал широкую свободу действий и комфорт. Такое платье ее заметно молодило и сразу ставило в один ряд с модницами.

– Не знаю, как скажут. Может быть, сейчас сразу, а может быть, через двадцать минут, – ответила Татьяна.

– Аа, – Адлия запахнула халат. – В общем, туалет я пойду убирать без пятнадцати одиннадцать. Если будешь свободна, приходи сюда. Так-то тут, пока клуб работает, убирать, кроме

туалетов, особо нечего. В бар и в ресторан, правда, часто зовут. Очень редко приходится на танцпол выходить. Ну, если вдруг что-то только. А так мы здесь большую часть ночи проводим. Так что можешь приходить сюда в перерывах. Настоящая уборка начнется после четырех утра.

– Хорошо, – согласилась Татьяна.

Сюда ей приходить казалось гораздо приятнее, чем в наполненную игнорирующими ее коллегами гримерку или забитую равнодушными незнакомцами комнату отдыха. Там пахло кофе, высокомерием и жалкими остатками гламура, а здесь – хлоркой и простотой.

Но перед началом работы все равно нужно было зайти в гримерку, чтобы привести себя в порядок и переодеться. Танцовщики шумели и смеялись. Татьяну никто не замечал, точнее, все делали вид, что ее не существует. Только «кореянки» односложно поздоровались. Татьяна им улыбнулась, но выражения их лиц остались равнодушными к ее приветливости. Они и с остальными так себя вели. Красивые, хладнокровные, себе на уме, сестры снова оккупировали пуф в углу и первым делом проверили смартфоны. Всеобщее игнорирование угнетало, но теперь у Татьяны была Адлия и подсобка, где она могла спрятаться от презрительного равнодушия. Это заметно облегчало участь.

Света прибежала позже всех. Быстро раздала указания: кто, где и в каком порядке сегодня танцует, и побежала за ширму. Для Татьяны ничего не изменилось. Она выступала второй, на подиуме за баром, возле туалета.

Сегодня выходить в зал Татьяна боялась меньше: все-таки за плечами имела две ночи танцев в клубе и два уличных выступления. Опыт давал свои плоды. Но неловкость и неуверенность она все равно ощущала, хоть и отрепетировала дома самые популярные связки движений, которым научилась у Светы.

Татьяна решила повторить их перед зеркальными дверцами шкафа, не обращая внимания на оставшихся в гримерке Олю и Юлю. Положила смартфон с открытым видео на столик и, встав к ним спиной, пыталась отчеканить быстрые переступы ногами, заострить откидывание волос назад и сделать более плавным изгиб спины, который уже повторяла на площади. Когда Татьяна стояла с широко расставленными прямыми ногами и опущенной головой за ней возникла Оля, которую она видела вверх тормашками. Та строго на нее посмотрела и поджала губы.

– Знаешь, ты как-то неправильно делаешь, – Оля тряхнула каре. – Ты сейчас сильно выгибаешь спину, потому тебе подниматься тяжелее.

Она встала рядом в такую же позу и плавным движением корпуса показала как надо. Татьяна наблюдала сбоку, не меняя позиции.

– У тебя очень пластичное тело, – заметила Оля. – Но ты торопишься. Как будто боишься, что к тебе сейчас сзади кто-то пристроится.

Юля рассмеялась, но Оля была предельно серьезна.

– Расслабься, – наставляла она. – Здесь тебя за такое не освистают. Ты делаешь так, будто хочешь поскорее спрятать свою попу, а надо наоборот, дать людям насладиться этим видом.

Татьяна и без того покраснела, потому что стояла вниз головой, но после таких слов кровь ринулась к лицу с удвоенной скоростью в троекратном объеме. Не выдержав, она выпрямилась, но Оля подошла к ней и снова наклонила, поддерживая руками живот и спину. Она заставила Татьяну сделать движение попой вверх. Затем еще раз и еще, пока результат ее не удовлетворил.

– Вот так, – Оля вернулась на пуф к сестре.

Юля продолжала смотреть на Татьяну испытующим взглядом, выискивающим то ли слабину, то ли, напротив, сильные стороны.

– Я бы прогиб в спине все-таки увеличила, – добавила, наконец, она, спустя минуту наглого разглядывания Татьяниных ягодиц, и тоже подошла к ней. – Ну-ка!

Одной рукой она схватила Татьяну за шею, а вторую положила на поясницу и повела голову вниз, прогибая спину почти с усилием. Татьяна с трепетным спокойствием вновь прибывшего падавана терпела все манипуляции со своим телом. Если не считать заплывшей кровью головы, урок «кореянок» пошел ей на пользу. Она еще несколько раз отрепетировала это движение, как бы закрепив его в мышечной памяти, а потом наступила пора выходить в зал.

На подиуме у туалета ее по-прежнему не замечали. Точнее, смотрели как на красивую игрушку или задающий темп механизм с искусственной улыбкой. Но Татьяна в уме хвалила себя сама, как раньше всегда делала мама. Даже если преподаватель ругал Татьяну за корявость движений, мама, сперва поворчав, пускалась в расхваливания. Это сглаживало все негативные впечатления и поднимало самооценку.

Теперь мамы рядом не было, и за такое она бы вряд ли дочь похвалила, потому Татьяна решила сама этим заняться. После каждой удачно выполненной, на свой взгляд, связки она отвешивала себе маленький комплимент наподобие: «Молодец, сейчас гибко!», «Плавно получилось – так держать!», «Прогрессируешь – уже хорошо!».

После выступления Татьяна торопилась в коморку уборщиц. Адлия размешивала моющее средство в ведре с водой, когда Татьяна с шумом ворвалась в подсобку.

– Ты как раз, – улыбнулась она и тут же ойкнула, непроизвольно оценив вид Татьяны костюме. – Ты прямо так будешь?

Татьяна посмотрела на свою обувь на высоких каблуках и поджала губы. Пришлось возвращаться в гримерку и переобуваться в кроссовки. Вернувшись, она застала Адлию на выходе.

– Возьми там в верхнем ящике в стеллаже такой же халат, – сказала Адлия, ущипнув себя за полосатый воротник. – И тележку.

Татьяна кивнула, вбежала в подсобку и достала из пластикового ящика такой же синий халат, запакованный в шуршащий пакет. Она быстро застегнула все пуговицы, схватила за ручку ближайшую телегу и вышла следом за Адлией.

– На, волосы заплети. И это надень.

Татьяна приняла тонкую канцелярскую резинку и комок голубой хлопковой ткани, который в развороте оказался шапочкой вроде поварского колпака. Она поблагодарила Адлию кивком и скрутила волосы в полупучок-полухвост на затылке, чтобы они не лезли в лицо, а поверх натянула убор.

В клубе имелось два туалета для посетителей по одному на этаж и в каждом по пять кабинок. Если бы не очереди, убирались бы они минут за двадцать. После дежурства в коммунальной квартире Татьяна думала, что уже ничего не испугается. Но то был домашний туалет, которым пользовалось максимум человек пять-шесть, и все относились как к своему. Этот же посещали пьяные молодые люди, которые мало интересовались проблемами уборки и не всегда вспоминали о необходимости слива за собой, торопясь вернуться на горячий танцпол. Но клубу требовалось держать марку, поэтому приходилось убирать все досконально.

Адлия коротко объяснила Татьяне, что к чему, и они, разойдясь по двум концам, стали убирать по кабинке, чтобы сойтись в центральной. Татьяна старалась на людей не смотреть, чтобы они ее не узнали. Хотя они не замечали ее, даже когда она танцевала на подиуме, поэтому страхи были преувеличены, но чувство неловкости и стыда от этого никуда не делось.

Войдя в первую кабинку, Татьяна ужаснулась. В сливе унитаза осталась желтая пенистая моча вышедшего перед ней брюхатого парня с ирокезом. Татьяна была в резиновых перчатках, но все равно трогать что-либо в этом туалете казалось омерзительным. Осторожно она протянула указательный палец и медленно нажала на кнопку слива, отойдя на шаг назад в страхе попасть под брызги.

Из мусорного бака взорвавшейся кучкой валялась использованная бумага, которую надо было поднимать руками и запихивать в огромный мусорный пакет. Края мешка, вложенного в мусорный бак, оказались где-то внутри под воздушным слоем использованных кусков бумаж-

ного рулона. Пришлось поднять бак и попытаться его опростать в пакет. Большая часть мусора провалилась мимо. В результате собирать руками пришлось почти все содержимое урны.

Татьяна проклинала себя за неуклюжесть. Остальное далось легче, даже мытье унитаза ершиком. Она отворачивалась как могла, но терла ободок моющим средством, распылявшим приятный аромат луговых трав. В конце прошлась отжатой шваброй по полу и направилась в следующую кабинку. Снова пришлось ждать, пока оттуда выйдет посетитель. Потом опять повторять историю с мусорным баком. В этой кабинке было меньше грязи, но повозиться все равно пришлось. Пока Татьяна убирала две кабинки, Адлия успела справиться с тремя и закончила раньше нее.

– Молодец, прошла боевое крещение, – усмехнулась Адлия, заметив застывшее отвращение на ее лице.

– Почему ты на такой работе работаешь? – искренне удивлялась Татьяна.

– Потому что на другую не берут, – пожала плечами Адлия без особенных эмоций.

Татьяна нахмурилась и вздохнула. Она извинилась за то, что не сможет помочь со вторым этажом, потому что надо было бежать на подиум. Та с улыбкой кивнула и направилась к лестнице. А Татьяна бегом погнала тележку на место.

Уже на подходе к подсобке она наткнулась на Свету, которая выходила из комнаты отдыха. Татьяна чуть не наехала на нее тележкой, но вовремя остановилась. Рыжая вгляделась в лицо под колпаком, потратив несколько секунд на распознание, а потом медленно натянула усмешку.

– Ты, наконец, нашла себе работу под стать?

Острый взгляд ее скользнул по халату и грязной воде в ведре.

– Со шваброй ты явно лучше обращаешься, чем с пилоном, – добавила она, посмеявшись через нос с поджатыми губами.

Татьяна закатила глаза и вошла внутрь подсобки. Реагировать на Светины издевки у нее попросту не было времени и сил, хотя в душе стало и стыдно, и обидно. Она сбросила халат и перчатки на обшарпанную табуретку, помыла руки, растрепала волосы, как надо, выдернув толстый клок вместе с резинкой, и выбежала обратно в зал, снова преобразившись в полуголую танцовщицу.

Глава 10. Не без урода

Все перерывы Татьяна проводила с Адлией то за уборкой в туалете, то за чаем с печеньками в подсобке. Она познакомилась со второй уборщицей, которая в противоположность Адлии оказалась неумолкающей болтушкой. По-русски она говорила неважно, но с Адлией на родном шпарила без остановки. По уставшим глазам Татьяна поняла, что Адлия сама не знает, куда от нее деваться.

За танцами, уборками и разговорами ночь пролетела молниеносно. К четырем утра Татьяна почти не чувствовала усталости, потому что была заряжена непрерывностью действия. Клуб заметно пустел с каждым получасом. Они с Адлией убирались в служебных помещениях: ходили по кабинетам директоров, которых не было на месте, мыли кухню и складские помещения, вычищали служебный туалет и прибирали комнату отдыха, а потом, когда клуб закрылся, принялись вымывать весь зал. Площади были большие и сильно затоптанные, поэтому Адлия взяла специальную машинку для мытья полов, и они без спешки наворачивали круги по залу, катая устройство по плитке.

Татьяну начало клонить в сон только в автобусе. До своего подоконника-кровати она едва доплелась, сразу рухнула на ватный матрас и мгновенно заснула.

За двумя работами Татьяна не успевала считать минуты. Чувствовала себя изможденной под конец выходных. Вдобавок под утро понедельника Света сказала всем явиться вечером на репетицию к тематической вечеринке в честь Дня арбуза и спросила, все ли выучили движения.

– Какие движения? – удивилась Татьяна, потому что до этого ни о какой вечеринке не слышала.

– Те, что я раздала вам в памятке в пятницу, – нехотя ответила Света, скрестив руки, и презрительно посмотрела на новенькую, как бы показывая, что этого от нее и ожидала.

Татьяна растерялась.

– Мне никто ничего не давал.

Рыжая закатила глаза, выдохнула со звуком и, покопавшись в рюкзаке, достала оттуда мятый листок с карикатурно нарисованными фигурами в прыжках и поворотах. Она грубо протянула его Татьяне, не глядя в лицо, и сразу закрыла рюкзак. Татьяна неохотно поблагодарила, подозревая, что она специально ничего заранее не получила и могла бы вовсе пропустить репетицию, если бы не услышала сейчас объявление Светы.

Каждый будний день танцовщиков обязали являться в клуб к семи и проводить на репетициях по два часа. Необходимость видеть Свету каждый день удручала Татьяну. Еще больше ее волновала невозможность выступать с Ладой и Юрой, если те ее позовут, и, следовательно, возможность остаться без денег и без костюма. Сейчас ее запасы составляли всего несколько тысяч. Большая часть уходила на проезд и перекусы на работе. Но выбирать все равно никто не дал. Поэтому, проспав до пяти, она соскочила по будильнику и судорожно начала собираться на репетицию, быстро всунув в рот несколько ложек макарон с курицей, которые соседка успела приготовить, пока Татьяна спала.

– Спасибо большое, Адлия, вкусно, как всегда! – восклицала она, вбегая в комнату, где Адлия снова вязала за просмотром сериала.

Пока одевалась, Татьяна вслушивалась в диалоги персонажей, показавшиеся ей больше смешными, чем драматичными, но интрига, которую они обсуждали, ее все равно заинтересовала. Она даже остановилась на минутку, чтобы посмотреть на экран. Вместо того чтобы идти на репетицию, на которой Света снова будет ее унижать, а остальные – игнорировать, она бы предпочла остаться с Адлией и наблюдать за тем, как страдают выдуманные персонажи, чужие, не настоящие и не она, но пропуск репетиции сулил еще б*о*льшие страдания. Надо было выходить.

– Адлия, а вечером же обсудим материалы к костюму? – спросила Татьяна, недовольно отворачиваясь от зеркала к двери.

– Да, конечно, – ответила та, не отрываясь от ноутбука.

Татьяна попрощалась, захлопнула дверь и выбежала из квартиры.

Когда она прибежала в клуб, все танцовщики находились в гримерке. Ее, по обыкновению, не замечали. Татьяна прошмыгнула мимо Светы и других за свой столик и слегка привела себя в порядок, поправив волосы.

Минуту спустя все двинулись в зал следом за рыжей головой. Татьяна только теперь вспомнила о тех движениях, что должна была разучить, и стала шарить по карманам спортивного костюма в поисках инструкции. Листок стал еще более мятым и плохо читаемым, но Татьяна все равно пробежалась по нему глазами, пытаясь разобрать хотя бы саму суть движений, а порядок надеялась выучить в процессе. Но минуты не хватило.

Из колонок, подключенных к Светиному смартфону, заиграла музыка. Она вышла вперед, встала на ширине плеч и начала с легкой разминки. Все повторяли за ней. Татьяна тоже. С этим справиться было легко, потому что упражнения она помнила с детства. Но потом пошли танцы.

Все пятнадцать человек, включая Свету, как один задвигались в такт быстрой музыке, только Татьяна застыла в растерянности, осматриваясь вокруг. Она пыталась повторять за девушкой, что стояла перед ней, но не поспевала за всеми. Света не могла этого не заметить и через две минуты выключила музыку.

– В семье не без урода, – негромко сказала она, но достаточно для того, чтобы Татьяна услышала это, находясь в самом дальнем углу группы.

Рыжая помотала головой в бессильном отчаянии и через толпу направилась к новенькой.

– Ты, конечно, ничего не выучила дома, – утвердительно произнесла она. В голосе проскользнули нотки раздражения.

– У меня времени не было. Я же только утром об этом узнала. Мне никто ничего не говорил, – выпучивая напуганные глаза, верещала Татьяна.

– Слушать надо было! – резко вскрикнула Света. – Думаешь, раз спишь с Ариной, то я теперь тебе лично все указания и новости доносить должна?

– Я с ней не сплю! – протестовала Татьяна, глядя в острые глаза.

– А что ты тогда с ней делаешь? Лижешь ей?

Рыжий блеск волос вспышкой стрельнул Татьяне в глаза. Над квадратным подбородком засияла ехидная ухмылка. Такие же по цепной реакции появлялись на лицах других членов группы. Татьяна покраснела от зашкаливавшей пошлости предположения. Свету это еще больше раззадорило.

– Видимо, ты это делаешь умело, раз она тебя здесь держит. И судя по всему, это единственное, что ты умеешь делать.

На Светином лице выступило омерзение. Татьяна вскипела от обиды, но понимала, что следует держать себя в руках. Из ушей пошел пар. Грудь она наполнила холодным воздухом просторного зала, чтобы остудить пыл. Это помогло избежать извержения, но глаза выпирали из орбит. Остальные переводили взгляды с одной на другую, усмехаясь.

– Ах, да, прости, забыла, – бездарно изобразив сожаление, проговорила Света и приложила ладонь ко рту. – Мытье туалетов – твой второй талант. Надеюсь, ты их так же тщательно вылизываешь, как вульву Арины.

Остальные танцовщики в унисон захохотали. Татьяна оглядела раскрытые пасти коллег и едва заметно поморщилась.

– Свет, ее не было тогда в гримерке, – лениво, без агрессии, сказала вдруг Оля, выйдя чуть вперед из толпы, – когда ты объявляла о репетиции. Как она могла узнать, если все ее игнорируют?

Света бросила злобный взгляд в сторону «кореянки». Та ответила флегматичным равнодушием. Татьяна посмотрела на Олю с благодарностью, но не получила ответа вовсе.

– Что же ты тогда своей «подружке» ничего не сообщила?

– Потому что это твоя обязанность доносить информацию до всех, кто у тебя в подчинении, – без обиняков ответила Оля. – А сейчас мы теряем драгоценное время репетиции на вашу бессмысленную перепалку о личной жизни Арины, которая нас всех не касается.

Несколько человек выдавили по короткому смешку. Татьяна выдохнула горячий воздух из бурлящей эмоциями груди. Сразу полегчало. Света огляделась вокруг и, бросив ей: «Смотри и запоминай», вернулась на свое место перед группой. Репетиция продолжилась как ни в чем не бывало. Татьяна встретилась взглядами с Олей и с едва уловимой улыбкой кивнула ей, а потом поймала взгляд поддержки Юли и улыбнулась чуть заметнее.

Танцев было несколько, но каждый прост. Танцовщики разбились по группам, чтобы чередоваться во время всего выступления. Движения были специально примитивными, но в исполнении группы хорошо синхронизированных профессионалов смотрелись эффектно. В такой простоте кроилась красота. Не у каждого движения Татьяна могла определить стиль, потому что далеко не все из них походили на танцы гоу-гоу. Сексуальности в этих движениях было гораздо меньше, зато больше драйва и экспрессии, присущие хип-хоп культуре. Хотя некоторые элементы, например, характерная походка от бедра или волнообразные вытягивания корпуса в стороны, тоже присутствовали.

Татьяне понравилась энергичность танцев и легкая музыка, которая их сопровождала. Под такие песни тело подстраивалось само, а движения настолько идеально вписывались в ритм, что не требовалось много времени на их изучение. Еще больше ей нравилось быть частью слаженной группы, одинаково настроенной. Все двигались в такт музыке, меняли позиции, переплетались между собой и снова рассыпались по условной сцене, формируя телами произвольный узор. В танце ребята уже не могли ее игнорировать. Она ориентировалась на них, они следили за ней. Татьяна встречалась с ними взглядами. Иногда приходилось даже касаться руками или спинами. Она, наконец, почувствовала себя частью коллектива, а не отбившимся фрагментом мозаики, отброшенным за ненадобностью в темный угол.

Домой Татьяна вернулась в хорошем расположении духа. Адлия как будто не вставала с места и даже не меняла позы. Она продолжала вязать и изумленными глазами пялиться в матовый экран.

– Я там блинчики приготовила, – сказала без всяких приветствий.

– Здорово! – Татьяна облизала губы. – А ты когда освободишься?

– Костюм хочешь обсудить?

Адлия, не отрываясь от сериала и от вязания, говорила будто из параллельной вселенной.

– Ага, – довольно кивнула Татьяна, доставая из холодильника большую плоскую тарелку, в которой были сложены стопкой идеально ровные блины с множеством мелких дырочек.

– Давай, – с неохотой протянула Адлия и потянулась к ноутбуку на табурете, чтобы нажать на паузу.

Они весь вечер провели за компьютером, листая сайт за сайтом о тканях, материалах и нюансах швейного мастерства. Адлия терпеливо рассказывала Татьяне о каждом виде, отмечая свойства и самые широкие способы их применения. Иногда она углублялась в историю, что занимало немало времени, но Татьяна слушала с любопытством.

– Кстати, легенда есть, что шелк придумала китайская императрица, жившая еще до нашей эры, – в очередной раз отвлекшись на историческую справку, говорила Адлия, когда они дошли до обсуждения шелковых тканей. – Ну, как придумала. Ей в чашку с чаем залетел кокон шелкопряда. Она попыталась его вытащить, но размотала нить. И у нее родилась идея использовать эти коконы для создания тканей. Она начала изучать, откуда берутся эти коконы, наблюдала за червями, как их, шелковичными, и в итоге запустила производство шелка. Сей-

час его используют по всему миру, а китайцы сделали ее богиней шелка в своей мифологии. Надо же так. Одна простая случайность, и ты богиня!

Адлия взмахнула руками и засмеялась. Татьяна улыбнулась.

– В этом мире много таких случайностей, которые меняют историю, не устаю удивляться, – заключила Адлия, помотав головой и цокнув.

– И не только историю, – согласилась Татьяна, вспомнив о случайной встрече с Вадимом, которая, конечно, не могла изменить мир, но кардинально поменяла ее жизнь.

– Случайностью, конечно, еще надо суметь воспользоваться, – цокнула Адлия и кликнула мышкой на следующую страницу. – Ладно, давай дальше, а то шелк шибко дорогой. Хотя это очень удобная и красивая ткань. Помню, мне первый муж подарил ночнушку из натурального шелка. Я в ней спала, как принцесса.

Она мечтательно взглянула в потолок, будто на белой краске появлялись цветные изображения ее воспоминаний. Татьяна невольно взглянула туда же, но увидела только тонкую трещину на шероховатой поверхности.

– Думаю, тебе нужно что-нибудь полиамидное, – Адлия вернулась к экрану. –Нейлон, например.

Татьяна и не подозревала, что выбор тканей настолько огромен. Они отличались не только составом, но и способами производства, методами плетения, наличием или отсутствием дополнительных нитей, придающих определенные свойства. Многие на вид были схожи, но имели разные характеристики. В этом можно было запутаться.

Изображая костюм в голове, Татьяна нечетко вырисовывала фактуру, представляя только общий цвет, характерный блеск и примерную плотность, поэтому, когда увидела, сколько похожих тканей, попросту встала в ступор. Но выбрать хотелось нечто идеальное и при этом бюджетное, поэтому процесс поиска затянулся.

На город опустилась ночь. Разговоры и шаги в квартире постепенно стихли. Только легкая, еле уловимая, мелодия звучала из динамиков ноутбука. Адлия долго и внимательно слушала Татьяну и изучала рисунок, хотя больше информации, чем уже выудила, она оттуда вынести не могла. Татьяна листала картинку за картинкой, ища нужный материал, который, как начало казаться, существовал только в ее воображении.

– Блиин, я совсем запуталась, Адлия! Расскажи мне про эту органзу, – недовольно ворчала Татьяна, красными глазами глядя в монитор. – Адлия?

Она посмотрела на уставшую соседку, глаза которой слипались. Время было позднее. Они битый час сидели у ноутбука.

– Адлия, ну, ты чего? Не бросай меня, я тут не разберусь без тебя.

Татьяна потормошила ее за плечо. Адлия качнулась в бок, чуть не упав со стула, и резко вскочила, ахнув. Полупустым взглядом она огляделась, как будто не понимала, где находится, а потом, когда дошла до Татьяны, несколько раз с усилием моргнула.

– Давай завтра, – пробормотала устало и медленно двинулась к постели.

– Адлия! – недовольно кричала вслед Татьяна, насупившись, но та не отреагировала.

Даже не сняв тапочки, Адлия смешно плюхнулась на диван и мгновенно заснула. Пару минут Татьяна смотрела на храпящую соседку, надуваясь изнутри от такого пренебрежительного отношения к ее важному проекту. Ей хотелось поскорее покончить с выбором тканей и материалов, чтобы как можно раньше приступить к шитью костюма. Она и сама устала, но продолжала искать, плохо разбираясь в этой теме, а Адлия, которая обладала необходимыми навыками и знаниями, не подумала даже извиниться за то, что так нагло бросила ее в самый ответственный момент.

Адлия спала с расслабленным выражением лица, словно видела безоблачные сны. Татьяна посидела еще немного, а потом тоже легла на подоконник, отвернувшись к окну, и еще долго думала о соседке и ее предательстве.

Весь следующий день Татьяна потратила на то, чтобы пройтись по специализированным магазинам для швей в надежде получить там профессиональную консультацию. Но ни в одном, даже самом дорогом, ей не смогли помочь. Ассортимент тканей во всех магазинах отличался, и времени ужасно не хватало рассмотреть все. Она потратила целый день и домой вернулась разочарованная.

Потому с Адлией до самого вечера и словом не обмолвилась, на что та реагировала с безмолвным недоумением. Только к ужину, почувствовав острый голод, Татьяна сама подсела к ней за стол. Из казана тянуло вкусными щами.

– Я проголодалась, – сказала она, виновато опустив голову и сложив замкнутые кулаки на коленях.

– Ну, так, бери и ешь, – хмыкнула Адлия, не глядя на Татьяну.

Ее больше занимал плавленый сыр, который она тонким слоем намазывала на ломтик батона.

– Спасибо, – заулыбалась Татьяна и резво потянулась на полку за тарелкой, стукнувшись снизу об нее головой.

Адлия настороженно следила за ее действиями, цокнув, но все закончилось благополучно. Посуда осталась на месте целой. Недолго страдая, Татьяна потерла ушибленное место и налила суп в тарелку.

– На, – Адлия положила перед ней вырванный из клетчатой тетради листок, на котором красивым крупным почерком в столбик были выписаны виды тканей, их размеры, примерные цены и адреса магазинов.

– Спасибо, – приоткрыв рот от удивления, сказала Татьяна и с благодарностью посмотрела Адлии в глаза.

Прочитав внимательно бумажку, она поняла, что ей необходимо как минимум четыре уличных выступления. А еще требовались туфли, да не абы какие, а профессиональные, на высоком каблуке, но удобные для танцев. Об их стоимости Татьяна даже думать боялась, как и о том, что она будет делать, когда Света просто отберет у нее все. Казалось, она вполне на это способна, лишь бы насолить и ей, и Арине. Но Татьяна все равно обрадовалась, ведь теперь хотя бы знала, что, где и за сколько искать. И посмотрела на Адлию с улыбкой.

Через секунду брови ее невольно нахмурились, губы поджались. «С чего я вообще взяла, что она должна мне помогать? Она ведь мне никто, – заговорила совесть. – И, тем не менее, сидела здесь со мной допоздна, обсуждала то, что не должно быть ее проблемой, и даже составила мне готовый список. Наверно, даже мама бы не стала этого делать. А я…».

В груди затеплилось нежное чувство благодарности и обострилось колкое чувство вины. Татьяна на ведь всегда только принимала заботу от других и не помнила, когда отдавала что-нибудь подобное взамен.

– Спасибо большое! – Татьяна полезла обниматься.

– Да не за что, – Адлия удивилась, но приняла объятия. – Только вот с лианами непонятно. Пока пусть будет гипюр на атласе. Там посмотрим.

– Хорошо, – закивала Татьяна, не представляя, как выглядит этот материал.

– Ну, и хорошо, – улыбнулась Адлия. – Сериал посмотрим?

Рот Татьяны был занят пережевыванием пищи, поэтому она просто кивнула, несколько раз искупав один локон в супе. Адлия принесла ноутбук на стол и включила с того места, на котором остановилась. Сериал окончательно их примирил.

Глава 11. Находчиво

Татьяна тренировалась дома и на работе, просматривая по много раз видеоуроки Светы и повторяя за ней движения до тех пор, пока не доводила их до автоматизма. В комнате Адлии было тесно и не было зеркала, поэтому пользы такие тренировки, на Татьянин взгляд, приносили мало. Ей больше нравилось репетировать в клубе.

Там она танцевала в холле перед зеркальной стеной, подсвеченной яркими лампами, воображая себя звездой танцпола мирового масштаба. В ее фантазии вокруг летали искры, прожектора освещали путь, а она эксцентрично махала бедрами. Внизу заливалась аплодисментами обожающая ее толпа. Таквыглядел Татьянин мир: покоренный, влюбленный, жаждущий.

Но потом приходили остальные танцовщики и грезы рассеивались розовым туманом по полу. Коллеги продолжали не обращать на нее внимания, только теперь, если она с ними здоровалась, то хотя бы отвечали. Света же всегда смотрела свысока и не без раздражения делала замечания. Но в целом репетиции проходили легко. По крайней мере, с каждым днем претензий у Светы становилось все меньше, а вскоре и вовсе исчезли. Однако нервы в день тематической вечеринки это не успокаивало.

Они делали накануне генеральный прогон всего шоу в костюмах, которые им сшили на заказ, с участием ведущего и под контролем всех директоров. Татьяна пришла в восторг от нарядов, хотя они были просты. В них детская непринужденность сочеталась со взрослой раскрепощенностью. Девушки носили ярко-розовые бюстгальтеры цвета арбузной мякоти с черными стразами, рассыпанными по чашечкам, как семечки, на ногах – полосатые лосины темно- и светло-зеленого цветов, а сверху – обтягивающие блузы с длинными рукавами в крупную сеточку цвета хвои. Ободки с двумя плюшевыми дольками арбуза на пружинке весело качались из стороны в сторону при каждом шаге. Парни тоже были в лосинах, только вместо бюстгальтеров надели «алкоголички» розового цвета в черную крапинку.

Пока танцовщики прогоняли по порядку приготовленные номера, дизайнеры и технические работники перетаскивали реквизит, что-то поправляли, дополняли, переставляли и меняли. Но к генеральной репетиции оформление сцены почти завершилось. На фоне вместо обычной черной стены поставили переносную перегородку с изображением неба и сыплющихся с него арбузов.

С одного бока сцены поставили двухметровую декоративную пальму, а с другого – огромный широкий зонт насыщенно-розового цвета, стоящего на горке из арбузных семечек гигантского, по сравнению с натуральными, размера. Зал украсили воздушными шарами, тоже в форме арбузов. Под потолком развесили цветочные гирлянды из гофрированной бумаги в гавайском стиле. Такие же украшали бары. Перед открывающим танцевальным номером на сцену выкатили огромный пластиковый арбуз, макушка которого широко открывалась. Оттуда танцовщиков заставили вылезать, а влезать по очереди – через круглую дыру сзади. На высоких каблуках эта задача казалась нелегкой.

Генеральной репетицией директора остались довольны. Арина даже отвесила Татьяне небольшой стандартный комплимент: «Молодец», но она все равно боялась оплошать, как чувствовала себя всегда перед важным выступлением. Другие танцовщики относились к этому легко, некоторые даже с пренебрежением. Для них это было частью обычной работы. Многие уже не раз принимали участие в таких шоу. Хореография казалась не сложной, да и тщательной слаженности от них никто не требовал. Все ждали только эффектности. Полупьяной толпе должно было сойти и без идеальной синхронизации.

Но Татьяна по старой привычке требовала от себя совершенства. Она репетировала дома, мешая Адлии вязать, на что та реагировала относительно спокойно, но иногда ворчала и злилась, если Татьяна в порыве движения внедрялась в ее зону безмятежности.

В день арбуза Татьяна явилась в клуб заранее. Сразу начала танцевать. Сперва делала это в холле перед зеркалом, а потом перешла на сцену, чтобы не запутаться со своим местоположением во время выступлений.

Вскоре в зале появилась Арина. Не обращая внимания на Татьяну, она прошлась вокруг сцены, осмотрела бар, поднялась на второй этаж и оглядела клуб оттуда, как королева, которая вышла из замка на балкон приветствовать подданных.

По лестнице она спускалась, разговаривая с кем-то через блютуз-гарнитуру. Татьяна сначала испугалась, что директор приказывает ей принять привезенный реквизит, но потом увидела, как из-за бара выбегает Павлик, приветствуя ее небрежной рукой, и успокоилась. Двое рабочих под его руководством затащили многоуровневый стеллаж с расставленными по квадратным полочкам арбузами. Приглядевшись, Татьяна увидела, что из кожуры на каждом вырезали разномастные мордочки: человеческие, звериные, веселые, злые, удивленные, всякие. Стеллаж поставили у входа, а следом занесли здоровый плюшевый арбуз, в который Татьяна могла бы поместиться полностью. Как ей показалось, именно для этого он был и нужен, чтобы почувствовать себя арбузом и оставить в памяти телефона после вечеринки не одно веселое фото.

Потом Арина позвала Павлика к себе в кабинет для обсуждения технических вопросов, а Татьяна осталась репетировать под беззвучность тишины.

Суматохи перед тематической вечеринкой было явно больше, чем в обычный день. Гримерка пополнилась профессиональными визажистами, которые в несколько пар рук красили танцовщиков. Всем, независимо от пола, нанесли яркий грим в арбузных цветах: глаза широко и густо осыпали розовыми тенями с блестками, губы сделали зелеными, на щеках изобразили неестественный румянец и пририсовали черные зернышки арбуза.

Арина, стараясь удержать все под контролем, по несколько раз перепроверяла основные помещения клуба и сотрудников. Она даже зашла оценить образы танцовщиков в костюмах. Света холодно отрапортовала о полной готовности, но Арина, не поверив на слово, взглядом всех пересчитала, прошлась по комнате и осмотрела каждого. Особенное внимание она уделила Татьяне – ей доверяла меньше всего. В итоге осталась удовлетворенной и молча вышла. Света хмыкнула ей вслед и презрительно покосилась на Татьяну, которая предпочла игнорировать все ее взгляды и ухмылки.

Выступление запланировали на 00:00 часов. До этого времени зал развлекал ведущий нестандартными конкурсами и заигрыванием с малой частью толпы у сцены. Ровно в полночь он объявил выход танцовщиков, которые ждали за кулисами. Татьяне казалось, что она волнуется больше всех, хотя меньше всего имела на то оснований, потому что, как обычно, танцевала на задворках сцены, за всеми, почти незаметная для основной аудитории. В самом центре выступала Света с партнером по имени Миша, накаченным коренастым парнем с искусственным загаром и идеально гладкой кожей.

Шоу обещало стать феерическим. Во время танцев в зал и на сцену выпускали густые клубы розово-зеленого дыма. С обеих сторон летели брызги арбузного сока, а с потолка сыпалось розовое конфетти. Во время третьего танца, в котором Татьяна не принимала участия, а просто наблюдала из-за кулис, арбузы со стены на фоне начали оживать и ускорять падение. Они стремительно понеслись вниз и с брызгами мякоти и сока обрушивались на пол. Некоторые вовсе взрывались прямо в воздухе. Это оказалось всего лишь проекцией, но смотрелось зрелищно. Татьяна сначала подумала, что сходит с ума. Зато брызги сока были настоящими. Толпа ликовала, когда сладкая свежесть попадала на них. В воздухе царил арбузный аромат.

Только после окончания шоу-программы Татьяна смогла вздохнуть свободно. Одобрительные крики толпы и бодрый голос ведущего доказывали, что выступление всем понравилось. Татьяне хотелось аплодировать вместе со зрителями, но она сдержалась, увидев, что остальные танцовщики так не делают. Она была единственной, кто остался в восторге от вечеринки. Все остальные держали равнодушные лица, скромно поклонились и убежали за кулисы на короткую передышку, потому что половине предстояло тут же разбегаться по своим местам и танцевать в обычном режиме.

За ними ведущий представил диджея, которого публика встречала громкими возгласами и повышенным тоном, но Татьяне его имя ни о чем не говорило. Музыка хорошо подходила для народных гуляний и праздников, заряжая все в поле своего действия праздничным драйвом. Вся вечеринка прошла на этом драйве.

Под конец смены Татьяна забежала в гримерку, чтобы переодеться и пойти помогать Адлии с уборкой, но ее остановила Света.

– Костюм давай, – сказала она суровым голосом, перегородив Татьяне дорогу.

– Какой?

– Мой, – с нажимом ответила рыжая.

Татьяна сдвинула брови к переносице.

– Подожди, я же еще не сшила себе костюм…

Света не дала ей договорить.

– Не мои проблемы. Я тебя предупреждала. Отдавай. Он нужен моей сестре.

– Но… – сделала еще одну попытку отсрочить неизбежное Татьяна. Острый взгляд лезвием прошелся по лицу и пресек все намерения.

Татьяна сжала губы до тонкой линии и вздохнула. Спорить было бессмысленно. Она вернулась к своему столику, взяла пакет с костюмом и вернула Свете.

– И туфли, – добавила та, указывая на коробку под стулом.

Татьяна молча принесла и коробку и, не глядя ни на кого, вышла из гримерки с опущенными плечами. «Сучка!» – носилось в голове с вихревой скоростью по кругу, пока она широко шагала к Адлии в подсобку. Зал наполовину опустел, хотя музыка еще громко играла со всех его концов. Небольшая толпа окружала центральный бар. Бармен лениво разливал по хайболам коричневую жидкость. Официанты расслабленно болтали у тумбы с компьютером, в который вбивали заказы. Павлик с напряженным видом считал на большом бухгалтерском калькуляторе, облокотившись на одну из стальных статуй в углу зала.

В подсобку Татьяна вошла хмурая, как туча. Насупившись и ничего не говоря, она прошла к столу и села напротив Адлии. Та спокойно читала глянцевый журнал, медленно жуя печенье. На осыпанном белыми крошками столе перед ней стояла фарфоровая чашка. Внутренние стенки окрасились плотным налетом в коричневый цвет.

– Смотри-ка, че выдумали, – хихикнув, сказала Адлия и бросила на стол разворот журнала.

Татьяна увидела типичные фотографии моделей в нетипичных купальниках, похожих на вырезки черного скотча, наклеенные на голые тела геометрическим узором. Приглядевшись, она поняла, что купальники не были похожи на вырезки из скотча, это и были вырезанные куски скотча или изоленты, наклеенные на девушек в форме купальников. Смотрелось это, в первую очередь, чересчур откровенно и сексапильно, а, во вторую, – красиво, потому что узоры имели сложное орнаментное строение и хитро скрывали все интимные места без ущерба сексуальности. Татьяна стала разглядывать каждый узор вблизи.

– Вау! – протянула она восторженно, водя взглядом по черной линии, плавно переходящей с груди девушки на живот и уходящей в зону бикини.

– А выдают за высокую моду, – усмехнулась Адлия и с бульканьем захлебнула чай.

– Это же супер идея! – восторгалась Татьяна, игнорируя ее скепсис. – Адлия, обожаю тебя! Ты как всегда вовремя.

Она широко улыбнулась, стиснув в объятиях журнал. Адлия приподняла правую бровь и уставилась с недоверием.

– Мне нужна изолента! – воскликнула Татьяна, снова посмотрев на фотографии в журнале.

Адлия чуть отстранилась назад, будто боялась заразиться.

– Ты мне поможешь?

Адлия покачала головой с недоумением и опаской.

– Мне нужен временный костюм, – жалобно проговорила Татьяна, снова прижав журнал к груди.

Вздохнув, но, по-прежнему не задавая никаких вопросов, Адлия медленно кивнула.

Проснувшись и быстро перекусив на завтрак бутербродом с сыром, Татьяна отправилась в строительный магазин за изолентой. Она плохо представляла себе, как будет выглядеть ее костюм, какой узор нанести и как сделать так, чтобы ничего лишнего ненароком не представилось широкой публике, поэтому не искала ничего конкретного.

Ассортимент изолент был велик: на полках лежали тонкие и толстые рулоны всех цветов радуги. Долго блуждая перед стеллажом с клейкими лентами, Татьяна пыталась представить, как с помощью этого можно реализовать задумку, но выходило неважно. Устав от собственной нерешительности она схватила первую попавшуюся ленту, которая оказалась белой, и отправилась на кассу. Дешевые туфли пришлось поискать и потратить на это три драгоценных часа, поэтому домой Татьяна вернулась раздраженной, зато с синими босоножками из лакированной кожи на шпильке.

– Не переживай, успеем, делов-то, – успокоила ее Адлия, усмехаясь.

Медленно, упираясь одной рукой в табуретку и держась другой за поясницу, она поднялась с кровати. Татьяна сняла с себя всю одежду, даже нижнее белье, и встала перед Адлией, расставив ноги на ширине плеч.

– А ты не хочешь сначала хотя бы нарисовать узор, как мне все это клеить? – поинтересовалась Адлия, пытаясь вскрыть кончик изоленты.

– Времени нет, – отмахнулась Татьяна. – Давай, сделаем просто, как в «Пятом элементе».

Адлия повертела головой, но принялась за работу. Обклеивать грудь прямой линией в несколько слоев. Сделала параллельные ей полоски на талии, только в один слой, а затем перешла к тазу, который пришлось обклеивать во всех направлениях, чтобы по форме получить бикини.

– Боюсь, снимать все это будет больно, – шикнула Адлия, когда закончила с интимной зоной.

– Как-нибудь переживу, – вздохнула Татьяна и повернулась спиной, чтобы Адлия и там провела вертикальные линии.

Татьяна решила, что горизонтальные полосы необходимо сделать по всей длине ног и пару полос на плечах и запястьях. Так костюм казался не абсолютной копией наряда героини Милы Йовович.

В целом полосы ощущались приятно, но на срезах кусались и резали кожу. В некоторых местах зудело. Сама лента казалась непрочной. Татьяна старалась не делать лишних движений, чтобы костюм продержался подольше. На всякий случай, она взяла с собой на работу пару мотков.

Себя в образе она смогла увидеть только в клубе за ширмой, когда сняла Ладино платье и покрутилась перед зеркалом. Себе она казалась переростком на детском утреннике, родители которого дешево покреативили. Выходить из-за ширмы было стыдно, особенно в недружелюбную толпу коллег. У них и без этого находилась масса причин смеяться над ней. Татьяна была

уверена, что б*о*льшего позора в жизни пережить нельзя. Больше всего боялась встречи с Ариной и следующего за этим увольнения.

– Ты на «Комик-кон» собралась после работы, что ли? – улыбнулась Юля, увидев Татьяну в новом наряде.

– Это временная мера, – невесело ответила Татьяна, стараясь не смотреть на ухмылки остальных танцовщиков, но один любопытный взгляд все-таки уловила.

Света разглядывала геометрический ленточный узор в зеркало до тех пор, пока не поняла, что ее заметили, и тут же перевела взгляд на собственное отражение, будто и не смотрела. Татьяна только хмыкнула на это.

– Мне нравится, – похвалила костюм Юля и провела двумя пальцами по ленте на талии. – Это обычная изолента?

Татьяна кивнула.

– Прикольно, – протянула Оля, тряхнув каре. – А Арина это одобрила?

– Пока не знаю.

Татьяна набрала в грудь побольше воздуха и вышла из гримерки, чтобы показаться арт-директору, мысленно ища другую работу. Постучавшись, она осторожно потянула черную ручку вниз и слегка приоткрыла дверь, замерев на доли секунды, чтобы успеть сделать лишний вдох.

– Давайте скорее, у меня мало времени, – нервно произнесла Арина.

Тогда Татьяна с силой распахнула дверь и встала на ширине плеч, а руками уперлась в бока, чтобы как можно лучше продемонстрировать новый образ. Директор сидела в кресле, прильнув к монитору, но сразу откинулась на спинку и широко раскрыла глаза. Одну руку она поставила на подлокотник и приложила к щеке, вторую оставила на столе.

– Так, – протянула она, разглядывая Татьяну сверху вниз. – Не помню, чтобы у нас намечалась вечеринка в духе «Пятого элемента».

– Света отобрала у меня костюм. А свой я сшить не успела, – оправдывалась Татьяна, опустив руки по бокам. – Вообще-то, я увидела это в модном журнале.

– Однако.

Арина спокойно поднялась и, сунув руки в карманы молочных бермуд, подошла к Татьяне. Она часто дышала от волнения. Директор обошла ее кругом, присмотрелась к чему-то сзади, проверила гладкость ленты на бедре и остановилась в метре.

– Находчиво, – заключила она, почесывая подбородок. – Когда костюм будет готов?

– К следующим выходным, – сразу ответила Татьяна, а потом тихо добавила. – Наверное.

– Ладно, танцуй пока так.

Арина вернулась в кресло. Татьяна с облегчением выдохнула.

– Эскиз мне завтра на стол, – сказала арт-директор напоследок.

Татьяна кивнула и поспешила закрыть за собой дверь, потому что не могла сдержать улыбку счастья. Самая страшная участь пока миновала. Теперь она была готова выслушать тысячи насмешек в свой адрес по поводу костюма и всего остального, но, на удивление, нашлось немного людей, готовых ее осмеять. Пару пошлых шуточек в адрес костюма отпустил танцовщик Миша, любимый партнер Светы, над которыми посмеялся диджей. Да один из поваров, проходивший мимо бара, сказал что-то ехидным тоном, но Татьяна не смогла разобрать слов. Зато оба бармена за стойкой у туалета похвалили ее новый образ. Официантки откровенно восторгались нарядом и, завидев Татьяну, тут же подбежали трогать ленты и проверять их прочность, обсуждая между собой неизвестных ей косплееров. Они бы не отстали от нее, если бы не Павлик. Он приказал обеим вытереть столики, а сам уставился на Татьяну

– Оу, – протянул парень изумленно, подтянув кипу бумаг к груди.

Татьяна сначала насторожилась, но после его одобрительной улыбки тоже заулыбалась.

– Потрясно выглядишь, – Павлик не отрывал глаз от Татьяниной фигуры.

– Спасибо.

Она смутилась и сковала руки в замок, подсознательно прикрыв ими область между ног. Павлик кашлянул и быстро перевел глаза на колонну, за которой скрывался служебный коридор, куда он направлялся.

– Ну, хорошей ночи, – сказал он и быстро скрылся за ее спиной.

Татьяна почувствовала, как румянец медленно отливает от щек, но все еще держала руки в замке от неловкости.

Когда она вышла в зал танцевать в первый раз, компания из пяти парней, тусовавшихся рядом с баром, проводила ее до подиума одобрительными возгласами и томными взглядами. Татьяна смутилась еще сильнее. Парни ждали, когда она начнет танцевать. Она старалась абстрагироваться как могла. Смотрела в потолок, в танце много крутилась, чтобы поменьше поворачиваться лицом к публике, закрывала глаза на долгие секунды. А когда компания ушла на танцпол, услышав любимый хит, почти полностью расслабилась. Новые люди, подходившие к бару или проходившие в туалет, тоже пялились на нее, но Татьяна уже выработала к такому вниманию иммунитет.

Единственное, что ее смущало, это туфли, на которых танцевать было почти невозможно. Каблук оказался очень неустойчивым. С каждым шагом Татьяна боялась подвернуть ногу, потому все делала очень аккуратно, выдавая трусливость за плавность, даже тогда, когда это не совпадало с музыкой. Под утро она все-таки ногу подвернула и мечтала забить Свету этими туфлями до смерти, но сил едва хватало, чтобы добраться до дома. Пришлось купить анестезирующий спрей и эластичный бинт, которыми ее научила пользоваться мама и суровое балетное прошлое.

Глава 12. Бедовая

Арина откровенно расхохоталась, когда Татьяна показала ей свой детский эскиз, в котором все-таки прослеживалась цельная концепция образа.

– Look[1] где подсмотрела? В каком-нибудь упоротом голландском порно? – посмеиваясь, спросила директор.

Татьяна стояла напротив нее через стол, красная, обиженная, с надутыми губами.

– Я порнографией не интересуюсь, – ответила гордо.

– А может, и стоит. Там и то костюмы лучше встречаются.

Арина утерла слезу с правого глаза и вгляделась внимательнее в рисунок. Несколько минут она сидела в молчании, прикусив губами резиновый колпачок ручки в форме зайчика, без отрыва глядя на мятый листок бумаги. Татьяна дулась и ждала окончательного вердикта. Потом директор уставилась на нее, разглядывала сверху вниз, попеременно наклоняя голову то вправо, то влево, и снова вернулась к рисунку.

– Так, – начала она серьезным тоном. – Колготки в сеточку убери. Замени на обычные зеленые. Можно лосины матовые. И на них нашить узор в форме сыплющихся семечек.

Легким движением руки она пририсовала на ноге манекена незамысловатый, но утонченный узор из черных капель, похожих по форме на семена подсолнуха.

– Лианы между лифом и трусами не нужны. Будут только мешать в танце, а красоты никакой не добавляют. Бюст, в принципе, можно оставить. Только стразы надо сделать мелкими, прям как семечки чтобы смотрелись, и листья помельче, но попышнее. И обязательно бери пуш-ап, а то с твоей грудью будет выглядеть удручающе.

Арина пригляделась к бюсту Татьяны и, цокнув, продолжила.

– Юбка мне не нравится...

Директор снова задумалась и прикусила колпачок. Татьяна нахмурилась и раздула щеки. Все ее нутро протестовало против внесенных правок. Она даже лианы между бюстом и трусами не хотела убирать и уж тем более не была согласна на изменение юбки, которая ей нравилась больше всего.

– Да, замени на шорты, – Арина откинулась назад в кресле, высвободив «зайчика» из зубастой пасти. – Точно, бери легинсы. Никакие шорты, юбки и колготки не нужны тогда. Вышей на них семечки узором. Лепестки еще можно добавить. Туфли купи массивные. На платформе. Ярко-желтого цвета.

– Все? – недовольно пробурчала Татьяна, протягивая руку за эскизом.

Арина подумала несколько секунд и с улыбкой кивнула.

– Да, пожалуй.

Взяв листок в руки, Татьяна с силой смяла его и уже направилась к выходу из кабинета директора, но та остановила ее бархатным голосом.

– Если не последуешь моим рекомендациям и придешь в другом костюме, в клуб не пущу. Будешь искать другую работу, – с ухмылкой произнесла она.

Татьяна ничего не ответила. Только громко хлопнула дверью.

***

Тянуть с костюмом было некогда. У нее оставалась неделя, чтобы сшить полноценный наряд, найти к нему материалы и заработать на это денег. Вариантов легкого и быстрого заработка у нее имелось немного, поэтому на ночь глядя она решила написать Ладе и спросить, не собираются ли они выступать завтра где-нибудь днем. Хотя подозревала, что, если бы ребята куда-то собрались, то позвали бы ее, а раз не звали, значит, и не собирались. В любом случае она решила предложить сама.

– Да все площадки забиты, – жалобно ответила Лада в аудиосообщении. – Ближайшую мы с Юрцом через две недели только забронили. И то она не очень. Помнится мне, там народ неблагодарный.

Татьяна спросила в аудиоответе: «А что будет, если мы самостоятельно где-нибудь площадку найдем и займем? Не из проекта. Наверняка здесь много хороших для выступлений точек». Ответ Лады пришел не сразу. Татьяна предположила, что несколько минут она искала информацию или консультировалась с Юрой.

– Попробовать можно, конечно. Пока менты не загребут, – вздохнула Лада. – Вообще, мы поначалу с Юрцом так и выступали. Но нас потом накрыли. И мы вот на этот проект зарегались. Что ж, пожалуй, пришло время вспомнить лихую молодость.

В конце сообщения раздался задорный Ладин смех и где-то на фоне еще один, Юрин. Татьяна заразилась их весельем и тоже улыбнулась темному пространству за стеклом. А затем в чате появился текст: «А ты-то не боишься, что загребут?». В конце Лада прибавила недоверчивый смайлик с одной поднятой бровью.

– Мне очень нужны деньги. На костюм. Для работы. Мне больше неоткуда их достать, – ответила в аудиоформате Татьяна.

«Ладно, ща гляну местечки. Отпишусь» – написала Лада и перестала быть онлайн.

Они договорились встретиться у метро. Лада с Юрой, как обычно, пришли вместе. Их громкий разговор слышался издалека, несмотря на густую толпу вокруг. Успев переодеться в ближайшем кафе, Татьяна ждала ребят у подземного перехода и с улыбкой наблюдала, как они, перекачиваясь, не торопясь, шагают ей навстречу, глядя друг на друга. Лада, рассказывая, быстро меняла эмоции на лице и по-разному жестикулировала, а Юра внимательно слушал, то кивая, то усмехаясь.

– Короче, крипота полнейшая, все, как ты любишь, – докончила рассказ Лада и на последнем слове уже улыбалась Татьяне. – Привет, Танюха.

Юра тоже поздоровался.

– Ну, че стремно? – спросила Лада, поправляя красную бейсболку.

Татьяна, поджав губы, кивнула.

– Но я вообще на мели. А мне очень надо сшить костюм. Еще бы и туфли купить. Но хотя бы костюм.

– Не боись, ща все будет. У меня репертуар на одну песню обновился. Про социальное неравенство, между прочим. Должно зайти.

Лада подмигнула и засмеялась.

Они спустились в подземный переход, где стоял нагретый воздух, который сдавливал легкие. В таком тяжело было даже стоять, не то что танцевать. Впрочем, духоты и спертости Татьяне хватало и в ночном клубе. Здесь хотя бы не пахло спиртом и сценическим дымом. Они встали в углу, у противоположной от лестницы стены, и подключились к единственной розетке.

Пока ребята готовили оборудование, Татьяна разминала руки и ноги. Потом Юра поставил меланхоличный инструментал под Ладин рэп, и Татьяна начала извиваться, плавно, протяжно, без резких выпадов и перепадов. Все-таки песня про несправедливость предполагала тоску.

Танцуя, Татьяна вслушалась в слова и заметила для себя, что у Лады получились неплохие стихи. Они могли бы сойти за полноценное лирическое стихотворение, которое принято читать под классическую музыку на фоне влажного окна, а не мешать с междометиями типа «йоу», «ееее» и «хэй». Впрочем, Татьяне нравилась и рэп-версия, потому что Лада создавала речитативом определенный ритм и темп, заставляющий фибры души танцевать вместе с телом.

Они выступали весь день. Под конец все вспотели, проголодались и просто желали присесть. Но решили исполнить по просьбе оставшейся публики последнюю песню на бис. Лада снова начала с коронных междометий, но музыка резко стихла. Все обернулись на вышедшего

из толпы мужчину в полицейской форме. У Татьяны сердце выпало. Юра нахмурился. Лада возмутилась.

– Эй! – крикнула она полицейскому.

Тот равнодушно взглянул на нее.

– Старший лейтенант Сапогов, – отозвался полицейский. – Предъявите, пожалуйста, ваши документы.

– Мы зарегистрированы в проекте «Уличный артист»! – блефовала Лада, выйдя вперед и протягивая ему бумажку. – Почему вы препятствуете нашей творческой деятельности?

Толпа быстро растворилась среди прохожих. В углу перехода остались только они с полицейским.

– Согласно программе проекта «Уличный артист» творческая деятельность может осуществляться в строго определенных локациях. Данный участок в программу проекта не входит. Следовательно, здесь выступление уличных музыкантов не разрешено.

Он аккуратно вернул бумажку Ладе, вскользь ее прочитав, и настойчиво оглядел всех троих.

– Документы, пожалуйста.

Это был мужчина среднего возраста, средней комплекции и средней степени наглости, что читалось в глазах. Он осматривал группу таким взглядом, будто уже пожинал плоды собственного посева. Татьяне не понравился этот взгляд, особенно потому, что он уловил ее нервозность и странно заухмылялся. Лада с Юрой с неохотой протянули ему паспорта. Татьяна мешкала. Она стояла в оцепенении и смотрела, как полицейский внимательно рассматривает документы друзей.

– Родители-то знают, чем вы тут занимаетесь? – спросил он с усмешкой у Лады.

– Разумеется!

Полицейский раскрыл второй паспорт и стал всматриваться в него.

– А ваши документы, девушка? – спросил он через несколько секунд, пристально вглядываясь в лицо Татьяны.

– У меня они не с собой, – гнусаво ответила она.

– А где?

– Дома.

Татьяна сжала в кулаках петельки для ремня на поясе шорт.

– Что-то вы мне подозрительной кажетесь.

Полицейский прищурился и оглядел ее с головы до ног. Татьяна онемела. Юра, нахмурив брови острой галочкой, впивался в него злобными глазами, почти пыхтя, но старший лейтенант не обращал на него никакого внимания. Лада звонила маме.

– Боюсь, придется вас задержать.

– Что?! – в один голос воскликнули все трое.

Лада тут же кинулась к полицейскому.

– Подождите! А на каком основании?

– На том, что вы нарушаете общественный порядок и организовали уличное выступление в неположенном месте. Люди жалуются.

– Какие люди? Здесь же подземный переход!

– А что, по-вашему, здесь людей нет?

– Подождите! – вскрикнула Лада, подошла к нему поближе, предварительно набрав в легкие воздуха, и тихим голосом продолжила. – Моя мама скоро приедет. Может, как-нибудь договоримся?

– Через сколько? – сразу смекнул полицейский.

– Пятнадцать минут, сказала, – она выдохнула.

– Ну, что ж, пройдемте пока в машину.

Он заставил их собрать вещи и подняться на улицу. Юра шел, сунув кулаки в карманы белых шорт. За правым плечом нес чехол с установкой, а за левым – Ладин рюкзак, в котором валялась куча мелочи, что им накидали за часы выступлений. Лада несла его сумку с ноутбуком, которая стукалась о бедра при каждом шаге, замедляя ее, впрочем, она и не торопилась за полицейским. Она часто и глубоко вздыхала, теребя пухлыми пальцами лямку.

Татьяна шла впереди всех с опущенной головой. Руки скручивали пакет со сменной одеждой. Сердце вот-вот собиралось выпрыгнуть из груди и шмякнуться о заплеванный асфальт, брызнув во все стороны кровью. Но внутренняя надежда на то, что еще не все потеряно, не давала ему это сделать.

Ноги в коленях подкашивались. Татьяна шагала, едва поднимая их по лестнице, и следила за тем, как спокойно, вразвалочку, вертя в руке связку ключей от автомобиля, идет пузатый полицейский в черной форме с красной боковой полосочкой. На спине она в сотый раз прочитала белую надпись: «ПОЛИЦИЯ».

Чувство страха с каждым шагом обострялось все сильнее, даже сильнее, чем в первую ночь, когда они с Ладой прятались в могиле от насильников. «Неужели все так нелепо закончится? – с досадой думала Татьяна, оглядывая улицу, половинки домов и головы людей, начинающие проявляться за переходом. – Неужели так быстро? Неужели меня вернут домой? К разъяренной маме? Что тогда? Как я буду жить дальше? Я не хочу так жить. Не хочу! Надо бежать. Бежать, пока не поздно».

Татьяна посмотрела в лица Ладе и Юре. Они переглянулись между собой. Она тихо шепнула Ладе на ушко: «Бежим в тот переулок, когда он начнет открывать машину». Та кивнула, как профессиональный шпион, получающий такие задачи десять раз на дню, и передала информацию Юре. Парень с недоверием покосился на переулок, затем на полицейского, потом на девчонок и, наконец, медленно кивнул с явной неохотой. Только решительные лица Татьяны и Лады не дали ему пойти на попятную.

Бежать с тяжелым рюкзаком и оборудованием было плохой идеей, но за неимением лучшей пришлось реализовывать ее. Татьяна взяла у Юры рюкзак с мелочью, чтобы облегчить его ношу, и мысленно настроилась на быстрый спринт.

Полицейский подошел к белому седану с синей полоской со стороны дороги, глянув мимолетно вперед-назад, и достал ключи. Звук сигнализации сработал для ребят, как залп для старта во время соревнований. Все трое врассыпную сквозь толпу направились к переулку, за которым можно было потеряться в гуще прохожих. Полицейский что-то им кричал вслед, но ребята его не слышали. На адреналине они пробежали весь переулок до конца и еще половину следующей улицы, на которую свернули. Остановились только на перекрестке со светофором, потому что перпендикулярно шел густой поток автомобилей.

Отдышавшись и сбросив ноутбук на землю, Лада сказала:

– Вот это драйв был щас! Че ж мы в прошлый раз до такого не доперли?

Лада толкнула в плечо Юру, который от удара покачнулся и уперся в светофорный столб вместе с чехлом. Он ударился затылком.

– Прости! – с ужасом воскликнула она и подбежала к нему.

Парень, почесывая ушибленное место, смеялся.

– Да ладно, до свадьбы заживет.

Пока Лада с Юрой ворковали, Татьяна всматривалась в толпу, пытаясь разглядеть форменную одежду. Когда загорелся зеленый «человечек», они нестройным рядом перешли дорогу. Она все оглядывалась, а на той стороне улицы почему-то внезапно успокоилась, будто они пересекли пропасть или глубоководную крутую реку в горах, отрезав всех преследователей от себя навеки.

Дальше пошли спокойным шагом. Лада с Юрой все смеялись и обсуждали побег, гордились тем, как ловко обманули полицейского и ухахатывались от его растерянного лица, кото-

рое успели запечатлеть напоследок. Татьяне же было не до смеха, хотя и она выдавила из себя улыбку. Больше для того, чтобы успокоиться.

Веселье прервал звонок Ладиного телефона. На улице было много посторонних и навязчивых шумов, поэтому Татьяна с Юрой не могли слышать весь разговор, но виноватые ответы Лады не оставляли сомнений – звонила недовольная мать.

– Что? – с круглыми глазами спросил Юра, когда Лада сунула телефон в передний карман джинсов.

– Мы, дебилы, паспорта у него оставили, – приглушенным досадой голосом проговорила она и хлопнула себя по лбу мягкой ладонью. – Он с матери втридорога содрал. Мать в бешенстве.

– Черт, это все из-за меня! – сокрушилась Татьяна и обхватила одной рукой запястье другой.

– Да ладно, вместе сбегали ведь, – махнул рукой Юра.

Лада кивнула и улыбнулась.

– Зато как она оперативно приехала, – поразилась она, посмотрев время на экране блокировки. – Может же, когда что-то экстренное.

Тут раздался рингтон, встроенный в Татьянин телефон по умолчанию. Она не успела сменить его на свой любимый, потому не сразу поняла, что звонит именно ее телефон. Наконец, почувствовала вибрацию и подняла трубку.

– Ты на меня еще пол следующего месяца бесплатно работать будешь! – прорычала в трубку Арина. Голос ее все равно продолжал казаться Татьяне бархатным и совсем не шел к такой злобе.

Татьяна вздохнула, не зная, что ответить.

– Я боялась, что он сдаст меня матери. Я не могла... – начала она оправдываться спустя полминуты, прислушиваясь к тяжелому дыханию арт-директора.

– Связалась тоже, – в сторону сказала Арина. – Тебя-то каким чертом понесло выступать? Так понравилось голышом на улице танцевать?

Татьяне не понравился презрительный тон директора и усмешка, едва уловимая через телефон, но все-таки кольнувшая ее, но не в том она была сейчас положении, чтобы дерзить в ответ.

– Деньги нужны. На костюм.

– Бедовая ты, Татьяна, – вздохнула Арина.

Татьяна оглядела друзей, которые внимательно следили за ней и как будто прислушивались к разговору, хотя вряд ли могли услышать что-то из слабого динамика.

– Сколько тебе надо?

– Тысяч шесть.

– Ладно, так уж и быть. Сделаю тебе подарок. Скажу Ладе, чтобы она сняла для тебя кэш.

– Спасибо, – слабо улыбнулась Татьяна, хотя в голосе вместо благодарности звучал стыд.

– Это чтобы ты мою дочь больше в такие передряги не впутывала.

– Хорошо.

Арина бросила трубку. Татьяна стыдливо посмотрела на ребят. Грудь сжимала обида, оттого что ей приходилось все это переживать и заставлять других переживать это с ней, унижаться, просить подачки, терпеть снисхождение. Хотелось раскричаться на всю улицу и затоптать асфальт ногами, чтобы он провалился, и она вместе с ним. Но кругом были люди, со всех сторон кипела жизнь, и как-то надо было продолжать.

– О, смотри-ка, зато мать раздобрилась, – воскликнула Лада, прочитав сообщение. – Видишь, наскребли тебе на костюм.

Она подошла к Татьяне и крепко сжала ей плечо, почти до хруста. Но на лице Татьяны вместо гримасы боли выступила искренняя улыбка.

– А это возьми себе на туфли, – сказал вдруг Юра, указывая на рюкзак у Татьяны за спиной.

– Как? Все? – удивилась она.

– Ну, да. Нам-то не припирает. Мы бы в караоке пропели все, что напели, – посмеялась Лада. – А тебе работать надо.

Татьяне потребовалось несколько молчаливых секунд для осознания, что они не шутят. Она смотрела по очереди в глаза каждому растерянно, слегка приоткрыв рот. Лада убежденно кивнула. Юра подмигнул.

– Спасибо.

Медленно улыбка Татьяны потянулась наверх и расплылась в ширину. Теперь это была не улыбка унизительной благодарности, а счастливая улыбка от полученной дружеской поддержки.

– Спасибо большое, ребята! – Татьяна притянула обоих к себе, чтобы обнять покрепче.

– Ну, хватит, хватит этих соплей, – в шутку возмутилась Лада и отпихнула ее.

Татьяна с неохотой поддалась. Приятно было чувствовать тепло другого человека, который не презирал ее и не желал навредить. В ее жизни таких людей было немного. Теперь стало больше. Мир показался светлее и приятнее, а проблемы – решаемыми.

На этот раз друзья вместо караоке-бара отправились просто гулять в ближайший парк, а Татьяна побежала домой к Адлии, потому что ей не терпелось заняться костюмом.

[1] Look [лук] – с англ. образ

Глава 13. Испытание

Дни пролетали друг за другом, не оставляя Татьяне времени на тоску и сожаления. Пару дней ей пришлось потратить на покупки материалов, потому что в одном магазине она не смогла купить все необходимое, в другом кусались цены, а в третьем нужной ей ткани оказалось недостаточно. Она ездила из района в район, параллельно созваниваясь с Адлией, чтобы спросить, можно ли заменить один материал на другой.

По вечерам, выпросив у Арины разрешения, Татьяна ездила в «Дэнсхолл» тренироваться, оттачивая синхронность и плавность движений, а потом бежала домой помогать Адлии с раскройкой и шитьем. Шить пришлось даже легинсы, потому что такого цвета, который ей нравился, в обычных магазинах одежды не нашлось. На поиски туфель у нее ушло еще больше времени и сил.

Татьяна много гуляла по городу в хорошую и в плохую погоду. Заглядывала в разные магазинчики по пути. Смотрела на людей. Наблюдала за тем, как меняется город в разных его концах и в разное время суток. Заодно познавала мир. И он ей все больше нравился своей огромностью, непостижимостью и разнообразием.

К окончанию испытательного срока костюм был готов. Татьяна многому научилась у Адлии за это время, просто потому что нужно было успеть. Она сама удивилась своей способности мобилизоваться перед дедлайном. В самом процессе приходилось вносить корректировки. Дольше всего решали проблему с лямками, пытаясь сделать их похожими на лианы по Татьяниной задумке. Перепробовали несколько видов тканей, но вернулись к гипюру на атласе. И все равно результат не устроил обеих. Сроки поджимали, поэтому Татьяне пришлось смириться, как она смирилась с тем, что костюм в результате получился совсем не таким, каким ей приснился.

– С лямками все-таки что-то надо сделать, – заметила Адлия во время последней примерки костюма перед выходом на работу. – Давай еще подтянем.

– Сойдет, – махнула рукой Татьяна, взглянув на часы – пора было выходить.

Удивляясь самой себе, она не чувствовала волнения, когда ехала на работу. В автобусе с интересом слушала жалобы Адлии на нового клиента, который сделал крупный заказ на пошив детской спортивной формы для художественной гимнастики и постоянно менял требования. Татьяна даже дала пару нелепых советов, как общаться с такими людьми.

В клубе они разошлись по своим подсобкам. Татьяне не терпелось примерить новый наряд. Она сразу забежала за ширму в гримерке и скинула спортивный костюм на пол. Лианы ее снова смутили. Смотрелись неплохо, но держались неуверенно. Бюст был выполнен в форме купальника: лианы связывали его сзади и на шее обычным ручным узлом. Конструкция получилась ненадежная, хоть и симпатичная. Выйдя из-за ширмы, Татьяна горделивой походкой прошла к своему столику. Все танцовщики глазели на новый костюм, удивляясь и посмеиваясь.

– И Арина это одобрила? – спросила Оля, подойдя к Татьяниному столику, когда она закрывала шкаф.

– Разумеется, – спокойно ответила Татьяна. – Большую часть, можно сказать, она придумала.

Оля вытаращила глаза и засмеялась.

– Нет, ты определенно нализала! Как еще это могло произойти?

Большая часть танцовщиков в гримерке поддержали шутку смешками. Татьяна покраснела, неизвестно от чего больше: от смущения или от гнева, выдохнула с жаром и села за столик, отпихнув Олю рукой в сторону ширмы.

– Завидовать легче молча! – воскликнула она, когда смех почти затих.

Оля, ухмыляясь и качая каштановым каре, вернулась к сестре на пуф. Все остальные возобновили прерванные Татьяной разговоры. Она заметила Светин смешливо-презрительный взгляд и поспешила выйти из гримерки, решив подкрасить глаза и губы в туалете.

В коридоре ее настигла Арина и, схватив за плечо сильнее, чем необходимо, развернула к себе, – оценивала новый образ. Аналитическая нахмуренность постепенно сменилась одобрительной улыбкой.

– Лучше, чем я ожидала, – сказала арт-директор.

Сама она выглядела скромно относительно своих привычных образов. Шелковое платье-кимоно нежно-розового цвета полностью закрывало плечи, оголив только V-образный участок в зоне декольте под шеей, а подол платья опускался ниже колен. Подвеска в форме капли воды на серебряной цепочке утекала вглубь выреза между грудями.

– Все надо мной смеются! – едва сдерживая гнев, проворчала Татьяна.

В ней сидела уверенность, что нелепо она выглядит именно благодаря Арине и ее правкам.

– И что? – со скепсисом спросила директор, сунув руки в карманы брюк. – Побежишь плакаться в уголок?

Татьяна поджала губы, чтобы не наговорить лишнего. Несколько секунд боролась с собой. И все-таки не смогла промолчать.

– Все думают, что я вас... ублажаю, – запнулась и покраснела. – Что в здравом уме вы бы такое не одобрили.

Арина рассмеялась, как обычно, громко, широко раскрыв рот и откинув голову назад.

– Ох, если бы меня за такую мелочь каждый раз ублажали, я бы так не страдала от своей нимфомании, – она посмотрела с насмешкой Татьяне в глаза. – Таким фрикам, как мы с тобой, что не вписываются в стандартную картину мира, остается только смеяться в ответ.

Татьяна сдвинула брови и едва заметно опустила уголки губ. Арина похлопала ее по плечу почти по-дружески, усмехнулась лишний раз и отправилась дальше по коридору, но напоследок обернулась и показала ей кулак, только не грозный, а со стороны ладони, символ поддержки.

– Я буду болеть за тебя.

Татьяна нахмурилась, не понимая, о чем Арина говорит. Она проводила ее недоуменными глазами, а затем побежала в служебный туалет.

Девушка-бармен подмигнула ей и похвалила костюм, поставив лайк большим пальцем вверх. Татьяна заулыбалась.

В этот вечер она отдалась танцу полностью. Позитивная оценка ее костюма барменом воспринималась, как похвала преподавателя или одобрительная улыбка матери, ради которых она всегда старалась танцевать в детстве. Она вспомнила, как мама радовалась ее успехам в академии, как мелкой всегда спешила похвастаться маме о том, что у нее получилась новая связка движений или как ее похвалил преподаватель на занятии. Видя ее горделивую улыбку, Татьяна расцветала и бежала заниматься дальше, стараясь с еще большим усердием.

Но ее давно никто не хвалил. Только ругали, обзывали или, как минимум, сомневались в ней. А тут она услышала положительный отзыв от совершенно незнакомого ей человека, причем отзыв на костюм, который она придумала сама. Впервые Татьяна что-то сделала сама и впервые ее за это похвалили. Это помогало улыбаться шире, двигаться плавнее и излучать энергию в дрожащий зал.

После полуночи, когда Татьяна пулей ворвалась в гримерку, чтобы переобуться и бежать на помощь Адлии. Но там ждала Света, прямо посреди комнаты, в напряженнлой позе, словно готовила засаду. Больше в гримерке никого не было.

– Сейчас ведущий объявит дэнс баттл[1], – она проводила Татьяну взглядом до столика.

Татьяна вопросительно на нее посмотрела. Слова Арины начали обретать смысл.

– Танцевальная битва, – пояснила Света, хотя Татьяна недоумевала не из-за этого. – Между тобой и моей сестрой. Ее, кстати, тоже Таней зовут.

– Какая еще битва? Мне никто ничего не говорил.

Татьяна застыла на месте с одной босой ногой и уставилась на рыжую.

– Ну, ты, как всегда, прослушала. У тебя же сегодня испытательный срок заканчивается. Вот тебе и придумали испытание. Посмотрим, кто кого.

Света уже направилась к выходу, виляя задом, но Татьяна задержала ее за руку.

– Подожди, что еще за битва? Что это значит? Арина в курсе?

– Естественно, – хмыкнула рыжая. – Ты что не знаешь, что такое танцевальная битва? Будете соревноваться, кто лучше танцует, а публика пусть выбирает, кто им понравился больше. Кто выиграет, тот и остается в «Дэнсхолле». Кто проиграет, с тем прощаемся.

– Но твоя сестра здесь даже не работает! – вскрикнула Татьяне от нарастающей в душе паники.

– Это пока... – надавила Света.

Она резко одернула руку и вышла из гримерки, оставив Татьяну наедине с мечущимся на бешеной скорости сердцем. «Что все это значит? Почему Арина ничего мне не сказала?» – пыталась она думать, но лучше выходило просто злиться и нервничать.

Татьяна схватилась за голову и стала ходить вперед-назад, почесывая руками виски, пока гримерка не заполнилась другими танцовщиками, потными, веселыми и смеющимися. Некоторые поздоровались с Татьяной сами, но она не отреагировала.

– Нифига у вас страсти кипят, – сказала Юля, неожиданно появившись перед Татьяной вместе с сестрой. – Баттл решили устроить.

Татьяна посмотрела на обеих девушек с выражением измученной досады.

– Я думала, Арина за тебя топит, – с легким разочарованием проговорила Оля. – А тут такая подстава.

Татьяна вздохнула и вскрикнула в отчаянии.

– Я с ней не сплю! И не лижу ей ничего! Хватит!

Поняв, что необходимо собраться, в первую очередь, с мыслями, и успеть хотя бы морально подготовиться к битве, которая начиналась через тринадцать минут, Татьяна побежала в туалет. В служебном коридоре ее поймала Адлия, как раз выкатывавшая тележку из подсобки.

– О, ты вовремя! – радостно воскликнула она.

– Адлия, прости, – Татьяна вложила в свои ладони ее, пухлые и теплые, и жалобно посмотрела в глаза, будто собиралась сообщить прискорбную весть. – Меня тут неожиданно вызвали на танцевальную битву. Мне надо подготовиться. Я не смогу тебе помочь.

– Ооо, – протянула Адлия, вытянув рот трубочкой.

– От этого зависит, останусь я здесь работать или нет.

– Оооо. Ладно. Буду за тебя болеть.

Адлия постаралась улыбнуться.

– Спасибо, – тихо ответила Татьяна.

– Уверена, у тебя получится, – Адлия потрепала ее по плечу. – До этого же получалось.

Татьяна поджала губы от недоверия этим словам и вбежала в туалетную комнату. Там она провела минут десять, глядя на себя в зеркало. Мысленно настраивалась на победу, на то, что ничего сложного в этом нет, что она уже месяц как танцует в «Дэнсхолле» и ей нечего бояться, хотя в танцевальных битвах она участия никогда не принимала. Ее мучили и гнев, и обида, и чувство несправедливости. Она проклинала Свету, вопрошала Арину о причинах такого поступка, благодарила Адлию за поддержку.

Зайдя в гримерку перед выходом в зал, Татьяна снова наткнулась на сестер, которые до сих пор стояли на прежнем месте, загораживая ей путь к туалетному столику, и обсуждали Свету.

– Удачи, Тань, – сказала Оля, заметив ее.

Они расступились, чтобы Татьяна могла пройти.

– Мы будем болеть за тебя, – сказала Юля и улыбнулась.

Улыбка эта показалась Татьяне вполне искренней и неравнодушной. Это заставило улыбнуться в ответ, но гораздо слабее. Нервозность не давала мышцам расслабиться.

– Спасибо, – Татьяна села за столик, чтобы нанести помаду, которую стерла влажным полотенцем.

Света зашла за Татьяной в 12:18 и отвела за кулисы, где уже стояла другая рыжая и ждала объявления битвы. Изящная девчонка сияла, как закатное солнце, в полностью покрытом красными пайетками костюме. Взрослости ей придавали темный и густой макияж, сильно оттеняющий бледную кожу, и острый высокомерный взгляд, пронзающий насквозь. Татьяне стало неприятно от этого взгляда больше потому, что в нем читалась стойкая уверенность в себе и сила, которой Татьяна сама не обладала. Оглянувшись, она увидела заполонившую коридор толпу танцовщиков, жаждущих посмотреть их битву, и набрала в грудь побольше воздуха.

– А сейчас дорогие друзья, специально для вас, беспрецедентное событие в клубе «Дэнсхолл» – таннн–цеваааллльнаяааа дууээээль! – громогласно в микрофон прокричал мужской баритон.

По центру сцены ходил высокий и упитанный молодой человек с блестящими волосами в розовой рубашке и вельветовых брюках. Толпа внизу завизжала и раздалась громкими аплодисментами. Диджей приглушил музыку.

– Приглашаю на эту сцену дуэлянток!

Ведущий обернулся на закулисье и взглядом призвал их подниматься. Первой вышла Светина сестра. Татьяна следом. Ноги подкашивались. Сердце буянило в груди. Душа спряталась в пятки. Рыжая младшая шагала легко и бодро, будто ее вызвали получать награду, а не бороться за нее. Татьяна шагала как ржавый терминатор.

– Представься, пожалуйста, – сказал ведущий, поднося железный микрофон к губам Светиной сестры.

– Таня Китс, – гордо ответила девчонка, помахав рукой.

Публика зааплодировала и засвистела. Ведущий, встав между девушками, перевел микрофон на Татьяну.

– Таня... Подсолнух, – она не придумала ничего лучше.

– Кто бы сомневался! – заметил с он усмешкой.

Толпа в зале подхватила смешинку. По жесту ведущего все захлопали. Он вышел чуть вперед и огласил правила дуэли.

– У нас все просто: девушки танцуют три раунда по две минуты под музыку трех разных жанров. По итогам каждого раунда вы голосуете своими криками и поднятием рук. Выиграет тот, кто одержит победу в двух раундах.

Выслушав правила, Татьяна зажмурила глаза и мысленно уже принимала поражение с достоинством.

– Ну, что ж, девчонки, кидаем монету, – ведущий снова притянул микрофон к губам Тани Китс.

– Орел, – сказала она.

– Решка, – для протокола ответила Татьяна.

– Начинает тот, кто проиграет, – отметил ведущий и подбросил десятирублевую монету в воздух.

Татьяна зажмурилась, будто это могло оттянуть ее страшный суд.

– Решка! – воскликнул ведущий.

Открыв глаза, поймала дерзкий прищур из-под рыжей челки.

– Ну, что, дайте шуму! Начинает Таня Китс! И первый жанр всеми старый добрый хиииип–хоооп!

Под бурные аплодисменты ведущий жестом вызвал Китс в центр сцены и отошел за кулисы. Диджей прибавил громкости. Заиграла зажигательная композиция DMX «Party Up» из тех, что крутили в нулевые на всех дискотеках мира. Публика довольно закричала. Над толпой мгновенно вырос лес рук. Таня Китс вышла вперед и сразу затанцевала.

Татьяна отошла на край и стала смотреть, не отрывая глаз. Прежде всего, ее поразила агрессия, с которой Китс вытворяла каждое движение. Она мощно и быстро переступала ногами, помогая себе руками, как это делали все американские рэперы в видеоклипах. Корпус экспрессивно качался, фигура легко перепрыгивала с ноги на ногу, с пятки на носок и обратно, руки как будто ломались, глаза улыбались и подмигивали некоторым из толпы – танцовщица явно не в первый раз работала с публикой. Движения были четкими, строго в темп музыки, но при этом выполнялись с невероятной пластикой.

«Света была права. Бриллиант в сто карат», – заключила Татьяна.

Рыжая наклонилась, плавно провела корпусом в воздухе неровную петлю, взмахнув медным блеском длинных волос, резко выпрямилась и, вытянув руки вперед и широко расставив ноги, приняла финальную позу. Раздался шквал оваций. Музыка притихла. Ведущий похвалил дуэлянтку и пригласил на танцпол Подсолнух.

Татьяне показалось, что сердце остановилось в этот миг, а мозг отключился. В голове образовалась пустота. Она не знала, что ей делать и как себя вести, как двигаться, словно разучилась даже ходить. Но ведущий сверкающей улыбкой выманивал на публику, а колкий взгляд соперницы дразнил и призывал к бою. Музыка снова стала громкой, оглушив Татьяну резкой волной мощных битов, которые подействовали как дефибриллятор.

Сердце застучало с утроенной силой. В кровь выбросился мощный поток адреналина. Легкие наполнились воздухом. Татьяна оглядела шумящую толпу внизу, жаждущую крови и экшена, и стала импровизировать под музыку.

Света такому в своих видео не учила. Поэтому большую часть связок приходилось придумывать на ходу, интуитивно следуя мелодии и битам. На зрителей Татьяна старалась не смотреть, с трудом выдерживала пристальный взгляд соперницы и с благодарностью реагировала на подбадривающую улыбку ведущего. Движения рук и корпуса стесняли лямки, которые болтались так, будто вот-вот спадут, а вместе с ними и бюстгальтер, зато ногами она могла двигать активнее. Татьяна старалась уподобляться рэперам, редкие клипы которых смотрела когда-то по музыкальным каналам, пыталась вспомнить движения из фильмов про танцы, наподобие «Шаг вперед», потом решила просто выпустить злость, которой в ней было немало.

Две минуты ужаса закончились быстро. Ведущий подал сигнал жестом, и Татьяна, обернувшись вокруг оси с небольшим наклоном бюста и головы, встала прямо лицом к залу. Диджей снова приглушил звук. Снизу раздались аплодисменты, но не такие восторженные, как после выступления Китс. Татьяна отошла в сторону и первым делом заново перевязала лямки бюстгальтера на шее.

Ведущий призвал толпу проголосовать за каждую участницу, одарив их аплодисментами еще раз. Он показал микрофоном на Китс, и разразилась буря восторга и радости. Ведущий успокоил толпу и показал на Подсолнух. Раздались лишь жидкие аплодисменты.

– Ну, что ж, в первом раунде однозначно побеждает Китс!

И снова буря оваций охватила клуб и заодно Татьяну. Такая напористость душила. Предстоял второй раунд. Диджей легко и без запинки сменил жанр. Заиграл сингл John Legend «All of me», пару-тройку лет назад гремевший из каждой колонки. Такое Татьяна не ожидала здесь услышать, потому что песня не подходила для клубных танцев.

Ведущий снова пригласил на сцену Китс. Толпа опять загудела. Рыжая начала медленно вилять бедрами, переминаясь ногами, и плавно раскрывать руки то в одну сторону, то в другую. Затем выполнила несколько танцевальных фигур, подстраивая движения тела под нарастающий темп голоса. Постепенно она вошла в кураж, кружилась и бесформенно махала руками. Движения получались рваными. Порой казалось, будто тело ее одолевают судороги, что не соответствовало темпу мелодии, и закончила Китс не совсем в такт музыке, будто что-то в ней надломилось.

Пока рыжая танцевала, Татьяна, уже взявшая себя в руки, следила за ней и продумывала свой ответ. Эта музыка была ей явно ближе. Под такую легко подстраивалась классическая хореография. Она видела не одну постановку танца контемпорари под эту песню, а он недалеко ушел от балета.

Поэтому, когда ведущий вызвал ее в центр сцены, она не стала сразу бросаться в пляс, а, встав в первую позицию, аккуратно наклонилась в стороны, очерчивая свои движения руками в воздухе. Затем сделала несколько выпадов и приседаний, перекрутилась на полу. Строгая классика сменилась импровизацией рук и движениями корпуса, смешавшись немного с гоу-гоу, немного с фламенко.

Припев Татьяна посчитала самым подходящим моментом для эффектного вступления через серию арабесков вперемешку с плие и вращением. Потом резко остановилась. Снова сделала наклоны, выпады вперед и назад, высокие махи ногами и развороты на триста шестьдесят градусов. Под конец решила добить танец парочкой кабриолей, а закончила замедляющимися вращениями, с окончанием песни плавно приземлившись на пол.

И на этот раз толпа благоволила ей. Ведущий тоже это признал. Таня Китс смерила Татьяну презрительным прищуром, совсем как Света. Это еще больше ее раззадорило, потому что злость и обида, наконец, перестали тлеть и разгорелись пышным пламенем в душе, придавая много хоть и негативной, но весьма необходимой энергии.

Третий раунд стал решающим. Зазвучала легкая игривая музыка, что-то из латиноамериканского, которая Татьяне была совсем чужда. Таня Китс влилась в танец как рыба в безмятежную воду. Шустро и ловко завертела бедрами, выкручивала изящными движениями кисти рук и со страстью постукивала ножками по полу. Пайетки отражали светомузыку, бросая во все стороны радужные брызги. Рыжие волосы, путаясь и извиваясь, рисовали в воздухе блестящие узоры. В конце толпа с большим напором разразилась аплодисментами. Татьяна предвкушала, как будет позорно уходить со сцены в небытие.

Но в уме всплыла сказанная кем-то из мудрейших фраза: «Должен, значит, можешь», и Татьяна подалась вперед, решив, что пропадать, так пропадать. Она вспомнила что-то из фламенко, хотя сильно сомневалась, что сейчас звучала мелодия этого жанра, но движения в любом случае хорошо с такой музыкой сочетались. А дальше последовала сплошная импровизация. Татьяна не направляла конечности в стороны, а сама устремлялась за ними, то кружась, то извиваясь, то наклоняясь. Чувствовала, как лианы снова не выдерживают мощности энергии, но отвлекаться было некогда и невозможно, когда на тебя смотрят сотни возбужденных глаз. В уме Татьяна твердила себе, что должна выиграть во что бы то ни стало. Страх потерять работу выбрасывал в кровь еще больше адреналина, и тело реагировало импульсивно.

В конце, когда ведущий подал сигнал «стоп», Татьяна резким рывком прокрутилась на сцене несколько раз, сделав неаккуратное фуэте, и не по плану оказалась рядом с ведущим. Остановившись, она повернулась лицом к залу и вскинула руки, непроизвольно встав в третью позицию. Лямки бюстгальтера не выдержали, и подсолнухи покатились вниз, глухо упав под ноги.

Ведущий разинул рот. У рыжей глаза от возмущения превратились в два заполненных кровью шара. Толпа заверещала в восторге. Руки всех устремились вверх и захлопали, словно тысячи пушечных залпов. Отовсюду слышался свист. Парни орали. Девушки громко смеялись.

Татьяна мгновенно залилась краской. Казалось, вся кровь из тела прилила к голове. Она закрыла глаза, не меняя позы, – прикрываться уже не имело смысла. Только молила про себя, чтобы на нее обрушился потолок, но пока обрушивался только довольный гул толпы.

Ведущий, придя в себя, призвал публику проголосовать, хотя результаты всем уже были известны. После раздавшегося мощного шума аплодисментов он поднял Татьянину руку и поздравил с победой. Она слабо улыбнулась, потому что сгорала от стыда. Не желая смаковать торжество, как того требовали ведущий и публика, она мечтала поскорее убежать прочь со сцены, хотя бы в гримерку.

Татьяна закрыла глаза, пока толпа ликовала в ее честь. А в следующий миг почувствовала, как кто-то берет ее за бедра и стягивает вниз легинсы вместе с трусами. Татьяна не успела осознать ситуацию, как толпа внизу загоготала, словно мимо пробегал табун.

Первым она увидела опешившее лицо ведущего, выпученные глаза и сжатые губы. Он не знал, как реагировать в такой ситуации. Затем Татьяна уловила рыжий блеск волос, исчезнувший за кулисами. И только потом посмотрела вниз и увидела себя голую со спущенными до колен трусами. Она наклонилась и непроизвольно дернулась вперед в попытке натянуть их обратно, но только грохнулась на пол, чем вызвала новую волну хохота.

В этот момент сердце остановилось. По ощущениям, вены должны были лопнуть еще секунду назад. В сознании все затмилось туманом и слезами. Татьяна поднялась сначала на колени, подтянула легинсы, прижала к груди бюстгальтер, встала в полный рост и пулей вылетела со сцены. Убегая по лестнице вниз, она слышала, как ведущий пытался выкрутиться за счет глупых шуток, но толпа свистела, смеялась и выкрикивала что-то неприличное.

Не успела Татьяна добежать до гримерки, как ей дорогу перегородил парень в сером костюме. Сквозь слезы она не сразу узнала в нем Павлика.

– А ты смелая, – сказал он, проведя по густым волосам пятерней, и неловко показал стройный ряд неестественно белых зубов.

– Чего тебе надо? – Татьяна сильнее прижала подсолнухи к груди.

Павлик невольно посмотрел туда, но быстро перевел взгляд на лицо.

– Поддержать хотел, – кашлянул он, потерев руки о бедра, не зная, куда их девать. – Не обращай внимания… на все это.

Взмахнув правой рукой, Павлик сделал непонятный жест, расплылся в улыбке и добавил:

– Как говорится, было бы чего стесняться.

Они встретились глазами. Татьяна смотрела злобно, сжимая губы и тяжело дыша. Сосуды глаз наполнились кровью. Слезы скопились у нижних век. Щеки вдавились внутрь, оголив острые скулы.

– Пожалуй, обойдусь, – с ненавистью проговорила она, будто это Павлик только что раздел ее на глазах толпы, – без такой поддержки.

Она оттолкнула его и прошла дальше. Парень только развел руками в воздухе.

Татьяна вбежала в туалет и смоченным полотенцем вытерла ключицу, шею и лицо. «Как тупо!» – злилась на саму себя. Ее бесил глупейший позор на глазах у всех коллег и огромной толпы. Бесило, что Адлия предупреждала насчет этих лямок, но она не послушала. Бесило, что Китс так дерзко себя повела, а она не смогла ей ответить. Бесил Павлик, возникший из ниоткуда и строивший из себя верного друга, коим никогда ей не приходился. Вновь хотелось разрыдаться, напиться, бросить все и потеряться. Но у нее было всего несколько минут до следующего выхода на подиум, чтобы прийти в себя.

Руки чесались разбить зеркало от досады, но за него Арина бы заставила ее здесь работать весь следующий месяц бесплатно, потому она только порвала бумажные полотенца и с силой бросила их в мусорный контейнер.

Татьяна натянула бюстгальтер, завязав лямки на три узла на шее и спине. Потом поправила трусики и усадила на бедра легинсы. Руками причесала волосы, слегка их потрепав. Слезы

размывали дешевую тушь по щекам, превращая Татьяну в грустного клоуна. Она дала себе еще пару минут на передышку, встала напротив зеркала, уперлась руками в каменную столешницу и закрыла глаза.

– Ревешь? – послышался бархатный голос за дверью.

Татьяна не стала открывать глаза и отвечать.

– Отчаянная ты, однако, – Арина медленно шагала по плитке. – Не ожидала от тебя.

– Это не специально получилось, – призналась Татьяна, вздохнув, и устремила взгляд на нее.

– Ну, значит, везучая, – посмеялась директор, не высовывая рук из карманов брюк.

Она посмотрела Татьяне в лицо и скривила рот в усмешке.

– Почему вы мне ничего не сказали? – с детской обидой в голосе проговорила Татьяна.

– Потому что в этом была суть испытания. Не думала, конечно, что ты так элегантно просто из этого выкрутишься.

Раскрыв зубастый рот, Арина громко рассмеялась. Татьяна вспыхнула ненавистью.

– Элегантно просто?! Да меня опозорили на глазах у тысячи людей! Раздели догола!

– Но сперва ты победила, – улыбнулась Арина, поймав напряженный взгляд через зеркало. – И сохранила работу.

Татьяна опустила глаза и снова глубоко вздохнула. Она теперь не представляла, как после такого работать. В воздухе повисла удручающая пауза. Татьяна тряхнула головой, как бы сбрасывая с себя ошметки позора. Арина притихла сзади, не издавая ни шороха, но она чувствовала затылком ее внимание. Наконец, директор сказала:

– Пойдем со мной.

Раздались скрипучие звуки каблуков. Фигура Арины скрывалась за поворотом, когда Татьяна открыла глаза. Она пару секунд осознавала услышанное, стоя на месте, но спрашивать уже было не у кого, потому послушалась и выбежала следом.

Татьяна нагнала арт-директора во дворе, когда та разблокировала автомобильную сигнализацию. Дважды пикнул характерный звук, и Арина показала жестом садиться в машину. Татьяна напряглась, будто ее пригласили на электрический стул, но молча исполнила указание. Директор села на водительское сиденье. Татьяна – рядом на пассажирское.

– Куда мы едем? – осторожно поинтересовалась она, наблюдая за тем, как Арина пристегивается ремнем безопасности, и последовала ее примеру.

– Раскрепощаться, – просто ответила та и стартовала.

– А работа?

Арт-директор посмотрела на нее с насмешливым выражением лица, приподняв правый уголок рта и левую бровь, после чего у Татьяны не осталось вопросов.

[1] Dance battle [дэнс баттл] – с англ. танцевальная битва

Глава 14. Раскрепощение

Ехали они молча. Арина, казалось, не чувствовала никакой неловкости при этом, подпевала песням из радио, следила за дорогой, но как будто не очень внимательно, думала о чем-то своем. Ее вальяжность заставляла Татьяну смущаться сильнее. Она сидела как на шаткой табуретке с одной ножкой. Руки сжала в кулаки, вдавив их в бедра, а коленки свела вместе, чтобы нервозность была не так заметна.

Небеса давно угасли под напором ночи. Белесо-желтоватые огни уличных фонарей мерцали как звезды и выстраивались в нестройные ряды на горизонте. Под ними горели сплошным красным автомобильные фары в очереди на проезд по проспекту.

Арина свернула с главной дороги в узкий переулок, где густые кроны закрывали первые этажи советских многоэтажек и вырулила на широкую улицу, по обеим сторонам которой толпами гуляли пешеходы. Из-за незнания города Татьяна плохо понимала, куда они едут и зачем.

– Янусик, оформи мне плюс один, пожалуйста, – заглушив радио, сказала Арина в блютуз-гарнитуру, когда они проезжали мимо огромного торгового центра. – Ты знаешь, я в долгу не останусь.

Татьяна прислушалась, но ничего не услышала. Больше никакой полезной информации Арина не сообщила, только поблагодарила собеседника и снова включила музыку.

Еще немного пропетляв, они заехали на территорию бывшего завода, которую занимали отреставрированные здания из красного и желтого кирпича с белыми окнами. Свободные площади между домами облагородили и обложили плиткой, вдоль дорожек установили фонарные столбы с уютным оранжевым светом, а под ними в некоторых местах добавили лавочки. Они проехали через всю территорию завода и остановились на пустой площадке перед входом в одноэтажное здание со стеклянными дверями.

Несмотря на вопросительные взгляды Татьяны, Арина непринужденно молчала, насвистывая последнюю песенку из радиочарта. Они вошли внутрь. Издалека раздались басы и ритмичная мелодия. Арина шагала через холл широко и бодро. Татьяна плелась за ее спиной, как за щитом, боясь неизвестно чего. Они прошли по белому коридору, украшенному античными полуколоннами, вросшими в розовые стены, и дешевой лепниной на потолке, изображающей ангелов и купидонов. Арина вошла в одну из множества классических белых дверей. Татьяна увидела перед собой небольшую комнату с несколькими холщовыми ширмами и стеганными розовыми пуфиками из искусственной кожи.

– Янусик? – спросила Арина, осматривая комнату целиком.

Она прошла внутрь, встав напротив ширмы, за которой кто-то копошился. Татьяна пока входить не решалась. Через пару секунд вышел высокий мужчина с круглым животом и тонкими ножками. Из одежды на нем были только белая повязка, обмотанная в виде пояса для борьбы сумо, и соломенная конусообразная шляпа. Нечто подобное Татьяна видела на головах самураев в нескольких исторических аниме.

– Ринусик! – с радушием протянул мужчина, раскрывая объятия.

При каждом его шаге раздавался громкий стук дерева о ламинат. Взглянув на волосатые ноги, Татьяна увидела японские тапочки «гэта», название которых она тоже выучила благодаря аниме. Они были похожи на мини-скамейки с резинкой в форме галочки, как на вьетнамках.

Арина позволила себя крепко сжать и даже поцеловать в шею. Мужчина приподнял шляпу и посмотрел на Татьяну, застывшую в проеме дверей. Она с оторопью смотрела в его беличьи глаза.

– Твоя плюс один? – спросил он, не отводя взгляд от Татьяны.

– Ага, – кивнула Арина и деликатно высвободилась из его объятий. – Девочку надо раскрыть.

– Странно, что никто не сделал это до нас, – улыбнулся Янусик, – с такой-то красавицей!

Татьяна хотела было смутиться от внезапного комплимента, но, осознав через доли секунды происходящее, возмутилась.

– Куда мы приехали? Что я здесь делаю?

– Не бойся, лапочка, – ласково произнес мужчина, протягивая ей раскрытую ладонь и приглашая войти.

Татьяна покачала головой. Арина закатила глаза и сунула руки в карманы платья.

– Расслабься. Никто тебя насиловать здесь не будет.

– Только доставлять удовольствие! – подхватил Янусик. – Исключительно по твоему желанию.

– Мы что в борделе?! – ужаснулась Татьяна и крепко обняла себя за плечи.

Янусик с Ариной рассмеялись.

– Ты ей не объяснила, что такое кинки-вечеринка? – спросил он с ушмешкой.

– Не люблю тратить слова на очевидные вещи. Скоро сама все увидит.

Арина взяла Татьяну за руку и потащила за собой в комнату.

– Я никуда не пойду! – пыталась отбиться Татьяна. – Тебе кажется, надо мной мало поиздевались сегодня? Отпусти меня!

Янусик при этом умиленно улыбался, сложив руки, как девушки в русских народных танцах.

– Татьяна! – резко осадила ее Арина, хлопнув одной рукой о свое бедро. – Ничего с тобой против твоей воли не случится!

Татьяна с силой выдернула руку из цепких пальцев арт-директора. Она не сразу осознала, что перешла черту, потому что на «ты» они еще не переходили, но, даже осознав, не стала придавать этому значение.

– Уже случается! – крикнула в ответ и посмотрела Арине в глаза. – Я не хочу никуда идти!

– Я не поняла, тебе работа не нужна? – директор посмотрела угрожающе, недовольно поморщившись. – Ты вдруг открыла в себе множество других талантов? Или документы восстановила?

Вся бойкость тут же в Татьяне испарилась. Страх сковал бунтарский дух. Плечи рефлекторно опустились.

– Это пойдет тебе на пользу, – мягче произнесла Арина, вздохнув.

– Что «это»?!

– Считай это посвящением, – спокойным голосом ответила директор, впервые посмотрев на Татьяну не свысока, а вровень и без усмешки. – И давай без истерик.

Глаза Арины глядели прямо, открыто и ясно. В них читалась просьба, а не приказ. Татьяна, все еще часто и глубоко дыша, насупленно смотрела ей в лицо и все глубже вглядывалась в карие глаза. Арина пыталась показать свою неопасность сквозь долгий и откровенный взгляд, исполненный надежды и искренности. Через минуту это подействовало.

– Ладно, – сдалась Татьяна и сама шагнула внутрь комнаты.

Арина с облегчением выдохнула и переглянулась с Янусиком. Тот покачал головой, улыбаясь.

– Приведи себя в порядок у зеркала, – снова включив приказной тон, сказала директор.

Татьяна недовольно поджала губы, но послушалась. Когда она закончила и отвернулась от зеркала, Янусик застегивал на Арине портупею. Татьяна оторопела, потому что увидела арт-директора в кожаном нижнем белье с металлическими шипами. Только это белье не справлялось со своей базовой функцией, а, наоборот, оголяло грудь полностью и подчеркивало ее очертаниями ромбиков. Трусы тоже представляли собой лишь слабые наметки белья из тонких кожаных линий, соединенных вместе по бокам металлическими кольцами. Запястья и лодыжки опутали такие же красные ремешки с золотыми шипами. Ноги обвили римские сан-

далии на шпильках. Увидев ошеломленное лицо Татьяны, Арина выдавила смешок и помотала головой, переглянувшись с Янусиком.

– Татьяна, закрой пасть от греха подальше, – сказала она.

Она тут же поджала губы, но продолжала пялиться на директора.

– Это всего лишь голое тело, – Арина уверенным шагом прошлась по комнате. – В голых телах нет ничего сокровенного. Ни в моем, ни в твоем, ни в его. Мы все устроены одинаково, а вот думаем все по-разному. Сокровенное не видимо глазу, иначе бы все было слишком просто. Так что нечего стесняться себя обнаженной, как и смущаться чужой наготы.

Арина круто развернулась на сто восемьдесят градусов и снова посмотрела в глаза. К такому уровню доверия Татьяна была совсем не готова, хотя себя в нижнем белье демонстрировала теперь почти без стеснения. Янусик посмеялся и сделал пару шагов ей навстречу. Он без смущения разглядывал ее грудь и бедра, с каждой новой деталью улыбаясь все шире.

– Прекрасное создание! – приговаривал, кружа вокруг Татьяны.

Она выворачивала за ним шею, боясь, что он сейчас вытворит что-нибудь похабное. Но Янусик только смотрел и даже не пытался притронуться. Да и смотрел без похотливости, как на красивый экспонат в государственном музее, который хранился под стеклом и тщательно оберегался смотрителями.

– Вот и я хочу, чтобы она это про себя поняла,– воскликнула Арина, подмигнув Татьяне, и накинула на плечи платье-кимоно с переливающимися оттенками розового.

Татьяна снова залилась краской, но не от голого блестящего тела арт-директора в БДСМ-атрибутике, а от искренности сделанного ей комплимента. Она почувствовала, как внутри разливается приятное тепло и в душе улыбнулась, хотя внешне сохраняла шокированный вид.

Янусик подхватил Арину под руку и повел прочь из комнаты. Татьяне пришлось последовать за ними. Пока шли по длинному и петляющему коридору, мужчина рассказывал, как на пару с коллегой спасал выброшенный из ближайшего театра реквизит, который очень удачно подходил им к теме сегодняшней вечеринки – «Восток – дело тонкое». Арина хохотала на все здание. Татьяна тоже пару раз посмеялась, потому что Янусик умело вплетал в повествование забавные словечки наподобие «соплеклювый хареносец».

Спустившись по белой деревянной лестнице с перилами в стиле классицизма, они оказались в полутемном помещении с невысоким потолком, с которого свисали блестящие толстые ленты, как украшение «дождик» для Нового года, только в увеличенном масштабе. Из освещения горели бра – средневековые канделябры с мерцающими желтыми лампочками в форме свечного огня. В центре зала расположилась диванная зона, которую окутал полупрозрачный белый палантин. За ней, прикрепленные к колоннам, висели плетеные гамаки. Вдоль стены, с которой они зашли, стояли такие же розовые пуфы, как в комнате с ширмами, только продолговатые. Везде, и на диванах, и в гамаках, и на пуфах, и просто в зале, были люди, одетые примерно так же, как Арина. Некоторые нарядились в изысканные, сшитые специально для вечеринки, костюмы самураев или гейш в максимально возможной без потери смысла эротической форме. Но по большей части гости были просто обтянуты портупеями или металлическими цепочками на голое тело, причем как мужчины, так и женщины. Одна девушка носила форму японской школьницы, только сквозь белую сетчатую блузку хорошо просвечивалась грудь.

Когда Татьяна спустилась с последней ступени лестницы на пол, музыка резко затихла. Люди сразу обернулись на сцену, идеально заполнившую выступ в боковой стене вместе с кулисами и оборудованием. Под барабанные, нагоняющие тревогу, звуки в центр сцены мелкими шажками на цыпочках вышла девушка в полностью прозрачном красном кимоно, накинутом на голое тело в стрингах. В руках она держала по вееру, каждый из которых в полном развороте был практически с нее ростом, но танцовщица вертела ими виртуозно, заворожив всех с первых движений.

Татьяна смотрела с восторженным изумлением. Все здесь сразу перестало казаться пошлым сборищем озабоченных фриков, а превратилось в тонкое искусство откровенного толка. Когда танец закончился, Татьяна с силой захлопала в ладоши и, не выдержав, восхищенно закричала вместе с другими впечатлительными зрителями.

– Вижу, тебе понравилось, – заметила Арина, выдавая взглядом чувство собственного торжества.

– Красивый танец, – Татьяна еще смаковала в уме увиденное. – Чувственный.

Ее поразила грация девушки и искренняя отдача, которая чувствовалась в каждом экспрессивном движении. Из танца сквозил сексуальный экстаз, но выглядело это не пошло и не отвращало, а, наоборот, притягивало и придавало сокровенности всей постановке. Татьяну поразила свобода танцовщицы. Будучи почти полностью голой, та не стеснялась своих эмоций и своего тела, которое вряд ли бы выставили на обложку журнала «Maxim». В нем имелись стандартные несовершенства: целлюлит, жировые складки, непропорциональность членов, но это никак нельзя было назвать уродством. Напротив, хотелось этим вдохновляться как уникальной красотой.

– Теперь понимаешь суть всего этого?

Арина дождалась, когда Татьяна посмотрит ей в глаза, и улыбнулась. Татьяна задумчиво глядела, пытаясь хотя бы про себя ответить на вопрос. Ей показалось, что она поняла, но озвучивать не стала. Вместо этого огляделась в поисках Янусика, но его в поле зрения не оказалось.

– Пойдем, я тебя кое с кем познакомлю, – сдалась Арина и под локоть увела Татьяну в другую часть зала за палантин.

Людей здесь было не так много, как в «Дэнсхолле», и, казалось, все они друг друга знали, потому что разглядывали Татьяну, как диковинку. Пристальное внимание уже не так ее смущало, хотя все равно заставляло прятаться за худую спину Арины. Татьяна осторожно поглядывала по сторонам, стараясь понять, что здесь творится.

На первый взгляд, не происходило ничего необычного. Люди тихонько танцевали по углам, не скапливаясь в большие кучи. Многие ходили по парам или малыми группами из трехпяти человек. Все были в откровенных нарядах, но не обязательно голые. Девушки носили открытые топики и очень короткие юбки, но в таких нарядах можно было и на улице встретить множество прохожих.

Ничего порнографического Татьяна не заметила. Она предположила, что пока не пришло для этого время, потому что само помещение располагало к сексуальным оргиям. Хотя бы диваны в центре зала, составляющие единый постельный ансамбль в форме замкнутого квадрата, должны были использоваться по назначению. Вдоль стен длинным рядом, как в галерее, висели картины, написанные в разных стилистиках, но на одну тему: изображали элементы половых актов или просто голые мужские и женские тела. Такие иллюстрации, нарисованные талантливо и в подробностях, будоражили воображение и против воли зрителя возбуждали.

Татьяна тоже почувствовала в себе прилив сексуального влечения, только это было странное, безобъектное влечение. До этого она испытывала такое острое желание лишь при встрече с Вадимом и четко знала, на что оно направлено. Теперь сознание терялось. Объекта желания не было, а само желание возгоралось внутри и с каждой картиной все сильнее. Это одновременно наводило страх и приятно щекотало нервы. Чтобы абстрагироваться и сдержать страсть в глубине себя, Татьяна тряхнула головой и перестала разглядывать все вокруг, уткнувшись в пол.

Они подошли к смешанной компании из пяти человек, которые пританцовывали под электронную музыку с бокалами в руках.

– Ромчик! – стараясь перекричать колонки, воскликнула Арина и вытянула из группы парня в самурайских доспехах. Такие вряд ли могли защитить, потому что были сделаны из крашенного под металл пластика и мало что закрывали. Пластины крепились только к плечам и окутывали пояс отдельными пластинами. С таким поясом при ходьбе все интимные зоны

хорошо просматривались. А под ними ничего не было, даже белья. Татьяна старалась туда не смотреть, хоть мускулистое тело и заманивало взгляд. Она переключилась на голову, на которой плотно сидел убор, напоминающий по форме шлем Дарта Вейдера из «Звездных войн», но имел на лбу здоровенные рога, тоже крашенные под латунь. Из-под шлема на голые плечи спадали длинные волосы.

– Ариша! – воскликнул Ромчик и полез обниматься.

Та мягко обхватила тонкими руками его спину и похлопала по пластине. От Ромчика несло вермутом. Татьяна почувствовала кислый запах спиртного даже на расстоянии пары метров.

– Ты жаловался, что не можешь никого найти на свой перформанс, – Арина указала головой в сторону Татьяны. – Вот, балерина.

Ромчик устремил в Татьяну приценивающийся взгляд и через секунду восторженно ахнул. Она снова насторожилась.

– Что еще за перформанс? – спросила у Арины с недовольством и предупредительно заявила. – Я не буду ни в чем участвовать.

– Очень жаль, – жалостливо надув губки и опустив глаза, проговорил Ромчик и сложил ладони вместе на уровне груди. – Ты мне идеально подходишь.

– Татьяна, где твой драйв? – хмыкнула Арина, поворачиваясь полубоком. – Ты сюда раскрепощаться пришла.

– Я сюда сама не приходила, – Татьяна встала в защитную позу со скрещенными руками.

– На работу ко мне ты сама напросилась, – ухмыльнулась Арина и подмигнула ей злорадно.

Татьяна вспыхнула внутри, но снова не нашла в себе силы противоречить директору. Ее бесила собственная немощность. В этот момент она тысячу раз пожалела, что сбежала от матери. Прежняя несвобода казалась теперь сказочной, а нынешняя больно кусалась и сопровождалась ехидными усмешками. Но жить хотелось. «В конце концов, кроме работы, терять мне больше нечего», – заключила она и согласилась.

Арина одобрительно улыбнулась. Ромчик от радости запрыгал на месте. Он был ниже ее на целую голову, а в прыжке как раз уравнивался с Ариной в росте.

– Восхитительно! – ликовал парень, прикрыв пальцами открывшийся рот. – Ах!

Ромчик хотел что-то добавить, но резко замолчал и помотал головой. Потом обошел Татьяну сзади и стал разглядывать ягодицы. Она от обжигающей близости пошатнулась и сделала пару шажков вперед. Засмущалась сильнее. После Янусика уже более-менее поняла, с кем тут придется иметь дело, но все равно в глубине нутра никак не могла не стесняться такого пристального внимания противоположного пола.

– Не бойся, Подсолнух, тебе здесь никто не причинит вреда, – успокоительно проговорила Арина, сунув большие пальцы обеих рук в кольца по бокам. – Как в известном анекдоте, расслабься и получай удовольствие.

Услышав это ласковое обращение, Татьяна обомлела. Вспомнила, что ее так уже называли. Сердце екнуло. Но она не успела ничего ответить, только запечатлеть веселую ухмылку директора, потому что Ромчик утащил ее в закулисье.

Они оказались в тесной комнатке с розовыми стенами и разбросанными повсюду шмотками, обувью и аксессуарами. Комнату освещал тусклый свет из угла. На входе Татьяна поскользнулась о черный стрипон на алом ремешке, упав ничком в атласный халат. Ромчик, охая и ахая, перебарщивая с заботой и беспокойством, помог ей подняться, потянув за подмышки, поставил на ноги и отряхнул со всех сторон, хлестая ладонями голое тело.

Татьяна, придя в себя, остановила его и отодвинула за плечи на расстоянии шага. Он был мускулист, но все равно хрупок, поэтому не вызывал реального страха, даже в грозном самурайском шлеме. Ромчик понимающе кивнул и прошел вглубь комнаты к трехкамерному

комоду, из верхнего ящика которого достал строительный мешок с мотками джутовой веревки разного калибра.

– Татьяна, – сказала он медленно, повернувшись наполовину.

В этом движении проявились вместе трезвость и твердость. Фигурный, геометрически правильный профиль его подсвечивался оранжевым настольной лампой с комода.

– Прошу, доверься мне полностью, и тогда получится красиво.

– Я даже не представляю, что ты собираешься со мной делать, – с нотками нервозности ответила Татьяна.

Ромчик, взяв в обе руки мотки веревки, спокойно подошел к ней и посмотрел в лицо. У него были маленькие глаза, но глубокий взгляд. За бирюзово-зелеными зрачками пряталась безмятежная уравновешенность и стальная уверенность, то, что люди называют внутренним стержнем. Он смотрел смело и открыто, как будто говорил мысленно, что ему нечего скрывать. Из позы пропала пьяная небрежность. Спина выпрямилась, плечи расширились, шея вытянулась вверх. Из-за одинакового роста глаза их находились строго визави. От такого напористого, но при этом нежного взгляда Татьяна почувствовала трепетное волнение.

– Я профессиональный мастер японской техники бандажа «шибари», – заявил Ромчик убедительно. – Я делал это уже тысячи раз. Для меня это искусство. К своим моделям я отношусь как ювелир к редким минералам.

– Что это такое?

Татьяна заволновалась сильнее, потому что никогда о шибари не слышала, но по веревкам смутно догадывалась.

– Тебе не придется ничего делать, – мастер выставил ладонь вперед и широко улыбнулся. – Тебе нужно будет только расслабиться. Все буду делать я.

Он подмигнул и завел Татьяну в комнату.

– Сними с себя все, – произнес быстро, развязывая веревки, на которых держалась грудная пластина.

– Что?!

Ромчик посмотрел на нее оторопело, а потом махнул рукой и добавил.

– Окей, трусики можешь оставить.

– А бюстгальтер?

– Он будет нам мешать. А вот туфли не снимай.

Татьяна набрала в грудь побольше воздуха, постояла так с полминуты, а потом с силой выдохнула, чтобы справиться с гневом. Она злилась не на Ромчика, потому что тот выглядел слишком мило, чтобы быть виноватым, а на Арину, которая силой ее сюда притащила и, пользуясь служебным положением, заставила делать странные вещи. Снова пришлось подчиниться. Казалось, точка невозврата пройдена. Теперь терять было точно нечего.

Она сняла лифчик, положив его аккуратно на комод под лампу. Растрепала волосы, подтянула резинку стринг, прикрыла грудь обеими руками, обняв себя. Ромчик с приветливой улыбкой подошел и надел на ей глаза алую повязку, которая полностью выключила для Татьяны визуальный мир. Холодный страх пробежался мурашками по телу.

– Самое главное правило, если тебе вдруг... – сказал Ромчик, хихикая, – Хотя такое, конечно, невероятно, но все же, если вдруг тебе станет больно, сразу говори об этом.

Татьяна снова напряглась, непроизвольно сжав ягодицы и руки вокруг груди.

Ромчик увел ее обратно в шумный зал. Они остановились. Он отпустил Татьянину руку и закопошился где-то рядом на полу. Танцевальная музыка стихла. Заиграла традиционная восточная мелодия с пиликающими звуками, которые сменялись негромкими басами.

Вместе с барабанной дробью по телу Татьяны пробежал волнующий трепет. Она всем телом чувствовала прохладные потоки вентилируемого воздуха и от каждого дуновения сжи-

малась. Сердце набирало темп. Дыхание учащалось. Татьяна переминалась с ноги на ногу в ожидании, когда все уде начнется, чтобы поскорее закончиться.

Наконец, она почувствовала приближение мастера. Правые плечо и бедро ощутили мягкое прикосновение гладкого тела. Мочку уха защекотало теплое дыхание.

– Расслабься и наслаждайся, – шепнул Ромчик и, мягко обхватив за запястье, вывел Татьяну на сцену.

Снизу раздались жидкие аплодисменты. Повязка спасала от пристального внимания толпы, хоть Татьяна и понимала, что все смотрят на нее и видят голую, дрожащую и беспомощную девушку. Она представила себя слабой и жалкой. Стало еще постыднее. Ягодицы опять сжались.

– Расслабься, – снова шепнул на ухо Ромчик и мягко провел пальцами по ее попе, спустившись на бедро.

Татьяна вздрогнула. Внизу живота вспыхнуло возбуждение. Выдох вырвался из груди. Она растерялась, потому что не знала, как реагировать на то, что происходит внутри и снаружи. Удивлялась себе, тому, как легко поддавалась этой игре и почему-то не пыталась выйти. Ей нравился этот трепет. Совсем не такой, как с Вадимом. Тогда с ним все было интенсивно эмоционально. Сейчас же – просто и безобъектно, оттого свободно. Она точно знала, что не Ромчик ей нравится, а собственные ощущения от его прикосновений.

Вместо традиционной музыки заиграла современная, мелодичная и спокойная. Такие обычно ставили фоном в классических гостиницах или семейных ресторанах. Поначалу Ромчик копошился сбоку. Потом Татьяна снова почувствовала его тепло, затем осторожные касания рук.

Мастер слабо надавил на плечи, посадив ее на пол. Татьяна медленно опустилась, положив ноги под себя. Ромчик взял ее руку и заложил назад за круглую гладкую палку, по фактуре напомнившую Татьяне бамбук, и привязал к ней. То же повторил со второй рукой. Затем присел сзади. Гладкие волосы коснулись Татьяниной голой спины, вызвав мурашки. Горячее пьяное дыхание обдало шею. Когда мастер перекинул руку через Татьяну, она почувствовала на лопатках пятно бархатной груди и невольно повела плечами.

Под диафрагмой формировался жесткий узел. Ромчик растягивал каждое движение на минуты. Долго тащил длинную веревку, медленно обвивал ей шею Татьяны, тщательно завязывал узлы и петли. Она замечала, как движения становятся скованнее. Сначала руки жестко зафиксировались на палке, затем палка примкнула к спине, и уже нельзя было свободно повернуться. Ромчик нарисовал веревкой на бюсте Татьяны ромбовидный узор, уведя веревку назад за спину, и опустил ее на бедра, обмотав их под самой паховой зоной.

Затем он привязал правую ногу к палке, подняв ее в воздух. Держать баланс стало сложнее, хотя веревки поддерживали. Татьяна чувствовала, что могла повиснуть на них и не упала бы. Вскоре в воздухе оказалась вторая нога. Она ощутила себя совсем немощной. Ее снова обуревало волнение, особенно когда влажный язык обжег шею. Это стало для Татьяны шоком, но, на удивление, приятным. Она вздрогнула, встряхнув и всю веревочную конструкцию. Ромчик остановил колебания, схватив ее за талию.

Татьяна на некоторое время перестала дышать. Ей показалось, что в зале возникло такое же напряжение. Мастер поднял одну ногу выше, наклонив Татьяну вниз, и покрутил ее вокруг оси, как колыбельную погремушку. Остановив вращение через минуту, он поднял вторую ногу и связал их вместе. Татьяна висела вниз головой, наполняя грудь воздухом под завязку, выгибала спину на выдохе, медленно вращалась.

Ромчик дал зрителям достаточно времени насладиться видом. Татьяна начала испытывать тяжесть в голове. Лицо горело от прилива крови, но не от стыда. Мастер выгнул ее на максимум, обмотал веревку под носом вокруг головы, связав ее с веревкой от ступней, которые

до этого сковал друг с другом, и снова толкнул палку, чтобы конструкция завертелась. Еще несколько минут отводилось зрителям на созерцание.

Татьяна услышала восторженные тихие «Вау» из разных углов зала и хотела улыбнуться, но помешали оковы. Она чувствовала короткие сухие поцелуи на бедрах и на руках. От каждого вздрагивала как в первый раз. С рук Ромчик перешел на шею, с шеи – на ключицу, а после ключицы принялся целовать по очереди груди, особенно смачно облизывая длинным языком соски. Мощная волна возбуждения пробежалась по связанному телу легкой судорогой.

– Хочешь продолжения? – прижавшись к Татьяниной щеке, шепнул мастер.

Татьяне нечем было ответить. Она даже помотать головой не могла, потому что веревка жестко фиксировала шею. Ромчик принял молчание за согласие. Вскоре она почувствовала прикосновение мягких и влажных губ к клитору, затем напористые движения гладкого языка. Пульсирующий трепет носился по нервам кругами, усиливаясь с каждой минутой. Она хотела вырваться и дергалась, насколько позволял бандаж, но получалось только раскручивать себя в воздухе. Стоны вырывались сквозь замотанный веревкой рот, превращаясь в отчаянное рычание. Татьяна задыхалась в судорогах, испытывая предоргазмические муки, пока не достигла пика, не вскрикнула и не обмякла, как девица, из которой только что изгнали дьявола. Все зааплодировали. Она еще минуту провисела в воздухе обессиленная, прежде чем Ромчик начал обратный процесс развязывания.

Пока он возвращал ей свободу, Татьяна смирялась с новыми эмоциями и ощущениями. Они казались ей предательскими по отношению к Вадиму, даже если он предал ее первым. И даже если Ромчик на его место ничуть не претендовал. Что-то внутри ее ругало. То ли мамин голос. То ли уже собственный. Вспомнилось улыбчивое лицо, все еще любимое, и то самое первое удовольствие, которое он ей подарил в свой день рождения. Тоска капканом захватила сердце, впилась в него острыми зубами и не разжималась целую минуту, пока тело не получило возможность снова свободно двигаться.

Тогда ее настигло послевкусие. Блаженство растекалось по венам вместе с кровью, отпускало всю боль, которой успело накопиться, и снимало напряжение постепенно. Татьяна приходила в себя. Любимые карие глаза тонули в сознании, становясь все более прозрачными.

Полностью освободившись от пут, она сняла повязку с глаз и увидела восхищенную публику, одаряющую их бурными овациями. Людей было немного, но аплодисменты получились громкими и бодрыми. Многие кричали «Браво», что было удивительно для Татьяны, ведь ничего особенно интересного, ей казалось, не произошло. А люди восторгались шоу. Ей даже захотелось посмотреть на это собственными глазами. Внутри она не ощущала такого великолепия, о каком восклицали зрители, за исключением физического удовольствия. Порой было даже неудобно, хоть и безболезненно. Но встретившись с несколькими парами восхищенных глаз, Татьяна почувствовала успокоение. Глядя им в глаза, она не испытывала стыда. Это было странное ощущение, потому что разум ругал ее за пошлость и предательство, пытался разбудить совесть и воспитанную скромность, заставить протрезветь и смутиться, а тело радовалось и дышало свободой, как после ароматной горячей ванны. Она ощущала себя очищенной от скверны, хотя какая-то часть сознания еще протестовала, убеждая другую часть, что все это, наоборот, было купанием в грязи.

Стоя на сцене, Татьяна неосознанно наслаждалась восторженным вниманием десятков незнакомых людей, улыбалась им, получая улыбки и любопытные взгляды в ответ, и испытывала облегчение на душе.

Когда они снова оказались в тесной комнате с комодом, Татьяна схватила Ромчика за руки и посмотрела в глаза с искренней благодарностью.

– Спасибо. Это было… классно.

– Знаю, – рассмеялся Ромчик. – Я мастер своего дела.

Они оделись и вышли в зал, где по углам некоторые пары занимались прелюдиями. Татьяна по юной своей наивности старалась туда не смотреть, хотя не замечать этого было невозможно. Она искала глазами Арину. Обнаружила ее в объятиях молодого человека с седыми волосами, полностью голого, который тискал ее за попу, а та со страстью целовала мощную шею.

Татьяна поняла, что директор занята, и остаток вечера ей придется провести в одиночестве. Но Ромчик любезно пригласил ее в свою компанию, которая, в отличие от большинства, ничем эротическим не занималась, а просто общалась, сидя на пуфиках. Они еще раз захлопали, когда Ромчик с Татьяной подсели к ним.

– Я получил эстетический оргазм, – сказал парень в черной сбруе поверх сетчатой водолазки.

– О да! – подхватила одна из девушек с розовыми волосами. – Шикарная композиция получилась.

– Это твое лучшее шоу, – подхватила другая девушка с толстой серебряной цепью, обвивавший торс полностью. – И твоя лучшая модель.

– Такой красоты я еще не встречал! – посмотрев на Татьяну, воскликнул второй парень, на котором из одежды была только простыня, наподобие греческого гиматия.

Ромчик принимал комплименты как само собой разумеющееся, даже не благодарил за них. А Татьяна робела и неуклюже пожимала плечами. Это было приятно.

Расхвалив шибари перформанс, ребята продолжили беседу в прежнем русле. И разговор этот, к удивлению Татьяны, касался не секса, а открывшейся недавно галереи современного искусства, которая поразила рассказчицу с розовыми волосами бунтарской экспозицией. Татьяна не разбиралась ни в искусстве, ни в политике, но вслушивалась внимательно, потому что девушка рассказывала интересно, находясь под сильным впечатлением.

Ночь пролетела как на реактивных крыльях. Татьяна с Ариной всю ночь провели порознь. Директор занималась сексом с разными партнерами и компаниями. Ее стоны в зале казались самыми громкими. Татьяна болтала с компанией Ромчика, непринужденно веселясь под всеобщую оргию, что творилась вокруг. Поначалу она чувствовала себя жутко неловко и постоянно оглядывалась по сторонам, отвлекаясь на резкие звуки, но в какой-то момент это превратилось в фоновый шум. Она глубоко увлеклась беседой, и все остальное размылось в сознании.

С Ариной они встретились только утром, когда вечеринка закончилась. Татьяна ждала ее на улице у автомобиля, разглядывая рассветное небо. Солнечные лучи окрашивали его в голубой. Легкие облака размывали белым. За забором гудели редкие автомобили. Вдалеке раздавались множественные женские голоса и задорный смех. В душе Татьяна к ним присоединилась. Последняя клякса полуночного позора отстала от нее еще на вечеринке. Душа казалась чистой, разум – свободным.

Вдруг пришло сообщение от Арины – фотография и видео. Татьяна сразу открыла и просмотрела. На фотографии была изображена красивая сцена, когда Татьяна висела, полностью связанная на бамбуковой перекладине, а Ромчик делал ей куннилингус. А на видео былл записан весь перформанс.

Глядя на саму себя связанную и голую, Татьяна краснела, но с любопытством разглядывала каждую деталь, наблюдала за изящным Ромчиком и его искусными руками, ловко и быстро связующими красивые узлы и путы. Потом началась часть, где Татьяна получала оргазм. Она прикрыла рот рукой от стеснения, глядя на собственный экстаз. Но в этом действительно что-то было. И красота, и свобода, и философия.

Арина прервала ее как раз на том моменте, когда Татьяна издала последний писк и повисла на веревках и стебле бамбука.

– Ну, как ночь прошла? – спросила директор издалека, шагая по парковке и разминая шею.

– Хорошо, – скрывая улыбку, Татьяна заблокировала смартфон.

Они сели в машину. Арина завела мотор. Перед стартом она повернулась к Татьяне и прищурилась.

– Легче стало?

Татьяна кивнула и широко улыбнулась. Арина, хмыкнув, включила радио. Заиграла бодрая песенка на французском языке. В Татьяниной памяти всплыли пейзажи Прованса, в котором она никогда не была, но в душе царила такая же безмятежность. Они выехали с территории завода и не спеша двинулись по полупустому проспекту.

– Тебя никто не сможет унизить, если ты сама не будешь унижаться, – сказала вдруг Арина после долгих минут молчания. – Унижение – внушаемое чувство. Нужна, конечно, огромная воля, чтобы не поддаваться ему. Но в тебе это есть. Ты только не умеешь с этим управляться.

Она посмотрела на Татьяну, как мастер на ученика, и усмехнулась, уловив смущение.

– Спасибо вам, – Татьяна опустила взгляд на глянцевый узор бардачка.

– Вежливость к тебе вернулась? – звучало с сарказмом.

Татьяна оторопела, вспомнив свою вчерашнюю грубость.

– Я просто… на нервах была… Извините, пожалуйста.

Директор захохотала.

– Коммон[1], Подсолнух… обращайся ко мне хоть «оно».

Татьяна сразу перестала чувствовать неловкость. В груди возникло ощущение комфорта, которое она раньше не осознавала. Ей с Ариной было почти так же уютно, как с Вадимом, словно она встретила кого-то из родни. Она не могла объяснить, откуда бралось это чувство, но радовалась ему, потому что остро в нем нуждалась. Это чувство мгновенно успокаивало и давало силы двигаться дальше.

[1] Come on [коммон] – с англ. Да ладно; да брось.

Глава 15. Поиски смысла

После испытательного срока жизнь стала казаться Татьяне стабильной и предсказуемой, даже размеренной. Выходные улетали в трубу. За три ночи она уставала как за полноценную пятидневную рабочую неделю. Больше от того, что в перерывах не всегда удавалось отдохнуть, а приходилось в спешке вымывать туалеты с Адлией либо помогать ей убирать в баре или на кухне. Первое время сотрудники, которые узнавали Татьяну в костюме уборщицы, удивлялись и задавали вопросы, но постепенно все привыкли. Некоторые танцовщики один раз высмеяли ее за это, но дальше одного раза шутка не разлетелась. Всем, по сути, было все равно, чем она занимается на досуге, главное, танцует в отведенное ей время в положенном виде в положенном месте. Только Арине она боялась попасться на глаза, чревом чувствуя, что та была бы против.

Теперь она танцевала не только у туалета за баром, но и в других местах. Правда, на сцену ее все еще не допускали. Отношение коллег не улучшилось. Света ее в основном игнорировала, лишь изредка отпуская колкие шуточки по поводу танцевальной битвы и того, что случилось сразу после. Татьяна просто научилась со временем легче к этому относиться, вспоминая, чему ее учила Арина.

Павлик частенько поглядывал на Татьяну, когда она танцевала в зале, иногда даже здоровался, но в целом не докучал своим вниманием, по большей части потому, что Татьяна его избегала. С подиумов для гоу-гоу она всегда уходила с опущенной головой, быстро пробиралась сквозь толпу напролом и исчезала либо в гримерке, либо в подсобке у Адлии. Чаще в последней, не давая возможности к себе подобраться. А если он ловил ее и успевал сказать пару слов, то Татьяна только кивала неразборчиво в ответ и как можно быстрее удалялась, игнорируя любые попытки продолжить разговор.

На буднях она иногда выступала с Ладой и Юрой то на Арбате, то на одной из центральных площадей. Больше рисковать с выступлениями на несанкционированных площадках они не пытались, потому что Лада боялась реакции матери, а Татьяна – попасть в полицию. Юра ничего не боялся, но, будучи по темпераменту флегматиком, не любил проявлять инициативу, потому во всем слушался Ладу.

Иногда после выступлений Татьяна оставалась с ними погулять по городу. Ребята показывали интересные молодежные местечки, в которых сами либо мечтали побывать, либо однажды уже побывали и стремились туда снова. Экскурсии эти были не столько познавательными, сколько легкими и веселыми. Во время них Татьяна по-настоящему наслаждалась текущими моментами без оглядки на прошлые. К тому же, ей было любопытно наблюдать за тем, как и чем живет город. Ей нравилась атмосфера лета и праздника, которая заряжала бодростью и жизненной энергией, чего Татьяне остро не хватало во время внезапных приступов одиночества и тоски по дому.

Из-за ситуации с полицейским Татьяна была вынуждена остаться жить у Адлии и на второй месяц, хотя вынужденность эта сопровождалась, скорее, приязнью и удовольствием, нежели неохотой и раздражением. С соседкой они за пару месяцев друг к другу хорошо притерлись, и съезжать от нее Татьяне уже не хотелось, даже когда она, наконец, смогла себе это позволить.

Адлия учила ее готовить интересные и простые блюда, подсадила на турецкий сериал, в котором было больше тысячи серий и нереалистичные, но при этом очень захватывающие сюжетные линии. Адлия умело отвлекала Татьяну от тоски по маме, Вадиму и Питеру незамысловатыми, но богатыми опытом жизненными историями. А Татьяна по-прежнему помогала ей убираться в клубе и иногда могла подсобить в шитье сторонних заказов, что ей тоже нравилось.

К концу лета они с Адлией сшили еще один костюм, более классический для гоу-гоу. Татьяна выбрала черное боди, облепила его стразами и уговорила Адлию вышить на нем красивый белый узор в виде мороза на зимнем стекле. Добавила к этому белые шортики и такие же босоножки из холщовой ткани на толстом каблуке. Арина образ одобрила почти без правок, потому что Татьяна придумывала его исходя из уже одобренных ранее арт-директором костюмов других танцовщиц «Дэнсхолла».

Вне работы требовалось налаживать быт. На улице заметно холодало, а Татьяне толком и переодеться было не во что. Все необходимое пришлось покупать заново. Особенно важным для нее было приобрести шляпу, широкополую, кашемировую, ярко-желтую, такую же, какую она привыкла носить в прошлой жизни.

Зарплата не успевала попадать к ней в руки, как тут же разлеталась по кассам магазинов. Раньше Татьяна тратилась на одежду и обувь, особенно не задумываясь о цене. На маминой карте всегда хватало денег на ее прихоти. Но теперь у нее не всегда оставались средства даже на еду. Такому безответственному подходу к финансам способствовала добросердечная щедрость Адлии, которая легко делилась с ней пищей.

Помимо всего прочего, нужно было позаботиться и о красоте. Тратиться приходилось не только на костюмы и обувь для танцев, но и приведение себя в идеальный порядок: маникюр, педикюр, лазерную эпиляцию и другие процедуры. Кроме декоративной косметики, требовалось множество различных уходов за кожей лица, тела, ног и всего остального. В общем, в реальности все оказалось гораздо сложнее, чем Татьяна себе изначально представляла. Но на удивление себе она не хотела этого прекращать. С каждым разом она все больше вливалась в танцы и в эту сферу. С каждым разом становилась все опытнее и приобретала новые навыки. С каждым разом высвобождала себя все больше, обнажая не столько тело, сколько душу. Как говорила Арина, она познавала саму себя.

Дни становились короче. На небе все чаще сгущались тучи. А в ясные дни солнце уже не жарило, а лишь слегка припекало. Выступать на улице в нижнем белье становилось прохладно и опасно для здоровья, поэтому в последние дни Татьяна стала отказываться от заманчивых предложений Лады и Юры провести несколько счастливых часов на Арбате или какой-нибудь площади.

С первого октября она решила записаться на курсы по рисованию и анимации в ту школу, которую выбрала еще перед побегом.

Город сковало ощущение приближающейся зимы. По ночам случались заморозки, оставляя после себя иней на асфальте и еще зеленой траве. За день все успевало подтаивать, но влажный ветер кусал холодом щеки и пальцы, а солнце предпочитало прятаться за хмурыми облаками. Деревья краснели и желтели, скидывая по чуть-чуть мертвую листву на дороги и тротуары. Остатки некогда пышных крон вытаптывались ежедневно миллионами ног и выметались в канавы тысячами дворников по всему городу.

Татьяна медленно шагала по мокрому асфальту, высматривая номера домов в поисках нужного. Школа находилась в центральной части города, но на глухой улице, далеко от метро, в недорогом бизнес-центре, в каких обычно арендуют помещения специализированные интернет-магазины или небольшие турфирмы, продающие горячие путевки. Пятиэтажное здание построили примерно в начале прошлого столетия. Свежая желтая краска на фасаде и этикетки на коричневых стеклопакетах говорили о недавней реставрации.

Внутренняя отделка выглядела дешевой и безвкусной: белые в крапинку навесные потолки, бежевая полосатая плитка на полу и выкрашенные в бледно-коричневый стены. На входе не было поста охраны, но висела табличка с названиями организаций, которые базировались в этом центре.

Школа располагалась на пятом этаже. Подниматься пришлось пешком. Каждый шаг по обшарпанной лестнице отдавался по всему пролету мелким скрипом. На последней лестничной клетке перед Татьяной предстала единственная дверь с указанием логотипа школы.

Она нажала на белую кнопочку звонка. Через несколько секунд, словно выжидала, девушка в очках и джинсовом комбинезоне открыла дверь. Пухлая и подвижная, она с широкой улыбкой поприветствовала Татьяну и провела внутрь помещения.

Сразу на входе стояла классическая стойка. Кресло пустовало. Администратор представилась и начала спрашивать у Татьяны, в первый ли она раз пришла и зачем вообще пожаловала, а потом повела за собой по длинному коридору сквозь стеклянные стены, разделяющие учебные аудитории.

Здесь было много света и стекла, из-за чего пространство казалось обширным, но на самом деле все помещение представляло собой небольшой прямоугольник, поделенный узким коридором на две половины, каждая из которых делилась еще на три одинаковых прямоугольника.

Сквозь прозрачные стены Татьяна видела убранство всех кабинетов, которые мало чем отличалось друг от друга. В первых четырех из них посередине в ряд, как в обычных школах, стояли письменные столы с компьютерами и офисными креслами на колесиках. Вдоль несущих стен встали стеллажи со всеми необходимыми инструментами, материалами и всякой всячиной. Пустое пространство заполоняли картины, нарисованные в разных техниках: отпечатанные цифровые изображения, масляные холсты, акварельные рисунки и многое другое.

Все аудитории были наполнены людьми, хоть и не все столы заняты. Некоторые сидели на стульях с картонными планшетами и рисовали карандашами. Кто-то работал на компьютере мышкой. Часть студентов пользовалась графическими планшетами и стилусами. Татьяну привели в самую дальнюю комнату, не для учебы. За столом сидела девушка в дырявых джинсах и вязаной кофте оверсайз, оголяющей левое плечо.

– Здравствуй! – приветливо воскликнула она. – Меня зовут Катя. Рада приветствовать тебя в нашей школе.

– Спасибо. Татьяна, очень приятно.

Девушка в комбинезоне незаметно исчезла из кабинета.

– Присаживайся и рассказывай, зачем пришла, чего хочешь, чего ждешь от нас и от себя по окончании обучения, – сказала Катя, положив руки треугольником на стол.

Татьяна замялась, растерявшись. Она думала, это они должны ей рассказать, чего следует ожидать от школы и от себя самой после обучения, потому глуповато посмотрела Кате в глаза, слегка согнув плечи в попытке пожать ими, но остановила невольный жест и задумалась.

– Не знаю. А чему здесь учат?

– Разному, – растерялась Катя, приподняв брови и застыв взглядом на лице Татьяны. – Что именно тебя интересует?

– Мультики... Наверное...

Татьяна все-таки пожала плечами.

– Угу, – одобрительно кивнула Катя. – Значит, мультипликация. Уровень рисования оценить свой можешь?

– Нечего оценивать.

В голосе Татьяны чувствовалась легкая нотка стыда, но Катя отреагировала бодрой улыбкой, будто это не было проблемой.

– Окей.

Она перекинула взгляд на экран монитора. Татьяна молчала в ожидании того, что ей сейчас предложат. Катя недолго копалась в компьютере, что-то читая и просматривая, а потом снова вернулась к ней с широкой улыбкой.

– Ну, смотри, – деловито начала она. – Могу предложить тебе годовой курс по основам рисования и анимации. Он как раз предусмотрен для новичков с нуля. Первые три месяца ты посвятишь скетчингу, как раз научишься рисовать простые, но самые разнообразные вещи. Постепенно рисование будет усложняться. Добавится рендеринг, колористика, композинг. Как пройдешь скетчинг, параллельно начнешь изучать азы анимации. Освоишь самые популярные программы для создания анимированных эффектов. Потом, если захочешь, сможешь продолжить обучение и во второй год уже более глубоко окунешься в профессию мультипликатора. Тот курс предназначен уже для студентов среднего уровня.

– Мне подходит, – просто ответила Татьяна, хотя процентов восемьдесят из сказанного не поняла.

Катя улыбнулась шире, видимо, обрадовавшись такой непридирчивости.

– Отлично! – она перебрала бумаги на столе перед собой. – Курс стоит десять тысяч в месяц. Оплачивать нужно до первого числа следующего месяца. То есть если начнешь сегодня, то первый платеж надо внести до первого ноября.

Катя взяла синий кожаный блокнот и начала искать что-то в записях.

– Какие дни недели тебе подходят для занятий?

Татьяна готовилась к этому вопросу, потому сразу назвала вторник и четверг.

– Отлично. В эти дни у нас работает Виталий. Будешь учиться у него. Все новости и всякие объявления по поводу расписания и тому подобное найдешь в группе, в которую он тебя пригласит.

Татьяна кивнула.

– Ну, что ж, если нет вопросов, то давай, заключать договор? – Катя снова расплылась в миловидной улыбке.

На формальности ушло примерно полчаса. После чего Катя отвела Татьяну в аудиторию и посадила за первую парту, единственную свободную. В ожидании преподавателя Татьяна разглядывала мультяшные и не очень рисунки на стенах, показывающие, какого уровня мастерства можно добиться.

Вдруг раздался гром и искрящие звуки молний, от чего Татьяна вздрогнула. Она непроизвольно повернулась на звук и увидела на соседнем мониторе сплошную стену из серебристого дождя, капли которого постепенно распались на осколки, а осколки превратились в мелких летучих мышей. На фоне раздался характерный шум взмахов тысячи крыльев, сопровождаемый скрипучим карканьем и скрежетом заржавевшего металла. У Татьяны по спине пробежали мурашки, будто стая пронеслась мимо нее. Вскоре черные крылья улетели за кадр, а из темноты всплыли старинные узорчатые ворота в форме арки, шатающиеся на ветру. Снова загремел гром, и засеребрился дождь.

За партой слева, водя стилусом по планшету, сидел парень. Сбоку Татьяна видела только щекастое небритое лицо с крупным фигурным носом, как у Колывана из серии мультфильмов про трех богатырей[1]. Маленькие серые глаза часто моргали, прячась за густыми бровями. Телосложение у него было такое же крупное, широкое, упитанное.

– Что ты делаешь? – не сдержав любопытства, спросила Татьяна, заглядывая в экран, тем самым почти нарушая границы личной зоны, приемлемой для незнакомцев.

Парень рассеянно на нее посмотрел, чуть скосив глаза – не хотел отрываться от монитора.

– Да так, личный проект, – отмахнулся он волосатой лапой. – Друзья попросили для квеста.

– Крипово[2],– оценила Татьяна, использовав новое словечко, перенятое от Лады.

– Стараюсь, – усмехнулся парень, по-прежнему не отрывая глаз от своей работы.

Татьяна вернулась в прежнее положение, перестав вытягивать шею, поскольку не чувствовала никакой искры – разговор не завязался.

Она посмотрела на черный выключенный экран перед собой и поджала губы. Монитор соседа выглядел явно интереснее и манил ее. Картинка продолжала меняться и двигаться. За воротами с обеих сторон отчетливее проявлялись ровные каменные глыбы с памятными надписями и потускневшими фотографиями. Некоторые из них ограждались низкими ржавыми заборчиками. Некоторые были уложены еще свежими цветами. Постепенно вдалеке вырисовывались очертания тысячи подобных могил и памятников. С краев угрюмо свисали голые ветки полумертвых деревьев и торчали иголками облезлые кусты. Один блеклый фонарь на искривленном столбце со скрежетом покачивался в такт разносившему ужас ветру. Картина нагнетала отчаяние.

– Это ты все сам сделал? – любопытствовала Татьяна от скуки.

– Ага, – горделиво ответил парень, поправив пятерней спадающие на лоб отросшие волосы.

– Мне нравится, – честно призналась она.

Парень покосился на нее с самодовольной усмешкой, но ничего не ответил, даже не поблагодарил за похвалу.

И снова показалось, что разговор на этом должен иссякнуть. Парень опять уткнулся в экран, вытянув голову вперед, будто не проще было увеличить масштаб картинки в программе. Татьяна наблюдала за тем, что он делает, хоть ничего и не понимала. Он просто тыркал кнопки в боковой панели управления. А через минуту полностью повернул к ней лицо и спросил:

– А ты че, в первый раз?

– Угу.

– Чему учиться пришла?

– Мультипликации. Наверное.

– Есть идея мультфильма?

– Я же даже рисовать не умею.

Парень посмотрел на нее сбоку и выдавил мелкий смешок, будто она ответила невпопад.

– Ну, а идея-то есть?

Татьяна отрицательно покачала головой. Ей было невдомек, почему он настаивает на своем вопросе, когда ответ казался очевидным.

В этот самый момент подошел преподаватель. Он представился, хотя не нуждался в этом, потому что огромный круглый бейдж, свисающий с шеи, говорил все за него.

Виталий не выглядел, как типичный художник. Он был не стар, не бородат, не носил кепок и даже не имел шарфа. Где-нибудь на улице Татьяна бы спутала его с инженером второго разряда на предприятии, выпускающим ту же самую продукцию еще со времен эпохи застоя. Впрочем, Вадим тоже не был похож на художника. Татьяна сделала вывод, что художники бывают разные. В конце концов, за соседней с ней партой сидел третий пример их профессионального многообразия, ничуть не похожий на первых двух.

Виталий только поздоровался и, даже не поинтересовавшись, на каком уровне Татьяна владеет кистью и владеет ли вообще, а уж тем более стилусом и планшетом, дал ей задание нарисовать домик.

– Так сразу? – опешила она. – Но я не умею рисовать.

– А чему ты хочешь здесь научиться? – недоумевал Виталий.

– Не знаю, – пожала плечами Татьяна, удивляясь, почему все в этой школе об этом спрашивают. – Рисовать, наверное.

Ей казалось несомненным, что в школу рисования и анимации приходят учиться рисовать и анимировать.

– Так рисуй. Как можешь. Не бойся, двойки я не ставлю.

Виталий по-преподавательски снисходительно улыбнулся и вручил Татьяне черный стилус. Он помог разобраться более-менее в программе, открыл «чистый лист» на экране и сказал позвать его, когда она закончит.

Воистину никого здесь не интересовал ее бэкграунд, способности и знания. Все только спрашивали, чего она желает, как будто действительно достаточно было лишь пожелать, чтобы что-то получилось. Но Татьяна по себе знала, насколько одного желания недостаточно. Или, наоборот. Вдруг подумалось, что, возможно, ей как раз желания всегда не хватало. Ведь возможностей мама ей обеспечила сполна.

Отбросив глубокие размышления, Татьяна принялась за рисунок. Линии выходили кривыми. Круги больше походили на разодранные овалы. Формы получались непропорциональными и сюрреалистичными. Но через полтора часа усиленного освоения стилуса и планшета она смогла нарисовать простенький дом с окнами, дверцей, трубой и даже крыльцом. В последние пять минут пририсовала забор и травку во дворе, войдя в кураж.

Закончив и не найдя в кабинете преподавателя, она снова уткнулась в рядом стоящий монитор и стала наблюдать за действиями соседа на экране.

– А ты чему учишься? – Татьяне хотелось заполнить неловкую паузу, которую парень, казалось, не испытывал. Он увлеченно крутил нарисованного паука, меняя его положение на воротах.

– 3-д-мэппингу, – быстро ответил, не отвлекаясь от работы.

– А что это такое?

Парень посмотрел Татьяне в лицо, видимо, пытаясь понять, насколько простым языком с ней нужно разговаривать.

– Ну, всякие видеопроекции на здания там или еще на что-нибудь. Видеодизайн.

– Ааа, – протянула она, вспомнив световые шоу на Дворцовой площади, которые они посещали с мамой и которые ее не впечатлили.

– А то я сейчас помощником светотехника в театре работаю. Так, фигней всякой только занимаюсь.

Парень широко зевнул, не прикрывая рта. Татьяна слабо улыбнулась.

– А я хочу творить великое, – сказал он без пафоса. – Я знаю, мне это судьбой предначертано. Люди моего знака зодиака больше всего входят в историю.

Она улыбнулась такому самомнению. Даже позавидовала. А потом задумалась, чего хотела сама. Никаких идей она не имела, а о великом и не мечтала. Всегда полагала, что у нее нет художественного вкуса и видения, хотя бы такого, какое было у Даши. Все выставки современного искусства, которые она посещала вместе с бывшей подружкой, не вызывали у нее восторга и не навевали глубокомысленные рассуждения о метафизике бытия. Они никак ее не вдохновляли. А мультики казались слишком простыми, чтобы на что-то вдохновлять.

– Неплохо, – вдумчиво произнес Виталий, возникнув над Татьяниной головой сзади.

Она немного вздрогнула от неожиданности. Преподаватель уперся рукой в правый бок и всмотрелся в рисунок.

– Начнем, пожалуй, с азов, – вынес он профессиональный вердикт. – Открывай курс скетчинга тогда.

Татьяна даже не успела порадоваться его первоначальной похвале, как осознала, что рисовать она не умеет от слова совсем, и это ее немного огорчило, хотя не было неожиданностью.

– А есть ли смысл? Или, может быть, это не мое? – спросила она в отчаянии, боясь, что снова сворачивает не в ту жизненную степь.

– Не понял, ты сюда учиться пришла или смысл жизни обсудить? – уставился на нее в недоумении Виталий.

Несколько долгих секунд он ждал от Татьяны дельного ответа, но она только по-детски глупо смотрела. Даже плечами не стала пожимать, потому что вопрос поставил ее в ступор. Поняв, что не дождется, преподаватель добавил:

– Пока будешь тратить время на поиски смысла, сама жизнь пройдет. Так ничему и не научишься.

– Мудрые слова, – подхватил сосед, громко шмыгнув объемным носом.

– Учиться, конечно, никогда не поздно, – сказал Виталий, внушительно взглянув Татьяне в глаза, добавляя тем самым сто процентов истинности утверждению, – но чем раньше начнешь, тем больше времени останется на поиски смыслов.

– Пожалуй, – Татьяна опустила голову.

В качестве домашнего задания он попросил ее заполнить чистый лист А4 короткими прямыми линиями под разными углами, следующий – кружочками, третий – квадратиками, последний – треугольниками. Татьяна в этом задании тоже не видела особенного смысла, но говорить об этом не стала. Задав домашнюю работу и открыв доступ к первому уроку, преподаватель отпустил Татьяну домой. Когда она натягивала шляпу у выхода, ее нагнал самоуверенный сосед.

– Ты до метро? – спросил непринужденно, будто они уже который год учились вместе.

Татьяна кивнула и подождала, пока он застегнет куртку темно-синего цвета на коричневые пуговицы. Полосатый шарф парень просто накинул на шею, а шапку вовсе не носил. Одеться ему хватило минуты, и они вместе вышли на улицу.

– Меня, кстати, Русик зовут.

Татьяна тоже представилась, добавив вежливую фразу о приятности знакомства. Парень на это только хмыкнул.

– А в каком театре ты работаешь? – спросила она для поддержания разговора.

– В Большом.

– Вау, – вырвалось из нее непроизвольно.

– Ну, я же там не на сцене играю. А всего лишь свет выставляю, – заскромничал Русик. – И то по чужой указке.

– Все равно круто, – заметила Татьяна. – Мои одногруппники мечтали попасть в Большой в любом качестве, главное, попасть.

Они вышли на улицу. В глаза ударил солнечный луч, пробившийся между кучными серыми тучами, но сразу угас, поглощенный наплывшим облаком. Собирался дождь. Они ускорили шаг.

– А на кого ты училась?

– На артиста балета.

– Вау, – теперь вырвалось из Русика.

– Но я им не стала, – поспешила объясниться Татьяна. – Я танцую, но не балет.

– А что тогда?

– Гоу-гоу… в ночном клубе, – призналась она, посмотрев парню в лицо, чтобы увидеть реакцию.

– Прикольно, – сказал Русик без особой эмоциональной окраски, а потом оглядел ее с ног до головы и добавил. – Хорошо, что ты не стала балериной. Они все заносчивые.

Татьяна заулыбалась.

Дальше они обсуждали 3-д-мэппинг, потому что Татьяна захотела подробнее узнать об этом виде искусства. Русик начал с самых азов работы. Он увлекательно об этом рассказывал, потому что сам этим был увлечен. Его завораживала игра света и тени и то, как их смешением можно передавать абсолютно все формы. 3-д-мэппинг расширял эту игру, придавая даже бесформенным вещам любые очертания и объемы. Он позволял оживлять не только здания, но и простые предметы при правильном расчете и установке оборудования. Он трансформиро-

вал реальность, чем Русик особенно восторгался. По его словам, 3-д-мэппинг открывал почти безграничные возможности для творчества, хоть и являлся во многом техническим производством.

Лекция тянулась до самого метро и могла бы продолжаться, но им было нужно расходиться по разным веткам.

– Жаль только, практиковаться негде, – с грустью заключил Русик. – На работе, конечно, не разгуляешься.

Он глубоко вдохнул и быстро выдохнул.

– Ну, ладно, до следующего раза, – парень махнул рукой и направился к переходу на свою ветку.

Татьяна ответила ему улыбкой и отправилась на перрон. Сев в вагон метро, она перекручивала мысленно новую информацию и улыбалась до самого эскалатора на выход.

[1] «Три богатыря» – российская приключенческая комедийная франшиза, куда входят полнометражные мультипликационные фильмы, повествующих о приключениях трёх самых известных богатырей — Алёши Поповича, Добрыни Никитича и Ильи Муромца.

[2] Крипово – жутко, от англ. «creepy» (крипи) – жуткий.

Глава 16. Айболит

К Хэллоуинской вечеринке клуб готовился целый месяц. Был забронирован крутой американский диджей, о котором слышали все, кроме Татьяны. К его приезду готовились тщательно. Арина с музыкальным директором постоянно ходили парочкой, обсуждая рабочие вопросы, командовали в унисон, а в последнюю неделю и вовсе пропали, будто ушли в отпуск, появившись только на самой вечеринке.

Зал «Дэнсхолла» погряз в мрачной атмосфере. Повсюду валялись злобные тыквы, подсвеченные изнутри красными гирляндами. Сцену украсили металлической аркой, обвитой искусственным плющом и увядшими цветами. Все заляпали алой краской. С потолка по всему залу свисали бумажные летучие мыши с шуршащими от каждого дуновения крыльями. Стальные декоративные статуи, которые и без преображения неплохо вписывались в интерьер Хэллоуинской вечеринки, почему-то было решено заменить на ведьминские чаны. Из них выходили разноцветные пары. А рядом с каждым стояла деревянная метла со скрученными вместе натуральными прутиками.

В холле установили промостойку в форме надгробия с вырезанным овалом в том месте, где обычно вставляют фотографию покойника, а под ним указывались годы жизни: «от ∞ до н.э. до ∞ после н.э.». Каждый желающий оставить себе памятное фото мог выбрать табличку с саркастическим кредо.

Посетителей в костюмах впускали бесплатно, поэтому большая часть гостей приходили в образе. Чаще других встречались зомби, вампиры и ведьмы, но попадались и супергерои, «гаррипоттеры» и даже персонажи из «Ну, погоди!».

До начала основного представления все танцовщики теснились в гримерке. С ними работали визажисты. Те, кто уже сделал макияж, просто ходили по комнате от одного коллеги к другому, болтали и мешали остальным. Чтобы не быть такой, Татьяна отправилась в подсобку к Адлии, где они целый час за чаем слушали забавные истории ее напарницы.

Когда пришло время убирать туалеты, не дослушав до конца последнюю, они накинули халаты и вышли из подсобки в служебный коридор. Татьяна услышала громкий стон из-за двери напротив. В туалете кому-то явно было очень больно. Адлия тоже это услышала. Они переглянулись и замерли.

Попросив Адлию подождать, Татьяна вошла в туалет. Там, стоя на одной ноге и опираясь рукой о стену, постанывала Света, уже полностью готовая к выступлению, в костюме и с макияжем, только вторую ногу держала в воздухе, как поврежденную. В ответ на Татьянино удивление она подняла перекошенное от боли и злости лицо.

– Что с тобой? – не самым доброжелательным тоном спросила Татьяна, предвкушая очередную обидную колкость.

– Не твое дело, – прорычала сквозь зубы рыжая и очень аккуратно потянула ногу вниз в попытке поставить на землю.

Татьяна уже хотела фыркнуть и закрыть дверь, но в этот момент, оттолкнув ее, в туалет влетела арт-директор.

– Свет, ну, че? – Арина выглядела взбудораженной.

Та резко перестала тяжело дышать и выпрямилась, но ногу не осмелилась поставить на пол.

– Нормально, – выдохнула Света тяжко. – Сейчас таблетка подействует.

Арина смерила ее сильно сомневающимся прищуром и попросила встать на ногу твердо. Света попыталась, но тут же вскрикнула от боли, быстро прикусив губы, чтобы больше не издавать ни звука.

– Какая нахрен таблетка? – сурово спросила директор, замотав головой. – Ты так связку порвешь, даже если она подействует.

– Не порву, – с пылом ответила Света, глубоко вздохнув, а потом помотала головой и пробурчала себе под нос. – Блядь, надо же было так оступиться.

– Короче, я беру Олю на замену. Она уже готова, – быстро проговорила Арина и развернулась к выходу, который загораживала собой Татьяна.

– Стой! – крикнула Света. – Я справлюсь. Пять минут.

Арина посмотрела на нее скептически и закачала головой.

– Езжай лучше домой. И отлежись хотя бы недельку.

– Нет! У меня ребенок, сестра и ипотека, – Света выпрямила спину. – Ты же не оплатишь мне больничный?

Последнее предложение больше прозвучало, как отчаянное утверждение, нежели вопрос, но искра надежды в нем чувствовалась.

– Нет, условия одинаковы для всех. Ты на них согласилась, – бесстрастно ответила Арина, развернувшись полубоком. – А сестру ты сама себе на шею посадила.

Она скрестила руки на груди и прикидывающим взглядом еще раз посмотрела на танцовщицу, но затем мотнула головой и двинулась к выходу, уткнувшись в Татьяну. Она застыла в нерешительности, не давая ей прохода. Хотела что-то сказать Арине, но, как обычно, из-за растерянности не могла подобрать подходящие слова, поэтому просто раскрыла рот и посмотрела в глаза. Арт-директор нахмурилась и хмыкнула.

– Пройти дашь? – спросила она с легким раздражением.

– Я могу помочь, – выпалила Татьяна.

Она бросила на шипящую от боли Свету молниеносный взгляд и быстро вернула его Арине. Та перевела вес на одну ногу и застыла в немом ожидании.

– Мама меня заставляла тренироваться несмотря на травмы, – пояснила Татьяна и вздохнула. – Зато научила, как притуплять боль, и не доводить до плачевных последствий.

Она заметила, как Света прислушалась и затихла. В глазах ее сверкнула заинтересованность.

– Некогда мне с вами в Айболита играть, – Арина отодвинула Татьяну за плечо и вышла в коридор.

Света замотала головой обессиленно. Татьяна вышла следом за арт-директором, но побежала в гримерку, снова попросив Адлию чуть-чуть подождать. Вернулась через минуту со своей сумкой. Света сидела на полу, положив голову на колено, когда они с Адлией вошли в туалет. Рыжая подняла на них недобрый взгляд и попыталась встать, но Татьяна остановила ее рукой за плечо, сказав:

– Садись. И вытяни ногу.

Сама она села на корточки рядом, бросив сумку на пол.

– Что болит?

Света показала на область между выпирающей из ноги косточкой и пяткой с наружной стороны стопы. Татьяна достала из сумки анестезирующий гель и нанесла его массажирующими движениями на это место. Больная зажмурилась.

– Жжет, – прошипела она.

– Пройдет через пару минут, как и боль, – успокоила ее Татьяна. – Надо зафиксировать.

Взяв эластичный бинт, она начала туго обматывать ногу, не обращая внимания на шипение Светы. Через минуту, когда перевязка закончилась, рыжая выдохнула и расслабилась, вытянув обе ноги. Татьяна быстро встала, оставив на полу тюбик.

– Дарю. Тебе пригодится в эти выходные, – сказала она, посмотрев на Свету холодно.

Та подняла на нее утомленный взгляд. Лицо немного кривилось от боли. Рот превратился в косую полосу. Грудь тяжело вздымалась.

– И что, думаешь, поможет? – в голосе звучал скепсис.

– Мне помогало, – Татьяна сжала в руке ремешок сумки.

Света хмыкнула и опустила голову. Татьяна поняла, что благодарности не дождется, поджала губы и вышла из туалета, оставив рыжую на полу вместе с гелем. Адлия вскинула брови и вышла следом.

Через пятнадцать минут Татьяна увидела, как Света легкой походкой шагает к сцене, снова гордая, самоуверенная и бойкая, и самодовольно хмыкнула.

Зрелищной частью программы должен был стать шабаш ведьм и другой нечисти, в котором танцовщики разбегались по залу и танцевали странные ритуальные танцы прямо в толпе, а иногда приставали к посетителям и внушали им страх. Потом забирались на сцену и развлекали публику не столько хореографией, сколько судорогами под зловещую музыку. Каждый танцовщик имел свой образ. Кто-то играл ведьм, кто-то вампиров, кто-то монстров типа Франкенштейна или зомби. Татьяну превратили в призрака девочки с хвостиками и окровавленным бантом в разодранном в клочья платье.

Номеров было поставлено несколько. В самом последнем по сюжету ведьмы вырастили огромную тыкву с жуткой ухмылочкой, которая медленно двигалась по сцене, как Пакман, и жрала всех, кто ее создал. Танцовщики, изображая вынужденное притяжение, запрыгивали в открытую пасть и на корточках выбегали за сцену. Когда закуска закончилась, тыква с помощью звуковика, прожекторов и колонок грозно прорычала: «Конец настал», и в толпу полетели сотнями игрушечные липкие пауки «лизуны». Девушки заверещали в ужасе и бросились врассыпную или в объятия своим ухажерам, а те надрывались от смеха.

Потом пригласили диджея и началась обычная дискотека, только танцпол заполонили мертвецы, монстры и словно заглянувшие не на ту вечеринку герои комиксов. Татьяна со Светой больше не пересекались. Но один раз за ночь, уже после шоу, Татьяна поймала улыбчивый взгляд рыжей, когда танцевала на подиуме в зале возле чана с метлой, а та крутилась вокруг шеста над сценой. Взгляд этот был молниеносный, но Татьяна почувствовала легкое тепло в нем. Потом Света перевела его на толпу перед собой и бездушно улыбнулась в воздух. Татьяна благодарила себя сама, утешаясь тем, что хотя бы у одного ребенка в этом месяце не упадет качество жизни.

Глава 17. Голубые глаза

По вторникам и четвергам Татьяна ходила в школу рисования. Виталий подробно все объяснял, не уставая править нелепые ошибки, даже те, которые она совершала не по незнанию, а по невнимательности. Несмотря на постоянные исправления, преподаватель хвалил ее за старательность, усердность и аккуратность, что для Татьяны было главным стимулом развиваться. Она с охотой внимала всем замечаниям. По совету Виталия, даже подписалась на всевозможные публичные страницы в социальных сетях, посвященных искусству, чтобы улучшать «насмотренность». Для этого ей пришлось завести новый профиль, но это действительно работало.

Купив простенькие ноутбук и графический планшет, Татьяна теперь могла с комфортом заниматься дома. Выполняя очередное домашнее задание, она пыталась нарисовать карандашом носорога, когда получила аудиосообщение от Лады.

За окном темнело ноябрьское небо. Не было видно ни одной звезды, зато в окно вливался оранжевый свет дорожных фонарей. Адлия строчила ткань на швейной машинке, выполняя очередной заказ на детский костюм для бальных танцев, и смотрела бесконечный турецкий сериал. Татьяна невольно вслушивалась в происходящее на экране, но присоединиться не могла, потому что обязалась закончить с носорогом к завтрашнему занятию.

– Танюха! Нужна твоя помощь! Сооос! – молил бодрый девчачий голос из мессенджера.

Татьяна коротко написала: «В чем?». Ответ пришел мгновенно:

– Я решила тут поучаствовать в школьном конкурсе. Нужно забацать номер. Юрец уже в деле.

В сотый раз стерев рог на носу животного, который никак не получался нужной формы, Татьяна напечатала: «Когда?». На этот раз Лада ответила письменно: «Конкурс в конце ноября. Жду тебя завтра у себя в семь». Из сообщения Татьяна поняла, что выбора ей не предоставили, усмехнулась и вернулась к рогу, который в этот вечер так и не получился.

***

Татьяна пришла минут на пятнадцать раньше, а Юра уже был там. Они с Ладой доделывали шаверму. В квартире, по обыкновению, царил идеальный порядок. Татьяна аккуратно поставила в углу придверного коврика ботинки, пальто повесила в шкаф и прислушалась. Кажется, Арины дома не было. С облегчением вздохнув, она прошла на кухню, где Лада заворачивала на столе в тонкий лаваш курицу с овощами, а Юра, сидя на диване, мешал в ступе белый соус. Татьяна поздоровалась, чтобы привлечь к себе внимание. Ребята обернулись и заулыбались. Лада по-хозяйски спросила:

– Шавуху будешь?

Татьяна облизнула губы и кивнула, разбудив пустой желудок. Усевшись на диван рядом с Юрой, она вопросительно уставилась на подругу.

– Ну, очевидно, я буду петь, – сказала Лада, отвечая на немой вопрос. – Надо только придумать номер, чтобы это смотрелось эффектно.

– А я чем могу помочь? – недоумевала Татьяна.

Юра закончил с соусом и передал ступу Ладе. Та влила соус в уже накрученную шаверму и всучила ее Татьяне, затем взяла еще пару листов лаваша и наложила начинку.

– Ты как раз будешь добавлять эффектности, – Лада скрутила второй лаваш.

– Только раздеваться не над, – предупредил Юра, взглянув на Татьяну. – Все-тки школьный конкурс. Двенадцать плюс.

Лада засмеялась. Татьяна сначала покраснела и одарила обоих прищуренным злопамятным взглядом, но не сдержалась и тоже посмеялась.

– Жаль, было бы эффектно, – добавила она, когда все успокоились.

Лада вручила вторую шаверму Юре. Он сразу откусил треть и медленно зажевал. Правая щека его раздулась почти до размера второй головы. Татьяна старалась есть аккуратно, маленькими кусочками, потому что начинка все время норовила вывалиться из лаваша, а соус – размазаться по щекам. Юру это не смущало ничуть. По лицу его растеклись кривые белые линии, а он не торопился их вытирать. Лада возилась с шавермой для себя.

– А тема какая-нибудь есть? – Татьяна смаковала курицу в чесночном соусе. Эта была лучшая из всех шаверм, что она пробовала, впрочем, такого опыта у нее было немного. – Что за конкурс, вообще?

– Конкурс талантов. Темы нет, – пожала плечами Лада, обильно поливая соусом начинку. – Я специально для конкурса написала хит. Про лябофф.

Она с воодушевлением посмотрела на Татьяну и сунула в рот жирное лакомство. Шаверма влезла на треть, но откусить ей удалось только малую часть, остальное повалилось на тарелку, которую она придерживала у подбородка.

– Я просто… – замялась Татьяна, – не уверена, что мои танцы подойдут для школьного конкурса, если там двенадцать плюс.

– Ну, мы сделаем цензурную версию, – просто сказала Лада, садясь на мягкий стул, по другую сторону стола. – Не обязательно же танцевать гоу-гоу. Можно хип-хоп, например. Даже лучше.

– Я же не умею.

– А че там сложного? – хмыкнул Юра. – Псмтри пару уроков. И вперед.

Татьяна закатила глаза, подумав: «Как у них все просто!». Внезапно Лада поставила тарелку с шавермой на стол и уткнулась в лицо Татьяны суровым взглядом.

– Так, я не поняла, Танюха, ты слиться хочешь?

Юру, нахмурившись, тоже взглянул на нее.

– Нет, что ты, – завертела головой Татьяна в оправдание. – Просто… я не представляю, чем могу быть полезна.

– А вот представь, – строго сказала Лада, совсем как мать. Татьяне стало немного жутко от такого сходства. – Мы для того и собрались.

И все, как по приказу, задумались. Челюсти всех троих двигались в унисон. Квадратные часы на стене нерасторопно тикали. Шаверма по кусочкам заканчивалась. Первым справился со своей Юра. Через пару минут его догнала Лада, а Татьяна медлила. Она долго жевала каждый кусок, больше сил тратя на размышления, чем на поглощение пищи, потому от ее шавермы осталась целая половина, когда ребята озвучили, что закончили есть.

– Пошли в комнату, – предложила Лада и махнула Татьяне рукой. – Возьми с собой.

Там Лада решила прочитать друзьям текст а капелла. Они плюхнулись на кровать и прижались спинами к стене, а Лада вышла в центр и начала, как всегда, с междометий.

– Еее, йоу, ееа.

Знаешь, мне стало легче просыпаться по утрам.

Я отчего-то улыбаться стала чаще.

Я знаю, без причины смех присущ лишь дуракам,

Считайте меня дурой или с ума сходящей.

Я все равно не перестану улыбаться,

Ведь по ночам глаза твои мне снятся.

Ныряю с головой в их голубую бездну.

И все равно, если весь мир затем исчезнет…

По мере продвижения истории и развития чувств лирического героя Татьяна догадалась, что Лада описывает конкретного человека с голубыми глазами, скорее всего, одношкольника. Она была удивлена, что предметом ее симпатии оказался не Юра, глаза которого имели промежуточный цвет между карим и зеленым. Он, как ей показалось, тоже был удивлен и недово-

лен. Под конец исполнения парень весь нахмурился и поджал губы. Веки его опустились. Он не хотел поднимать глаз на Ладу, а та смотрела на них в воодушевленном ожидании похвалы.

– Ну, как? – спросила, не дождавшись.

– Текст классный, – Татьяна прочистила горло. – Исполнение, как всегда, на высоте.

Сидя рядом с напряженным Юрой, она чувствовала колкую неловкость. Татьяна не любила становиться невольным свидетелем чужих сложностей в отношениях, особенно неявных, потому что такие полунамеки и тщательно скрываемые чувства ставили в тупик всех вокруг. Хотя Лада вела себя так безмятежно, будто ни о чем не подозревала и оттого не страдала.

– Юрец?

Она перевела взгляд больших карих глаз на парня, который исподлобья посмотрел в ответ и тут же уставился в пол.

– Круто, – без восторга сказал он, пожав плечами.

– Музыку напишешь?

– Канешн. Куда я денусь.

Он поднялся с кровати и провел пальцами по волосам. Татьяна следила за ним, как за проснувшимся вулканом, ожидая взрыва или хотя бы маленькой вспышки. Но парень оставался спокоен, хоть и разочарован. Флегматичность не позволяла чувствам вылиться наружу.

– Я пойду, пожалуй, подумаю дома, – не глядя ни на кого, сообщил Юра и, не дождавшись ответа, вышел из комнаты.

Татьяна следила за тем, как меняется выражение лица Лады. Воодушевление сменилось недоумением, которое быстро переросло в сомнения и недовольство. Она насупилась и проследила за парнем до самой прихожей.

– Скинь мне текст только, – бросил Юра напоследок и хлопнул дверью.

Лада перевела вес на левую ногу и скрестила руки на груди. Глазами она спрашивала: «Что произошло?», но Татьяна могла в ответ только пожать плечами. Ей хотелось вслух назвать причину такого странного поведения парня, которую подруга старательно не замечала, но она подумала, что ее это не должно касаться, и промолчала.

– Может, живот с шавухи прихватило? – предположила Лада спустя минуту. – У тебя не болит?

Татьяна отрицательно качнула головой и снова пожала плечами.

– Думаю, с такой лирикой хип-хоп будет неуместен, – улыбнулась она, чтобы сменить тему.

– Ну, посмотрим, какую музыку Юрец подгонит.

Лада тоже пожала плечами и плюхнулась рядом на кровать.

– Да, без музыки танец ставить бессмысленно, – заметила Татьяна.

Лада взглянула в потолок и медленно выдохнула ртом. Грудь ее при этом томно поднялась и медленно опустилась. Глаза отливали романтичным блеском.

– Может быть, после этого конкурса он, наконец, обратит на меня внимание, – она резко взяла Татьяну за предплечье. – Надеюсь, ты понимаешь, что я не могу налажать с этим номером? В нем все должно быть идеально!

Лада мечтательно провела рукой дугу в воздухе и подперла ей подбородок, а другую положила на колени в качестве опоры. Татьяна не могла сдержать улыбку. Влюбленной Лада казалась гораздо мягче и женственнее, чем вела себя обычно.

– А как ты привлекла внимание своего парня? – спросила она с детским любопытством.

Татьяна растерялась и пробежалась взглядом по комнате. Плечи невольно поднялись и опустились, говоря за нее, но она все-таки нашлась что ответить.

– Если честно, я даже не пыталась этого делать.

Воспоминания о первых встречах с Вадимом яркими образами вспыхнули в памяти и мгновенно обожгли сердце. В груди защемило. Боль полезла наружу, но Татьяна ее сглотнула. Лада с вниманием разглядывала ее смущенное лицо и ждала продолжения.

– Само получилось, – Татьяна мельком заглянула подруге в глаза и уловила легкое разочарование.

Уголки губ той опустились. Лицо отвернулось к стене.

– Пожалуй, лучше просто быть собой, – неуверенно выговорила Татьяна, глядя в окно, за которым стояла беспросветная тьма.

– Самый заезженный и тупой совет, который можно дать, – недовольно ответила Лада и положила локти на колени. – Очевидно, что как есть, я его не привлекаю.

– Может, тогда и не стоит?

Их взгляды встретились. В глазах Лады читались одновременно грусть и протест. Губы она вытянула уточкой, рукой зачесала волосы назад и отвела взгляд на тьму за окном, цокнув.

– Все чего-то стоит, – сказала через несколько тихих минут. – Мать всегда учила меня, что хорошее просто так не достается, что за хорошее надо бороться. А твой на тебя сам запал, а потом так же легко запал на другую. Легко пришло, легко ушло?

Лада хмыкнула.

– Ты явно мудрее меня, – улыбнулась Татьяна сквозь печальную задумчивость.

– Танюха, подруга из тебя так себе, – засмеялась девчонка и кинула в нее подушкой.

– Какая есть, – увернулась девушка, хихикая.

Остаток вечера они просто дурачились.

Глава 18. Импровизация

Юра прислал инструментал, когда Татьяна переодевалась за ширмой в гримерке. Перед выходом в зал она успела прослушать его только один раз. С первых нот в музыке слышалась безудержная тоска. У Татьяны даже сердце сжалось. Ей была знакома его боль, поэтому мелодия понравилась сразу, хотя в обычной жизни она такое не слушала.

В перерывах между танцами в зале Татьяна слушала ее в наушниках, и тело само подстраивалось под музыку. На первых порах неосознанно она выполняла движения из балета или из народных танцев, которые они изучали в академии. Классическая хореография иногда легко накладывалась на такую грустную мелодию, но чаще казалась неуместной.

Придя на работу пораньше, часа на три, в спокойной обстановке пустого холла Татьяна решила разнообразить движения, придать отдельным связкам больше динамики и экспрессии, модернизировать классические элементы под Юрину музыку.

Знаний и навыков явно не хватало, хоть она и просмотрела накануне множество видеоуроков, съемок с репетиций и тренировок, шоу с танцевальными постановками, а также прочитала немало статей на профильных сайтах и изучила не одну инфографику с основными движениями разных стилей. Она никак не могла связать все воедино, объединить жанры, сделать между движениями плавные переходы или, наоборот, добавить резкости. Даже в зеркале холла в свете множества ярких лампочек это смотрелось бездарно.

Два часа Татьяна убила впустую. Пересматривала ролики разных мастеров, пыталась брать оттуда понравившиеся движения и внедрять их в свой танец, но каждый раз получалось нелепо. Еще сложнее было создавать последовательность из этих движений, чтобы они переплетались в единое целое.

Посмотрев на часы и поняв, что до открытия клуба остался всего час, а два предыдущих пролетели для нее, как две минуты, Татьяна выругалась и, уперев руки в бока, развернулась к административной стойке, за боковой стеной которой блеснула рыжая шевелюра. Света замерла. Обе опешили, смутились и отвели друг от друга глаза. Музыка еще играла. Рыжая опустила руки и подошла к зеркалу.

– О чем танец? – спросила она, в отражении глядя на застывшую в нерешительности Татьяну.

Прямые волосы переливали в свете множества ламп всеми оттенками оранжевого. Света была в спортивной форме и в потрепанных кедах. Сцепив руки в замок, она разминалакисти, параллельно делая круговые движения стопами по очереди.

– О любви, – ответила Татьяна, подтянувшись.

– Хорошая тема, – улыбнулась рыжая. – Вечная.

Татьяна кивнула. Света посмотрела в зеркало. Юрин инструментал затих. Экран телефона потух. Наступила тишина.

– Ты так ничего не вымучаешь, – рыжая повернулась к Татьяне лицом. – Танец – это ведь выражение себя, а не кого-то другого. Тем более, сольный. Танец, он всегда про чувства и ощущения. Чтобы нравилось другим, надо чтобы нравилось тебе.

Татьяна молча на нее смотрела, напрягая слух и внимание. Руки по-прежнему упирались в бока, а ноги остались на ширине плеч.

– Когда я ставлю танцы, я всегда даю себе сначала поимпровизировать, – продолжала Света. – И желательно не перед зеркалом, а на камеру, чтобы ничто не мешало.

Она развернулась всем корпусом и тоже расставила ноги на ширине плеч. Татьяна не спускала с нее глаз, поджимая губы.

– Для любого соло нужен фундамент, рамки, – рыжая медленно вертела головой, разминая шею. – Два противоположных действия. Например, раскрытие и сжатие или спутывание

и распутывание. Потом эти движения можно переродить в лейтмотив танца, сделать их ключевыми, но дополнять деталями, которыми твоя хореография будет отличаться. Ты можешь выбирать движения из разных стилей, но лейтмотивом их объединять.

Она подошла к лежащему на полу телефону и подняла его.

– Давай, я буду снимать, а ты импровизируй. И без музыки. Мелодия должна быть у тебя в голове.

Татьяна несколько секунд в нерешительности смотрела в квадратное лицо с выступившей на гладкий лоб рыжей прядкой, удивляясь происходящему, но решила не задавать никаких вопросов и просто слушать и учиться. Она включила камеру в телефоне и, встав спиной к зеркалу, по Светиному указанию задвигалась.

Прокручивая в уме мелодию и ту грусть, что Юра вложил в нее, Татьяна вспоминала Вадима. Чувства, которые он заставлял ее испытывать, ласки, которыми ее одарял, боль, которую причинил. Она не всему могла дать название, но все и теперь могла прочувствовать заново. Время шло, а раны не заживали, гноились и кровоточили. Больные воспоминания одновременно приносили мазохистское удовлетворение, потому что заглушали тоску по нему, худо компенсируя острую его нехватку.

Под печальную музыку собственного сердца тело танцевало само, даже без внешнего источника звука. Руки петляли в стороны, ноги делали шаги и прыжки, корпус извивался и закручивался, а голова то плавно опускалась, то резко поднималась. Подсознание внедряло ранее увиденные движения в танец, комбинируя их и подменяя.

Когда импровизация закончилась, Света показала Татьяне видео.

– Я вот уже вижу, что ты подсознательно выбрала концепцию «Прорастание и увядание», – сказала она. – Вот здесь ты начинаешь как бы восставать, расцветать. Экспрессия только усиливается. Движения становятся шире и резче. А потом ты почему-то обрываешься и начинаешь замедляться, как бы увядать, сушиться. Подумай, что ты этим хотела показать, и показала ли это.

Татьяна задумалась, вглядываясь в стоп-кадр на экране телефона, на котором она стоит в полусогнутом состоянии с опущенными руками. Света подождала несколько секунд, надеясь услышать ее размышления, но Татьяна молчала

– Вообще, надо таких импровизаций как можно больше записать. Потом можно сделать нарезку. И выбрать то, что понравилось.

Света вернула ей телефон и, усмехнувшись, бесшумными шагами покинула холл. Татьяна больше не успела сделать ни одной записи, потому что в клуб стали приходить сотрудники. Пришлось отложить на следующий день.

Светин метод действительно работал. Весь уикенд перед открытием клуба они встречались на час в холле и обсуждали Татьянин танец. Она импровизировала, рыжая снимала. Иногда Света добавляла что-то от себя или исправляла маленькие нюансы в движениях, которые переворачивали весь смысл как раз так, как это было нужно. Совместными усилиями они добились того, что в среду вечером Татьяна заявилась к Ладе с почти готовым представлением.

Юра сидел в кресле в углу Ладиной комнаты и внимательно следил за тем, как они исполняют номер. Музыка играла из слабого динамика его телефона, но для первого прогона громкости им хватило. Лада почти всю песню стояла на месте, а Татьяна, лавируя между мебелью. Когда все закончилось, Юра выдал экспертное мнение.

– Не вау, – сказал он, отрицательно качая головой.

– Ну, мы не в костюмах и не на сцене, – оправдывалась Лада, разочарованно глядя на друга.

– Нет, че-то не хватает, – настаивал парень.

Он склонил голову набок, зажал в ладонях подлокотники кресла, вцепился взглядом в монитор компьютера и добавил:

– Какой-то визуальности, че ли.

Юра подошел к компьютерному столу и зашел в поисковик. Татьяна с Ладой встали у него за спиной и всмотрелись в экран, который демонстрировал выступление двух танцовщиц в белых трико. Шоу началось с ярких лучей света, появившихся как будто из рук девушек на белой стене сзади. Изящные тела задвигались, и лучи света последовали за ними, прыгая и разлетаясь на тысячи светлячков. Казалось, что с каждым движением рук или ног из них вылетают белые искры и плавно улетают за кадр. Постепенно лучи сменились на воздушные волны, а в конце вовсе превратились в дым, распылившись в самом финале. Это выглядело эффектно даже при скромной хореографии.

– Вот че-нить такое, – заулыбался Юра, переводя взгляд с одной на другую.

Те переглянулись. Потом Лада разочарованно посмотрела на Юру.

– Где мы такие спецэффекты найдем? – задала она риторический вопрос. – Это всяко не уровень школьного конкурса.

Лада скрестила руки на груди и уставилась на экран, в котором танцовщицы застыли в позе лотосов в окружении едва заметных световых частиц на фоне неоново-синей стены.

– Хм, – задумалась Татьяна, вспомнив про Русика. – Кажется, я знаю где.

Лада с Юрой вопросительно на нее посмотрели.

– Не уверена только, что он согласится, – поправилась она, прочитав в глазах друзей изумление и надежду. – Но можно попробовать.

Лада приподняла брови. Юра поджал подбородок. Татьяна им неуверенно улыбнулась. Теперь предстояло завлечь Русика в их самодеятельность. Она не сомневалась, что подготовка визуальных эффектов к танцевальной постановке для школьного конкурса и есть то великое, чем он мечтает заниматься, но нож сомнения все равно терзал душу.

– Ты, кажется, жаловался, что негде практиковаться? – с ходу начала Татьяна, как только увидела Русика в школе.

Парень в ошеломлении уставился на нее, ничего не говоря, и пошел дальше по коридору. Они вместе зашли в аудиторию и сели за соседние столы, как обычно.

– У меня есть предложение, – Татьяна заманчиво улыбнулась, а потом быстро добавила. – От которого ты, конечно, легко можешь отказаться. Но лучше не надо.

Русик усмехнулся.

– Так, слушаю.

Парень откинул локоть на спинку стула и повернулся к Татьяне полубоком, заняв выжидательную позицию. Небрежная небритость на его широком лице начинала перерастать в бороду, а волосы на голове уже целиком закрывали уши. Лицо Русика показалось Татьяне утомленным. Парень зевнул, не прикрывая рта. Она заразилась и повторила за ним.

– В общем, моя подруга участвует в школьном конкурсе талантов, – начала по-деловому. – Она будет читать рэп собственного сочинения, а я у нее на подтанцовке.

Русик почесал за ухом и кивнул. Краем глаза наблюдал за тем, как загружается операционная система. Татьяна невольно посмотрела туда же. Свой компьютер она пока не включала.

– Чтобы шоу получилось эффектным, нам нужен ты.

– Так, – парень тряхнул головой, показывая, что не до конца понимает ее.

– Точнее, твое умение делать проекции. Мы хотели бы сделать танец со спецэффектами, – махнула руками в воздухе Татьяна. – Поможешь?

Русик широко раскрыл глаза и застыл так на несколько секунд. В глазах читалось недоумение.

– За бесплатно, – скромно добавила Татьяна, сцепив пальцы в замок.

Парень усмехнулся.

– Это уже более заманчиво.

– Тебе же нужно где-то набираться опыта.

Татьяна посмотрела на него с надеждой. Русик примерно с полминуты вглядывался в ее лицо, размышляя и почесывая подбородок. Она чувствовала, как внутри нарастает напряжение. Полминуты растянулись для нее на полчаса. Она уже передумала все возможные варианты его ответов: от самого мягкого до самого грубого отказа, но Русик внезапно кивнул.

– Окей, – он вгляделся в потолок. – Мне как раз гороскоп предвещал, что поступит интересное деловое предложение, от которого не стоит отказываться.

– Правда?! – не удержалась Татьяна и воскликнула на всю аудиторию.

Другие студенты школы тут же подняли головы и уставились на нее. Русик, оглядев всех, медленно кивнул.

– Спасибо, – тише сказала Татьяна. – Ты свободен после занятий?

Парень издал странный жест: то ли пожал плечами, то ли кивнул. Татьяна восприняла это как утвердительный ответ.

– Значит, пойдем к моей подруге, – прошептала она, потому что как раз в этот момент в аудиторию вошел Виталий.

Во время занятия Татьяна постоянно отвлекалась на экран Русика, в котором горел красным пламенем фасад Большого театра, а затем разлился дождем и превратился в волны. Логику видеоряда она не разобрала, однако зрелище завораживало. Параллельно она пыталась понять, получится ли у Русика воплотить ее задумку для танца. Ей не терпелось поскорее закончить урок и отправиться к Ладе, где они могли бы устроить брейн-шторм по поводу визуального сопровождения их номера.

До дома Лады от школы они смогли добраться на автобусе. По дороге Русик расспрашивал Татьяну, кто ее подруга и что за номер будет показывать, что это будет за конкурс, где он будет проходить, какая там сцена и зал. Больше всего его интересовали технические вопросы, на которые Татьяна не могла дать ответ, зато про Ладу, номер и танец рассказала во всех подробностях. Русик внимательно слушал и кивал.

Неожиданно для Татьяны дверь открыла Арина. Она тоже была удивлена. Русик, почувствовав напряжение, принял солдатскую позу, втянув пузо.

– Привет, – женщина разглядывала Татьяну сверху вниз.

– Привет, – выдавила она, опешив. – Мы к Ладе.

– Хахаль твой? – хмыкнула Арина на Русика.

– Что? Нет!

Парень быстро замотал головой.

– Да ладно, мне без разницы. Только оргии тут не устраивайте.

– Ну, маааам, – недовольно протянула за ее спиной Лада и помотала головой, закатив глаза.

Арина с усмешкой посмотрела на сконфуженных Татьяну и Русика и позволила им войти. Как только гости перешагнули дверной порог, хозяйка потеряла к ним интерес. Ребята, опешившие и скованные смущением, наблюдали за Ариной. Она, не испытывая неловкости (как казалось Татьяне, у нее это чувство отсутствовало с рождения), поправила прическу, подтянула грудь и надушилась, заставив Русика несколько раз чихнуть.

– Будь здоров, – сказала Арина, накидывая пальто на плечи. – Все, я пошла. Люблю тебя.

Арина чмокнула дочь в макушку, на что та только поморщилась, и вышла вон, громко хлопнув дверью. В этом простом жесте было так много того, чему Татьяна завидовала. Когда-то и ее мама могла так легко поцеловать в голову, обнять и признаться в любви. И она могла ей ответить взаимностью. В маминых объятиях было тепло и мягко, только тогда она этого не понимала. Мама просто любила ее каждую секунду, и Татьяна ни секунды в этом не сомневалась и ни секунды не испытывала в любви недостатка. И до этого момента не ощущала, как остро, оказывается, испытывает этот недостаток сейчас. Теперь у нее не было мамы. Или была,

но не такая, какая должна быть. Татьяна и не знала, какой должна быть мама. Впрочем, от такой, как Арина, не отказалась бы.

Мысли ее перебила Лада, пожелавшая поскорее познакомиться с Русиком. Она широко заулыбалась и со всей присущей доброжелательностью пожала парню руку. Только после этого Татьяна их представила друг другу. Немного потоптавшись в прихожей, они перешли в комнату, где, усиленно кликая мышкой, за компьютером сидел Юра. Увидев незнакомого парня, он встал и подошел к нему, чтобы поздороваться. Татьяне просто кивнул.

– Ну, что покажем наш номер Русику? – спросила она с порога.

Юра вернулся за компьютер управлять музыкой. Лада жестом пригласила Русика в кресло, а сама встала посередине комнаты. Татьяна пристроилась за ней. Представление началось.

Танец получился винегретом стилей и жанров, до конца не определенных даже самой Татьяной. Начинался с контемпорари, иногда, подстраиваясь под Ладин речитатив, переходил в хип–хоп с примесью гоу-гоу, вога и вакинга. Самыми коронными получались классические элементы и вращения из балета на припеве, а сразу после танец резко обрывался и начинался заново с контемпорари. Какие-то движения Татьяна взяла из головы, точнее, так двигаться ей подсказывало тело. Это был неопределенный стиль, хотя знатоки вроде Светы наверняка смогли бы отнести их к тому или иному жанру. Татьяна же действовала интуитивно.

В танце она пыталась показать романтические чувства девушки к парню, которая еще не знает, взаимно это или нет, потому сомневается, мечется, страдает и в то же время воодушевлена любовью. То она порхала, как бабочка, то импульсивно дергалась или металась из одного угла невидимой сцены в другой, а потом сжималась, раскрывалась и, наконец, успокаивалась.

Закончив, обе обратили вопросительные взоры к Русику.

– Неплохо, – сказал он. – А какие эффекты вы хотите добавить?

– Мне кажется, начать надо с бабочек, – заявила Татьяна. Она обдумала эту идею заранее. – Сделать проекцию на Ладин живот, как будто у нее там бабочки порхают, а потом они разлетаются по сцене.

Русик слушал ее, почесывая затылок и глядя в одну точку на боковой стене, видимо, переводил словесную фантазию Татьяны в порядок технических действий и манипуляций в программе, которые должны были привести к видеопроекции.

– Прикольно, – оценила Лада, изобразив на лице вдохновленную задумчивость. – Только бабочки должны быть на тебе. Ты же будешь символизировать меня в танце. И обязательно голубые. Они разлетятся по сцене, а потом соберутся в два больших голубых глаза!

В поисках одобрения она оглядела друзей исполненным энтузиазма взглядом. Татьяна улыбнулась и закивала. Юра едва заметно поморщился, но в итоге тоже кивнул, только без улыбки. Татьяне показалось, что его корежила голубизна воспеваемых глаз.

– Глаза моргнут и снова рассыплются на бабочки, – закончила Лада.

– А потом из земли начнет расти трава, – предложила Татьяна. – Вот на этом моем движении, будто я ногой поднимаю ее из-под земли.

Она повторила вращение на одной ноге, а второй замахала волнообразно в воздухе.

– Так, – закивал Русик одобрительно.

Татьяна поняла, что пока все укладывается в рамки его технических возможностей. Она развила идею сплетением из травы и бабочек узора в форме сердца, которое должно было сделать несколько стуков на моменте после припева, когда танец приостанавливался, а потом снова рассыпаться на множество мелких бабочек. Юра добавил, что может вставить в саму мелодию такую паузу и добавить биты, совпадающие с ритмом сердца, воодушевившись этой мыслью.

Дальше обсуждение полетело по накатанным рельсам. Лада добавляла свои идеи, когда ей казалось, что Татьяна предлагает не совсем то, о чем она писала в тексте, а Юра вставлял

замечания, если визуальные эффекты не накладывались на музыку. Русик слушал всех троих, не перебивая, и делал заметки в телефоне.

Одна идея казалась краше другой, третья – великолепнее первых двух вместе взятых. Это могло бы продолжаться бесконечно, если бы Русик не заметил, что получилась полная каша. Обсуждение перешло в стадию фильтра, когда откидывались самые нелепые или самые неподходящие задумки. Потом все это пришлось структурировать. В общем, мозговой штурм затянулся на несколько часов, пока все в конец не почувствовали сонную усталость и не решили разойтись по домам. Зато у Татьяны в телефоне теперь был записан приблизительный сценарий всего действия.

Перед уходом Русик сообщил, что ему нужно ознакомиться с местом проведения конкурса, чтобы правильно настроить проекцию. Они договорились встретиться на следующий день в Ладиной школе.

***

Актовый зал лицея восхищал взгляд неоклассическим стилем с колоннами и бархатными кулисами на широкой сцене. Торжественности всему помещению придавали настенные бордюры из лепнины с античными сюжетами, мимикрирующая под малахит напольная плитка и огромная хрустальная люстра. Зал был почти свободен, только в углу, сложенные друг на друга, скучковались офисные стулья.

Татьяне показалось, сцена здесь ничуть не уступала той, что имелась в «Дэнсхолле», если не превосходила ее. Снизу и сверху, прячась за верхними кулисами, ее обрамляли прожектора. В углу в ряд стояли микрофоны. Фоновая стена оказалась просто белой со световым логотипом лицея из прожектора. Технически это был просто ролл скрин, натянутый до самого пола. Русику такое решение оказалось на руку.

Он сфотографировал сцену со всех возможных ракурсов, с каких только смог к ней подобраться, даже записал пару видео, замерил площадь рулеткой, прошелся по ней с умным видом взад-вперед и, присев на корточки, начал что-то записывать в телефон. Лада с Татьяной, как юные и неопытные помощницы, стояли в сторонке, стараясь не мешать, и тихо переговаривались между собой. Лада спрашивала про знакомство Татьяны с Русиком.

Тяжелые двери зала скрипнули. В них появилась светлая кудрявая голова. Все трое повернули лица к выходу. Татьяна сразу узнала голубые глаза, хоть никогда в жизни до этого их не видела. Она просто почувствовала волнение Лады, которая вмиг приостановила дыхание, выпрямила спину и убрала непослушный локон за ухо. Она таращилась на парня, с любопытством выглядывающего из-за стены.

– Ой, тут занято? – спросил он, взглянув на серьезного Русика с рулеткой в руке.

Все трое медленно кивнули. Лада едва сдерживала улыбку, румянясь и выпячивая грудь.

– Мы только пару стульев заберем, – голубоглазый вошел в зал.

За ним проследовали еще двое и сразу двинулись в угол. Татьяна, Русик и Лада замерли, будто время остановилось, и внимательно следили за парнями. Голубоглазый выходил последним. На обратном пути он напел народную песенку «Калинка, калинка, калинка моя» и, повернувшись перед выходом, подмигнул Ладе. Та обомлела, закраснелась и растаяла. Блаженная улыбка растеклась по девичьему лицу. Татьяна тоже заулыбалась. Когда двери захлопнулись, Русик бесцеремонно спросил:

– Про него поешь, что ли?

В глазах Лады вспыхнул стыд. Губы сжались в тонкую линию. Затеребив расстегнутый рукав рубашки, который раскатался до середины предплечья, она отвернулась в сторону, словно заметила там нечто невиданное.

– Русик, ты все измерил? – строго спросила Татьяна, чтобы спасти подругу.

– Да, почти. Осталось только вас заснять и сцену разметить, – дельно заговорил Русик. – Тань, придется строго следовать по разметке, чтобы проекция никуда влево не уехала, и все выходило ровно оттуда, откуда надо.

На слух это звучало как невыполнимая задача. Попробовать все равно стоило, поэтому они поднялись на сцену и стали отмерять вплоть до сантиметров расстояния по каждому движению. Русик это фиксировал, а потом записал на видео весь номер целиком. Разметку движений он скинул Татьяне и наказал репетировать четко по ней, без промахов, иначе вся проекция будет сделана зря. После ухода Русика они еще час отрабатывали его план. Это оказалось непросто.

Татьяна с Ладой приходили в лицей почти каждый день, повторяли по много раз номер, пока их не выгонял из зала кто-нибудь из учителей или других учеников, а потом еще прогуливались, не спеша, до метро, и обсуждали девчачьи проблемы. Лада все пыталась узнать у Татьяны секрет привлечения парней, которым она не обладала. Либо пыталась рассуждать о мужской психологии, в которой они обе не разбирались. Впрочем, строить разные теории им это не мешало. Татьяна чувствовала, что должна выдавать умные мысли, но даже опыт с Вадимом не придавал ей должной мудрости. Получалось криво, но само обсуждение влюбленности Ладе помогало. Ее переполняли чувства и эмоции, которые она пока не могла выразить в открытую, поэтому искала внимательные уши, куда можно было сливать испытываемые переживания. Татьяна охотно подставляла свои.

На курсах они с Русиком, отложив все школьные дела, занимались видеопроекцией для танца. Точнее, Татьяна делала вид, что выполняет задания Виталия, а сама все поглядывала на экран соседа и постоянно с ним перешептывалась. Сначала Русик моделировал сцену в 3-д формате, чтобы на ней совершать все эксперименты в программе.

– Тут еще несложно, – говорил он с важным видом. – Это тебе не дворец восемнадцатого века в стиле барокко.

Татьяне даже эта простая конструкция из прямоугольной сцены, стены за ней и кулис казалась невероятно сложно устроенной, поэтому она только поджимала подбородок и кивала, внимательно слушая Русика.

Покончив с моделью пространства, парень приступил к отрисовке раскадровок. В этом Татьяна ему помогала. Не умея еще толком рисовать, она набрасывала скетчи фигур и траекторию их движения. Для этого им, как двум хулиганам с последней парты, приходилось через наушники под столом просматривать видеозапись Татьяниного танца, постоянно поглядывая на преподавателя. К их счастью, Виталий был слишком занят другими студентами, чтобы каждую минуту следить за ними. Хотя в этой школе не ругали за непоседливость.

Многое доделывать приходилось дома. Татьяна постоянно списывалась и созванивалась с Русиком, обсуждая всякие технические и не только мелочи.

Пробный вариант видеопроекции Русик представил ребятам за неделю до конкурса. Визуальное сопровождение получилось почти таким, как Татьяна его себе представляла. Они стали репетировать с проекцией. Накануне сделали генеральный прогон номера и остались довольны собой. Закончили поздно, около девяти вечера. Татьяне пришлось заказывать себе такси от лицея до «Дэнсхолла», где ей предстояло танцевать всю ночь, потом успеть поспать несколько часов и снова бежать в лицей на сам конкурс.

Глава 19. Разница

Все трое заметно волновались. Юра перед началом сообщил Ладе смской, что не сможет прийти из-за учебы. Его участие непосредственно в номере и не требовалось, но Лада хотела его видеть в качестве поддержки.

Зато явилась мать, чем напрягла Татьяну. Она понимала, что Арина пришла смотреть на дочь, а не на нее, но все равно чувствовала большую ответственность. Русик выглядел внешне спокойным, но не мог перестать крутить ручку, которую разломил на части после десяти минут ожидания начала конкурса.

Вместе с остальными конкурсантами они расположились в небольшом кабинете, который на время мероприятия превратился в гримерку. Татьяна осматривала других участников и пыталась по их внешнему виду догадаться, какой талант они будут демонстрировать. Девушка в красном платье в пол тоже готовила музыкальный номер. Высоким голосом она напевала скороговорки, разминая гортань. Рядом стоял парень в смокинге и в цилиндре. Татьяна вглядывалась в него долго, но так и не смогла определить, какое шоу он будет показывать. Исключительно по костюму, решила, что юноша – фокусник. Затем в кабинет вбежала группа из трех девчонок в костюмах чир-лидерш – с ними все было очевидно. Еще один парень сидел в углу с баяном на коленях. В общем, таланты у всех были разные.

Ладе достался номер три. Когда на сцену вышел первый конкурсант, у Татьяны защекотало по всему телу от нервов. Для номера она специально купила белое трико и белые колготки, чтобы максимально не выделяться на фоне стены. Ноги обула в белые чешки. Пепельные волосы почти сливались со всем остальным. Лада, напротив, являла собой сборник контрастов: ясно-голубая шапочка, выедающий глаза розовый топик, белоснежные брюки, расширенные в бедрах и суженные книзу, алые кроссовки. Помимо этого образ дополняло множество бессмысленных, но ослепительно ярких аксессуаров разных форм и фактур. Татьяна бы так никогда не оделась, но Лада чувствовала себя в этом комфортно.

Когда вышел участник под номером два, тот самый парень в смокинге, который, оказалось, рисовал песком на стеклянном столе, Русик сел за ноутбук и в последний раз проверил проекцию. Они попросили Ладину одноклассницу встать в центре зала и снять их номер на видео для последующего анализа и просто на память. Та уже стояла меж рядами зрителей.

Татьяна выходила на сцену с волнением, как будто снова оказалась в балетной академии и сдавала государственный экзамен, только вместо ректора ее главным экзаменатором была Арина, сама того не подозревая.

Встретив выступающих аплодисментами, зал затих в ожидании. Лада начала с междометий. Татьяна, сидя за подругой, ощущала, как напряжены ее нервы. Эта нервозность передалась и ей, мгновенно, как вирус. Она ощутила, как сверху вниз на тело сползает сетка неуверенности и сковывает движения.

Арина сидела в пятом ряду, ближе к правой стене зала и внимательно смотрела на сцену, как и все остальные зрители. Из толпы ее выделял высокий рост, алая помада и глубокий вырез острым треугольником на все туловище со слегка выступающими полусферами аккуратных грудей. Татьяна взглянула на нее, но Арина смотрела на дочь, не обращая внимания ни на что другое. Однако приятное чувство ощущаемой поддержки пронзило Татьяну. Она вспомнила, как и ее мама точно так же всегда следила за ее выступлениями. Это бодрило. И вместе с музыкой и эффектами Татьяна задвигалась под Ладин певучий речитатив.

Татьяна с прыжком поднялась. Бабочки вспорхнули, словно осколки при взрыве. Это совпало с переходом с мажорного лада на минорный и передышкой между битами, что создавало ощущение замедлившейся на секунду вспышки, которая резко изменила мир. Вслед за

бабочками она прыгала по сцене, кружась вокруг Лады, изображая телом то плавные волны, то резкие порывы ветра, отчего бабочки рассыпались во все стороны света, как конфетти.

Затем, опустившись на пол, Татьяна подняла руками из-под земли траву, которая тонкими колосками, медленно извиваясь, стремилась к небу. Татьяна встала, помогая ногами, махала ими то в одну, то в другую сторону. Трава медленно росла под музыку, соединяясь в центре. Бабочки тоже слетались вместе, образуя большое сердце. Голубой сменился на розовый, затем на бордовый. Зеленая трава превратилась в красные сосуды, опутавшие орган. Музыка стихла. Только биты, похожие на пульс, сокращались в воздухе, а вместе с ними и сердце экспрессивно набухало и как будто сдувалось.

Потом снова заиграла мелодия, сердце разлетелось на бабочки, в полете снова сменившие окрас на голубой. Ноги и руки несли Татьяну от края к краю. В конце все бабочки собрались в два больших голубых глаза, а трава, прикинувшись ресницами, обрамляла их сверху и снизу. Снова притихла музыка. Опять послышался сердечный ритм. С каждым ударом глаза моргали.

Когда музыка изменилась, бабочки разлетелись. Татьяна завертелась по сцене в неистовстве, кружа за собой визуальные эффекты. Бабочки, узоры и осколки вихрем взмыли ввысь, повторяя вращения ее тела, а потом она резко приземлилась в самом центре, за Ладой, сев на колени и опустив голову. И весь вихрь рассыпался пеплом наземь. На стене по одной осталось порхать несколько бабочек, медленно растворяясь в воздухе. Прозвучал последний бит. Лада склонила голову и обняла себя руками. Татьяна параллельно проделала то же самое, только сидя. Все стихло. Последняя порхающая бабочка растворилась в белизне стены. Зал захлопал.

Аплодисменты были громкими. Арина довольно кричала: «Вооооу!», стараясь преодолеть гул оваций. Лада с Татьяной быстро поклонились и убежали за кулисы, где их с довольной улыбкой встречал Русик. Проекция не подвела. Правда, один раз Татьяна после вращений приземлилась не совсем в то место, которое планировала, но быстро вернулась в нужное. Это они обсуждали уже в кабинете, весело смеясь. Волнение быстро прошло. Дальше конкурсом можно было наслаждаться из зала.

Пока жюри подводило итоги, зрители могли размяться под современную музыку. В светлом зале никто не танцевал, но настроение царило праздничное. Татьяна наслаждалась непринужденностью вечера.

Арина подошла к ним после конкурса и крепко обняла дочь.

– Такие стихи! – восклицала она. – Пушкин отдыхает!

Лада покраснела, но не преминула саркастически напомнить матери, что та в стихах не разбирается и едва ли знает хоть одно творение Пушкина.

– Мать тоже в школе училась. Мать знает, – без обиды ответила Арина и продекламировала. – «Я достаю из широких штанин дубликатом бесценного груза. Читайте, завидуйте, я – гражданин Советского Союза...». Гений!

Татьяна с Русиком засмеялись. Лада закатила глаза, хотя губы сдерживали улыбку, подрагивая и растягиваясь.

Жюри не заставило себя долго ждать. Через полчаса они командой из пяти человек вышли на сцену с дипломами. Все сразу развернулись лицом к сцене и притихли. Диджей приглушил музыку, поставив на фоне веселый торжественный марш. По традиции, начали объявлять с третьего места. Его занял парень с баяном, который, на Татьянин взгляд, виртуозно овладел инструментом. Второй объявили Ладу. Она завизжала и запрыгала на месте. Арина сразу кинулась ее обнимать, а потом сама пропихнула к сцене. Лада выбежала и, пожав всем членам жюри руки, приняла заслуженную грамоту и медаль. Первое место занял парень, который рисовал песком.

– Спасибо, ребята! – восклицала Лада, вернувшись к друзьям под гул аплодисментов, отдающих дань лауреату конкурса. – Без вас бы не получилось.

Она обняла Татьяну с Русиком, крепко прижав обоих к своей груди. Русик оробел. Татьяна счастливо улыбалась. Затем она снова кинулась обнимать мать, которая с гордостью потрепала ее волосы и поцеловала в лоб.

Ведущий объявил дискотеку, и зал тут же оглушила волна динамичной музыки. Родители стали расходиться. Арина тоже засобиралась. Ребята вышли проводить ее в холл.

– Мне понравилась ваша постановка, – Арина оглядела всех троих директорским взглядом. – Танец неплохо поставили. Эффекты хорошо продумали. Я работала с 3-д-мэппингом, я знаю, как это муторно.

Она посмотрела Русику в глаза и понимающе улыбнулась.

– Не очень, если в кайф, – отмахнулся парень.

– Это чувствуется, – заметила она.

Обняв дочь, которая отпихивалась от нее как могла, Арина попрощалась с Татьяной и Русиком и вышла. Вслед за ней засобирался и парень.

– Ты-то, надеюсь, останешься со мной до конца?

Лада с прищуром покосилась на подругу.

– До девяти, потом на работу, – с грустью ответила Татьяна. Ей и самой хотелось бы остаться подольше, отдохнуть и повеселиться, особенно после пережитого стресса.

После ухода Русика они остались вдвоем среди сотни других лицеистов. Татьяна чувствовала себя здесь Гулливером в стране лилипутов, но не в силу роста, а в силу возраста. Разница составляла от двух до четырех лет, но даже эта разница остро ощущалась. Она чувствовала себя дико несовременной. Отовсюду звучал сленг, еще похлеще того, что употребляла Лада, наряды у всех были, на Татьянин взгляд, диковаты, и вещи они обсуждали такие, в которых она ничего не понимала.

Но в душе Татьяна догадывалась, что так разительно от них отличается не из-за возраста, а из-за материнского и балетного воспитания, которое сильно ограждало ее от веяний времени. От этого стало немного тоскливо. В ее детстве не было таких дискотек, дружеских приколов и конкурсов талантов. Вся ее жизнь была конкурсом талантов, где каждый день на каждом занятии нужно было соревноваться с братьями и сестрами по несчастью. Только в итоге никто ее за это не награждал, даже не хвалили. Наоборот, критиковали, ругали и порой неосознанно унижали.

– Печалька, что Юрец не пришел, – цокнула Лада, скрестив руки на груди, когда они вернулись в актовый зал, заполненный танцующими под энергичный хип-хоп подростками.

– Да ладно, и вдвоем повеселимся, пошли танцевать, – бросила Татьяна и увела ее за руку в гущу толпы.

Подростки занимали зал полностью, сбившись по кучкам в разных его частях, образуя танцевальные круги, из-за чего пространство стало казаться тесным. Татьяна с Ладой протерлись сквозь несколько таких кружков и остановились примерно в центре, стараясь никому не мешать. Лада двигалась неохотно, много оглядываясь по сторонам. Татьяна чувствовала себя свободно, почти в своей стихии.

Музыка приятно легла на душу и сердце, поэтому тело само отплясывало ей в такт, изгибаясь и вращаясь. Лада все искала кого-то в толпе. Татьяна старалась привлечь ее внимание, растормошить и зажечь, но удалось это только песне на пятой. Словно отчаявшись найти принца с голубыми глазами, Лада ударилась в пляс.

Все вокруг двигались, как в пьяном угаре. Татьяне показалось, что подростки отрывались похлеще взрослых гостей «Дэнсхолла». Они прыгали, кричали, смеялись и полностью отдавались музыке, как на последней дискотеке. В них было больше агрессии, эмоций и искренности. Такая энергетика заряжала. В клубе она часто наблюдала обратное, когда люди под влиянием толпы подавляли себя и свои чувства. Так полагалось вести себя в приличном обществе. В обществе подростков блюсти эти приличия, было как будто не обязательно.

Татьяна тоже просто танцевала под ритм своих эмоций, которые вскипали на дне души. Она вспоминала самые острые и самые притупленные моменты из прошлой жизни, заставляя выплескиваться все, что накопилось за годы страданий. Она вдруг ощутила всю несправедливость, с которой долгие годы мирилась и над которой даже не пыталась задуматься.

Ей было больно почти физически, когда она вспоминала насмешки бывших подруг, их небрежное отношение к ней, морализаторство матери, ее вечные запреты и поучения, требования преподавателей, их равнодушие и придирчивость. Она всегда плясала под чужую дудку, четко выполняла строгие инструкции и никогда не позволяла себе просто расслабиться и пустить все на самотек. Она танцевала всю жизнь и при этом не танцевала, на самом деле, а просто повторяла заученные, исключительно механические, движения под классическую музыку.

Татьяна только теперь поняла, почему никогда до этого не испытывала удовлетворение. Раньше ей не с чем было сравнить, но теперь она знала, что значит погружаться в танец с головой. Она чувствовала, как музыка растекается по венам и будоражит, заставляя гореть изнутри, почти так же, как нежные и теплые ласки Вадима. Теперь она поняла и то, что никому, кроме него, до нее не было дела, а она пыталась угодить всем остальным, пренебрегая единственным человеком, которым не стоило пренебрегать. И получила в ответ заслуженное предательство.

Боль вылилась в резкий оборот вокруг своей оси, резкой рывок головой по кругу и в стороны, резкий удар волос о лицо, и улетела в белый потолок вместе с музыкой.

Устав и запыхавшись, Татьяна с Ладой решили выйти подышать в коридор. В нем тоже толпилось много подростков. Больших компаний не было. Все стояли группками по три-шесть человек. Они встали поближе к окну, откуда вливался холодный воздух с улицы.

Татьяна вглядывалась в уличную темень. В этот момент по лестнице спускался тот самый голубоглазый парень. Лада, запыхавшаяся и красная от жара танцпола, сразу начала приводить себя в порядок: замахала рукой на лицо, прилизала волосы, вытерла пот со лба. Парень улыбнулся и приостановился на несколько секунд, чтобы сказать:

– Классное шоу у вас получилось.

Он показал Ладе «лайк».

– Спасибо, – скромно ответила она, так и не закрыв рот до конца после этого.

Глазами Лада испепеляла его круглое лицо с широким подбородком. Двое его дружков уже ушли вперед и обернулись в ожидании, когда он их догонит. Парень двинулся дальше. Лада корпусом развернулась вслед за ним, провожая взглядом.

– К Калинке подкатываешь? – посмеялся один из дружков в полный голос, совсем не смущаясь того, что Лада все это может услышать.

Голубоглазый смущенно отвернулся, махнув на друга рукой, и пробормотал что-то невнятное.

– Чувак, совсем отчаялся? Халявы захотел?

– Ты ее мать видел сегодня? – с пылом подхватил второй. – С таким вырезом чуть ли не до пупка! Все нутро наружу! Я бы вдул.

Все трое парней заржали.

– А она бы дала, – посмеялся первый.

Ребята его поддержали. В Татьяне вскипел огонек гнева, но, когда она увидела, как у Лады глаза краснеют от слез, он разросся до пожара.

– Таким, как вы, никогда не светит, придурки! – крикнула Татьяна на весь коридор.

Лада тут же накинулась на нее и развернула к окну, но Татьяна все равно выворачивала шею, чтобы видеть парней. Те обернулись, огляделись недоуменно и пошли дальше, как будто не поняли, откуда вякнули. Хотя Татьяна очень выразительно корчила гримасу презрения.

Она поражалась себе, что может испытывать обиду за чужого человека, но в груди горело. Хоть и видела этих парней в первый и последний раз в жизни, Татьяна их возненавидела в одно мгновение.

Лада опустила плечи, сцепив обе руки и прижав их к груди в попытке закрыть себя на замок. Губы слегка подрагивали. Татьяна досадовала до боли, что не умеет давать сдачи и наказывать виновников, поэтому просто обняла Ладу и увела из школы.

Когда они шли по коридору к выходу, Татьяна почувствовала внимательный взгляд. С другого конца на них смотрели голубые глаза, настолько ясные, что все эмоции читались в них с первого взгляда. Сперва Татьяна увидела сожаление, а потом – стыд, когда парень понял, что за ним наблюдают. Он быстро отвернулся к дружкам. Татьяна вздохнула и крепче сжала Ладины плечи. Она не поднимала глаз.

Глава 20. Бартер

Из лицея Татьяна добиралась до работы на метро и пришла раньше на час, который использовала для тренировки. Она продолжала изучать хореографию, повторять разные стили танцев, вбирая из них движения, которые могла внедрить в импровизацию на подиуме в зале. Татьяна пыталась танцевать джаз-фанк под Рианну[1], когда в холле появилась Арина.

– О, Подсолнух, – директор остановилась напротив и посмотрела из-под фиолетового берета, на котором сверкали снежинки. – Ты мне нужна. Пойдем.

Татьяна насторожилась. Музыку пришлось выключить и последовать за ней в кабинет. Клуб был пуст. Казалось, во всем здании находились только они с Ариной. Войдя в просторный офис, директор включила все лампы и сразу прошла за стол. Татьяна, не ожидая приглашения, плюхнулась на диван у двери, обняв желтую подушку.

Арина, откинувшись на спинку кресла, сделала один крутой поворот на триста шестьдесят градусов и посмотрела на Татьяну. Она крепче сжала подушку. Уже прокручивала в голове события последних двух недель, пытаясь понять, не сотворила ли чего-нибудь неподобающего.

– Мне нужен помощник с организацией шоу на Новый год, – сказала арт-директор, приковав взгляд к растерянному лицу. – Хочешь поучаствовать?

Тонкие брови Татьяны залезли на лоб – такого она совсем не ожидала. И первые несколько секунд еще не понимала, можно ли спокойно выдохнуть. Арина усмехнулась.

– А в чем именно? – спросила Татьяна, собравшись с мыслями.

– Во всем, – директор сделала пируэт кистью вверх. – Просто будешь мне помогать все организовывать.

Татьяна сглотнула и опустила взгляд на дырочку в хлопковых бриджах в районе колена, которую протерла о пол за время тренировок и репетиций. Предложение не было конкретным и казалось странным, но почему-то на него хотелось согласиться, не задавая лишних вопросов. Возможно, так влияла Арина, строгим взглядом не дававшая расслабиться и обдумать все тщательней.

– Пожалуй, – Татьяну снова взглянула директору в глаза.

– Отлично, – улыбнулась Арина и посмотрела на острые носки алых туфель, которые закинула на стол, выпрямив ноги. – С тебя помощь – с меня опыт и интересные задачи. Ну, не только интересные.

Она быстро дернула головой вбок и слегка сморщила носик.

– То есть бесплатно? – уточнила Татьяна.

– Почему? Это бартер, – Арина отвечала невозмутимой улыбкой. – Ладно, так уж и быть, буду оплачивать тебе обеды и проезд.

Татьяна вскинула брови и поджала губы, а в душе улыбнулась.

– Лучше, чем ничего.

Ей нравилось общаться с Ариной. Раньше это случалось редко. Как арт-директор она далеко не каждую Татьянину смену присутствовала в клубе. Павлик то и дело рассказывал, как она «выгуливала» очередного звездного гостя или диджея на пару с музыкальным директором, или отлучилась в командировку в какой-нибудь Сингапур или Лос-Анджелес, чтобы набраться у тамошних королей вечеринок опыта и идей. На репетициях она была и вовсе не доступна. Только всем указывала, как, что и где делать.

Часто Татьяна ее видела в будние дни в клубе, когда приходила тренироваться, но то были мимолетные встречи. Арина обычно шагала с важным видом в окружении подчиненных, с которыми обсуждала дизайнерские решения, технические вопросы, закупку материалов и многое другое.

Иногда она прогуливалась по клубу с пузатым седовласым мужчиной в солидном костюме, перед которым обо всем отчитывалась, но при этом не лебезила перед ним, что Татьяне в ней нравилось. Арина в любой ситуации держалась достойно. Пару раз даже ругалась с этим важным господином, владельцем клуба, не опускаясь в бестолковое нытье и крики, а пытаясь аргументированно, хоть и на повышенных тонах, донести собственную точку зрения.

Татьяна до последнего себе не признавалась, что согласилась на это предложение только из-за Арины.

– Тогда лови первое задание, – арт-директор прокатилась в кресле до шкафа. – Найди мне краску такого оттенка, чтобы она смотрелась на дереве ровно так.

Рядом с Татьяной на диван приземлился короткий брусок, окрашенный в неопределенный цвет – что-то между лососевым и коралловым с примесью гранатового.

– Это нужно для реквизита. Литров пять-семь. Достань до пятницы.

Татьяна в замешательстве переводила взгляд с бруска на арт-директора и обратно. Не настолько неинтересную задачу она рассчитывала получить. В голову навязчиво лезла мысль вежливо отказаться, оставить брусок на диване и без оглядки выйти из кабинета, но что-то ее останавливало, помимо уже данного согласия.

Арина взяла со стола кошелек, подошла к Татьяне и бросила на диван три пятитысячных купюры.

– Уложись в бюджет, – сказала строго. – Все, что сэкономишь, тебе на обеды и проезд.

Татьяна посмотрела на деньги и поняла, что теперь точно поздно сдавать назад.

– Ну, все, ты свободна, – директор коротко улыбнулась и вернулась к компьютеру, тут же забыв про Татьяну.

Она взяла брусок и вышла из кабинета, не представляя, как и где искать нужную краску. Ни в красках, ни в цветах она не разбиралась. Тем более никогда сама не занималась покупкой таких товаров и не имела понятия, откуда все берется. Пришлось усиленно гуглить.

До самого открытия клуба Татьяна копалась в телефоне. Потом побежала переодеваться и наводить красоту. Благо, танцевала она, как обычно, во втором эшелоне. Перед выходом в зал в коридоре дорогу ей перегородил Павлик. Он уперся плечом в колонну, сунув руки в карманы черных джинсов с серебристым отливом.

– Привет, – кротко произнес парень. – Слышал, Арина тебе задание дала?

Татьяна кивнула. Каждый разговор с Павликом вызывал в ней подноготное негодование. Все нутро противилось ему, вызывая слабое раздражение. В то же время оно было таким слабым, что не стоило обращать на него внимания. Она старалась не замечать внутреннюю неприязнь, еще больше пыталась не выводить ее наружу, потому что Павлик казался неплохим человеком. Татьяна понимала, он не виноват и не заслужил такого обращения, просто потому что она ему нравилась, а он ей – нет, и все равно каждый раз не могла спрятать пренебрежение.

Проблема заключалась даже не в нем самом. Некрасивым она его назвать не могла. Он не был строен и спортивен, но при этом все равно хорошо сложен, крепко и пропорционально. В каждом жесте и даже в походке проглядывала внутренняя простота, которую он тщательно пытался скрыть внешним лоском, будь то обмазанные гелем волосы или отполированные ногти. Лицо имело изящные черты, подчеркивающие мягкость и сентиментальность. Многим бы он пришелся по вкусу.

Но вкус Татьяны был безвозвратно испорчен первой любовью. Павлик слишком отличался от Вадима. Она невольно их сравнивала в самые первые секунды знакомства, когда еще не было никаких намеков на симпатию с его стороны. Мозг автоматически отсканировал внешний вид парня и сопоставил с изображением Вадима, отпечатанным на сердце. Не сошлось ничего. И взгляд Татьяны остался равнодушным. Эта схема работала в ней каждый раз, когда она видела нового парня, поэтому все вокруг ей казались безынтересными, а все их попытки пофлиртовать – бестолковыми.

– Готов помочь в этом, – сказал Павлик. – Если хочешь.

Татьяна задумалась. В помощи она нуждалась, но предпочла бы кого угодно, только не его.

– Я на машине. А тебе сейчас ездить придется много из магазина в магазин, – Павлик настойчиво искал ее взгляд. – Я знаю, тоже занимался таким на первых порах.

– У тебя наверняка много своих дел, не хочу отвлекать, – вздохнув, махнула она рукой в надежде, что Павлик поймет намек.

– У меня грамотный тайм-менеджмент, – улыбнулся он. – На все времени должно хватить.

Они встретились взглядами. Из серых глаз Павлика лучилась надежда. Татьяна быстро заморгала, чтобы скрыть удрученность. Пришлось согласиться. Не без корысти. Все-таки кататься в зябкую ноябрьскую погоду на автомобиле с личным водителем было приятнее, чем мотаться по городу в одиночестве на автобусах, метро и пешком.

Павлик заехал за ней в понедельник в 16:00. Татьяна не выспалась, потому чувствовала себя нехорошо. Кофе не бодрил. Рисовые хлопья не насыщали. Скверное серое небо за окном угнетало. А радостная улыбка парня только бесила. Меньше всего такой непогожий день хотелось провести в компании нежелательного ухажера.

Накануне Татьяна составила список всех магазинов красок, которые только нашла в интернете. По онлайн-картам построила оптимальный маршрут, на что убила два с лишним часа, зато теперь время на поездки должно было сократиться. Это значило, что меньше времени ей придется провести с Павликом. Только это и заставляло ее возиться с маршрутом после работы рано утром, несмотря на усталость и сонливость.

Татьяна назвала адрес первого магазина, и Павлик плавно повел машину в указанное место. Он задавал обычные вопросы про дела и настроение, на которые Татьяна отвечала неохотно и односложно. Разговор не клеился, но на лице Павлика сияла счастливая улыбка, от которой Татьяне становилось тошно.

Это было странно для нее, потому что не было веских оснований ощущать недовольство. Павлик просто был в хорошем настроении, и ей это никак не вредило. Наоборот, его веселье, вызванное ее присутствием, должно было льстить, но оно только отягощало. Татьяна поражалась, как много зависело от субъективного отношения. Когда Вадим улыбался и пел рядом с ней, она искреннее радовалась, а приподнятость Павлика, вызванная тем же самым, загоняла ее в уныние. Впрочем, она убедила себя, что такому настроению способствовали пасмурное небо и моросящий дождь.

– Ты тоже мечтаешь стать арт-директором в будущем? – спросил он внезапно, испробовав все стандартные вопросы для поддержания дружеского разговора.

– Нет, – изумилась Татьяна. – С чего ты взял?

– Просто подумал, что ты, наверное, не просто так в помощники к Арине напросилась, – пожал плечами парень. – Наверное, у тебя есть какие-то планы на будущее. Не танцевать же гоу-гоу всю жизнь.

Татьяна посмотрела на него сбоку презрительно-обиженным взглядом и отвернулась к окну.

– Я учусь, – просто ответила она в попытке реабилитироваться.

– На кого? – с интересом подхватил Павлик.

– На мультипликатора, – не без гордости ответила Татьяна, не поворачиваясь к нему лицом.

– Мм. Интересно.

Парень развернулся к ней в ожидании, что она сейчас начнет во всех подробностях рассказывать про выбранную специальность и учебу, но Татьяна разглядывала серый город сквозь запотевшее окно.

Они объездили почти все точки на маршруте. И нигде не нашли то, что нужно. То им предлагали совсем не те оттенки, то нужного оттенка не было в нужном количестве. Наконец, в последнем магазине консультант посоветовал сколеровать нужный оттенок самостоятельно смешав, белую и оранжевую краски. На том и порешили. Татьяна купила по баночке обеих цветов.

Павлик ликовал, когда они вышли из магазина. Уставшее лицо выдавало его утомление от скучного шоппинга.

– Аппетит не нагуляла? – он открыл перед Татьяной переднюю дверь.

Татьяна благодарно кивнула и села в кресло, поставив пакет с красками между ног.

– До дома дотерплю.

Павлик цокнул губами и завел мотор.

– Просто знаю ресторан хороший как раз по пути…

– У меня нет денег на ресторан, – перебила Татьяна, стараясь не смотреть в его сторону, чтобы случайно не встретиться глазами.

Неловкость сковывала ее невидимым жгутом. Павлик с воодушевленной улыбкой подхватил:

– Я угощаю.

– Нет, что ты! – опомнилась Татьяна, осознав, что дала не так себя понять. – Я вообще на диете сижу. И по ресторанам не хожу, потому что там неизвестно что подают.

Она все-таки посмотрела на него и махнула рукой, придав себе немножко непринужденности.

– Я знаю ресторан, где подают только фитнес-еду, если хочешь, – не отчаивался Павлик, поглядывая то на дорогу, то на Татьяну.

Она закатила глаза и нервно выдохнула. Ее бесило, что он не замечает намеков или делает вид, что не замечает, а прямым текстом отказывать ему Татьяна не желала, боясь нагрубить.

В воздухе повисла тугая пауза. Павлик ждал от нее ответа, поглядывая с заискиванием. Она отворачивалась, кусая губы.

– Я не хочу, – не выдержала Татьяна через минуту и встретила опечаленно-недоумевающий взгляд.

Он сдвинул брови домиком. Она смягчилась и добавила:

– Я устала. Отвези меня домой, пожалуйста.

– Как скажешь.

Парень пожал плечами и перестал на нее глядеть. Стало чуточку легче. Дальше они ехали в полной тишине. Вместо радио в торпедо зияла темная дыра. От зависшего молчания спасали только шумы города и дождя, бьющего по стеклам. Мерный стук капель мысленно ограждал их друг от друга невидимой звуковой стеной. Каждый смотрел в свое окно.

За поворотом на ее улицу Павлик резко остановился, малость не доехав до адреса, и, не глуша мотор, выбежал под дождь. Татьяна проводила его озадаченным взглядом. Парень быстро потерялся за дверьми небольшого торгового центра, а через пять минут выбежал с букетом.

– Тебе для поднятия настроения, – самодовольно скалясь, он протянул букет из голубых гортензий.

Татьяна приоткрыла рот и подняла брови, теряясь в неловкости. Она не знала, как реагировать на такой спонтанный знак внимания. Ей было неудобно перед этой безосновательной добротой. Она ведь ничем не заслужила такое отношение, но Павлик, очевидно, старался. И не принимать букет показалось еще большей грубостью, чем принимать. Долго держать его под дождем тоже не хотелось. Татьяна вздохнула и взяла цветы.

– Спасибо.

– Я не знаю, какие ты любишь, – говорил он запальчиво. – Взял на свой вкус. Если скажешь, в следующий раз подарю то, что тебе нравится. А? Розы? Орхидеи? Лилии?

Он снова улыбнулся и, пригнувшись, снизу заглянул Татьяне в глаза. Она их спрятала в боковом зеркале, забрызганном дождем. До Вадима ей никто никогда не дарил цветы. Она и не страдала по этому поводу. Просто не знала, какие цветы она любит, если любит их вообще. Но предположила, что обрадовалась бы чуточку больше, если бы Павлик преподнес подсолнухи. Сердце снова сковала боль, потому что за подсолнухами вспомнилась Муравьева и ее спектакль.

– Не надо, – ответила Татьяна. – И сейчас тоже не надо было.

Радость на лице Павлика резко сменилось огорчением. Впервые в ее жизни ухажер оказался одновременно настолько настойчивым и непонятливым. Татьяна не знала, что нужно говорить и, главное, как. Ей не хотелось, чтобы он затаил обиду. Все-таки им приходилось пересекаться на работе. Но и донести хотелось четко, что ничего не выйдет. Мозг судорожно искал выход.

– Павлик, – начала она нерешительно, дав себе несколько секунд, чтобы собраться, – я… если ты… если я правильно тебя поняла…

Татьяна снова замолчала. Слова как будто разбежались врассыпную от волнения. Раньше бы она и не подумала, что будет так переживать и с таким трудом объяснять человеку, что он ей не нравится. Она была уверена, это не сложно, ведь, казалось бы, без чувств к другому человеку нельзя страдать из-за него. Но на деле чужая искренняя симпатия и беспричинная доброжелательность вызывала жалость, пугала и обезоруживала.

– Павлик, – отважилась на вторую попытку Татьяна, мотая руками в воздухе, – прости, но если… если ты надеешься на что-то… то есть если ты этим хотел показать, что я тебе нравлюсь… то извини… то есть не стоило… то есть ты мне не нравишься… если уж так…

Она зажмурилась на секунду и, наконец, осмелилась посмотреть парню в глаза. Павлик отвернулся, хватая руками все подряд: то руль, то переключатели фар, то рычаг коробки передач.

– Да нет, я… – начал он, но сам себя остановил.

Растрепав левой рукой волосы, парень глубоко вздохнул и выпрямился, а затем повернулся к ней и спросил.

– А почему?

Этого вопроса Татьяна боялась. «Зачем ему это знать? Что это даст?» – сокрушалась она в душе, откинув голову на подголовник, и стукнулась об него затылком несколько раз.

– Потому что мне кое-кто уже нравится, – с неохотой выпалила Татьяна.

Павлик только промычал, сжав губы.

– Арина?

– Что?! Нет!

Ее взбесило, что он, как все, верил этим дурацким слухам.

– А кто тогда? Хоть парень или?..

– Знаешь, это уже не твое дело! – вспылила она и вышла из автомобиля, оставив букет внутри.

Дождь свалился на нее холодными крупными каплями, мгновенно замочив пальто и шляпу. Под ногами хлюпала грязная вода, с бульканьем стекающая по асфальту в канализацию. Татьяна шла сердитой походкой, злясь на себя за то, что согласилась принять помощь от Павлика, неосознанно подарив ему нелепую надежду. В груди все разрывало от ярости. Потому что она устала от постоянных подозрений в интимной связи с Ариной. Устала от неверия коллег в то, что Арина могла ее нанять не только ради собственной корысти. Устала от нежелательного внимания.

В эти моменты бесила собственная немощность и зависимость. Зависимость не только от Арины, но и от Вадима. Воспоминания о нем заставили сжаться сердце. В груди раздалась почти физическая боль. Не то, чтобы она о нем до этого момента не думала. Он всегда фоном висел в подсознании. Улыбался по-доброму. Иногда перед сном она внезапно вспоминала какой-нибудь короткий эпизод из тех немногих, что они провели вместе, и невольно улыбалась, а потом сразу хотелось плакать.

И сейчас на глаза выступили слезы. Татьяна вспомнила, когда в последний раз его видела: улыбчивого, веселого, с подсолнухами, несущего их Муравьевой. Она все еще находилась под его властью, хоть сама от него и сбежала. И не знала, как из этого выпутаться. Сердце не поддавалось логическим размышлениям. Его нельзя было убедить, что Павлик ничем не хуже, а может, и лучше Вадима. Оно само выбирало ритм, заставляя в одном случае радоваться и трепетать, а в другом – скучать и съеживаться. Такое бессилие перед прошлым бесило до последнего нерва. Успокаиваться пришлось весь вечер.

[1] Рианна (Rihanna) – всемирно известная барбадосская певица, актриса, музыкальный продюсер, модный дизайнер и филантроп

Глава 21. Изъяны

Ручная колеровка далась Татьяне с трудом. На купленном ею метровом бруске почти не осталось живого места, когда наконец получился нужный оттенок. Процесс смешения красок требовал скрупулезности, полной фиксации всех действий и, главное, пропорций, а еще правильного освещения и четкого зрения. Запах краски разнесся на всю квартиру. Мучения закончились лишь на третий день.

В благодарность за терпение Татьяна накупила Адлии пирожных из дорогой пекарни напротив их дома, мимо которой та всегда проходила со слюнками на губах, но никогда не позволяла себе там что-нибудь купить. Небрежно называла их «дразнилкой для желудка», зато Татьянино угощение слопала с большим удовольствием и почти все разом за просмотром сериала. Даже зловоние красок ей не испортило аппетит. Татьяна только улыбалась, с радостью наблюдая за тем, как Адлия сует в рот пирожное целиком.

Съездив в магазин и накупив побольше банок обоих цветов в нужной пропорции, Татьяна приехала в «Дэнсхолл» в середине дня. Она зашла через служебный вход. Было тихо, пусто и сыро. Вдруг резко раздался стон из зала. Татьяна перепугалась и на всякий случай спряталась за колонну, которая загораживала от танцпола коридор, ведущий в служебные помещения и кабинеты. Стоны стали учащаться и становились все громче. Татьяна залилась краской и непроизвольно хотела закрыть уши, как испуганный ребенок, но это только чуть-чуть приглушило звуки. Сконфузившись, она прислушалась.

Помимо женских стонов раздался мужской запыхавшийся голос. Он произносил пошлые словечки, которые разжигали в женщине еще больше страсти, ибо она почти перешла на крик. Такая неожиданная интимность происходящего сковала Татьяну, но заставила прислушаться на несколько секунд, которых хватило, чтобы узнать в стонах бархатный голос Арины.

Татьяна невольно ахнула и прижалась к колонне спиной вплотную. «Успокойся, ты же была с ней на кинки-вечеринке», – думала она, пытаясь сбить нарастающее волнение. Но то была специальная вечеринка в подходящем месте, а здесь – работа, где не предполагалось встретить занимающихся сексом людей. Ей стало страшно, что ее могут подловить на подслушивании и не так понять, но пока она в судорожном состоянии соображала, что делать, стоны и крики резко закончились.

Уже через пару минут мимо колонны, не заметив Татьяну, пробежал статный шатен с вьющимися волосами в растрепанном виде и с самодовольной улыбкой на лице. В шатене Татьяна узнала бармена со стойки, возле которой танцевала, но тут же отвела взгляд, чтобы он не обернулся на нее. Следом в коридоре появилась Арина, застегивающая на ходу фиолетовое платье-пиджак. Волосы растрепались, локоны потеряли форму, помада размазалась по щекам и подбородку.

– Ты что здесь делаешь? – без всяких приветствий, даже визуальных, спросила арт-директор, резко остановившись напротив Татьяны.

– Я краску привезла, – смутилась она, избегая испытующего взгляда Арины, но при этом непроизвольно желала разглядеть ее внимательнее, выискивая все больше следов недавнего страстного секса.

– Похвально.

– Я ничего не видела, – поспешила Татьяна заверить директора в своей непричастности, а через секунду добавила. – И не слышала.

Это Арину рассмешило.

– Неужели я так тихо стонала? – в шутку удивилась она и, цокнув губами, заметила. – Значит, секс не удался. Надо будет уволить Петю. Не справляется.

– Что?! – ужаснулась Татьяна и тут же прикрыла рот обеими ладонями.

Миндалевидные глаза ее округлились. Ноздри расширились. Щеки залились алым румянцем. Все тело замерло в оцепенении. Арина в голос рассмеялась, закинув голову назад. Она долго хохотала. Постепенно Татьяна оттаяла, опустила руки, вернула глазам привычную форму и нахмурила брови.

– Сама наивность! – директор даже схватилась за живот.

Татьяна скуксилась и уперлась лопатками в колонну, руки скрестила в ожидании, когда смех прекратится. Арина резко остановилась и выпрямилась. Лицо приобрело сухое выражение. Руки снова спрятались по карманам.

– Давай показывай, что привезла, – она кивнула в сторону своего кабинета и направилась туда.

Татьяна зашагала следом, взяв стеклянную банку с колерованной краской. Пока Арина приводила себя в порядок, стирая испорченный макияж ватным тампоном, и крутилась в кресле, Татьяна демонстрировала два окрашенных бруска.

Выбросив черный от туши тампон в мусорное ведро под столом, директор резко схватила оба бруска и вытянула на свет, внимательно разглядывая оттенки. Татьяна пальцем показала на последнюю кляксу, которая демонстрировала тот самый цвет, что она создала. Директор вгляделась внимательно, то прищуриваясь и приникая к бруску, то отдаляясь и расширяя глаза. Она покрутила оба куска дерева на свету и наконец одобрила Татьянин вариант.

– Неплохо. Справилась четко вовремя. Сегодня как раз реквизит должны привезти.

Директор осмотрела поверхность рабочего стола, заваленную косметикой, бумагами, папками и канцелярией. Пустого места на столе не было. Даже помаду пришлось ставить на какой-то важный документ. Затем она резким движением выхватила из-под степлера скованную скрепкой стопку листов А4 и протянула ее Татьяне.

– Это сценарий шоу на новогоднюю вечеринку. Почитай пока. Скажешь потом, что не так.

Татьяна округлила глаза и не смогла сдержать улыбку, но документ приняла без слов и отправилась читать на диван, расположившись там поудобнее. Арина спокойно приступила к новому макияжу.

Первые полчаса они сидели в тишине. Директор что-то печатала на компьютере и кликала мышкой, бегала глазами по широкому монитору, иногда отвлекаясь на телефон. Татьяна читала, изредка на нее поглядывая, пока совсем не увлеклась действием.

Сценарий описывал полноценную шоу-программу, большую часть которой составляли танцы. Первое, что подметила Татьяна, – это речь ведущего. Ее удивило, что все его слова придумывались другими людьми, а он просто озвучивал заготовленный текст. Хотя на всех предыдущих вечеринках ей казалось, что ведущий говорит от себя. Иногда он наверняка вставлял собственные шуточки или комментарии к происходящему, но в целом, как она теперь узнала, следовал сценарию.

Шоу-программа представляла собой не просто набор номеров, никак друг с другом не связанных, а полноценный сюжет, развивающийся по ходу действия, в который отдельные постановки вплетались как ключевые и не очень эпизоды. Чем-то сценарий походил на пьесу для балета, только представление отличалось современностью, эпатажностью, динамичностью и поверхностностью. Здесь не требовалось полноценно раскрывать героев и поднимать глобальные темы человеческого развития. Канва событий должна была давать зрелище, развлекать и веселить, а не удручать и заставлять задумываться о высоком.

Больше всего Татьяну позабавил танец елок. За основу сюжета автор взял сказку американского писателя «Как Гринч украл рождество», о которой она узнала благодаря одноименному фильму с Джимом Кэрри. В этой постановке ворчливый монстр тоже ненавидел Новый год и решил расправиться с праздником, похитив подарки и даже срубив все елки в ближайшей округе. Именно этот танец убегающих от маньяка с пилой деревьев Татьяну заставил смеяться в голос.

Она хихикала, лежа на животе, когда громкий звонок вырвал ее из новогоднего безумия.

– Да, Виктор Русланович, – отвечала Арина по блютуз-гарнитуре. – Я же вам направила. Обновите почту. Окей. Еще раз скину. Ага.

Татьяна смотрела на арт-директора, которая во время разговора читала что-то на экране компьютера безотрывно. Не успела она закончить короткую беседу, как в кабинет с криком «Ариш!» ворвался музыкальный директор, в любую погоду и в любом помещении носивший шарф. Шарф, каждый раз был новым, но всегда неотъемлемым атрибутом его внешнего вида. Директор бесцеремонно уселся на стол Арины, загородив компьютер, и показал экран своего телефона.

– Райдер читала? – он едва сдерживался от смеха.

Арт-директор сначала покачала головой, сдвинув брови в недоумении, а потом вгляделась в продолговатый экран, отсвечивающий белым. Она внимательно перечитала и залилась задорным хохотом. Музыкальный директор, заразившись, тоже расхохотался. И Татьяне захотелось смеяться, но она полагала, что не имеет права в этом участвовать, потому прикрыла рот ладонью и опустила голову в попытке вернуться к сценарию. Директора сгибались пополам со смеху. Он стучал рукой о бедро, краснея и задыхаясь, а Арина, откинувшись на спинку кресла, чуть не упала, перевалившись назад.

– Да они постебались просто, – ответила арт-директор, выплескивая по одному остатки смеха.

– Окей, позвоню, уточню, – сказал музыкальный директор с веселой улыбкой на красном лице и вышел из кабинета так же быстро, как вошел.

Столкнувшись с ним в дверях, в кабинет вбежала девушка в мешковатом кислотно-зеленом платье и двумя смешными косичками, как у Пеппи Длинныйчулок, кончики которых отливали иссиня–розовым. Она встала, как вкопанная, в паре шагов от входа и уставилась на Арину в выжидательном подчинении.

– Да, Маш, – вскинула голову арт-директор и рукой показала подойти к ней.

Девушка вприпрыжку подскочила к столу и, склонившись, встала рядом с Ариной. Та подала ей цветные иллюстрации пачкой.

– Нашла интересную идею. Подумай, как мы можем интегрировать что-нибудь подобное, – сказала Арина мягким тоном, не типично приказным, а скорее, дружеским, совещающимся. – Я думала о баре, но не уверена. Это не к спеху. Обсудим в следующий четверг.

– Окей, босс, – с улыбкой воскликнула Маша, схватила фотографии и убежала восвояси, даже не закрыв за собой дверь кабинета.

Арина снова уткнулась в монитор, подперев голову левой рукой и уткнув указательный палец в худую щеку.

Татьяна продолжила читать сценарий. Постановка предполагала большое количество декораций, костюмов и реквизита, несравнимо с тем, что было на всех тематических вечеринках до этого. Подробных описаний сценарий не содержал, но по одним названиям предметов она догадалась, что работы предстоит много. На сцену должны были выкатываться сани, выноситься и стоять избы, наряжаться и разбиваться елка, и происходить много чего еще. Татьяна снова с головой окуналась в помпезное разнообразие предстоящего шоу. Ей осталось дочитать совсем чуть-чуть, как снова раздался звонок. Арина недовольно ответила, прослушала сообщение собеседника и, сказав «окей», тут же набрала кого-то еще.

– Какого хера ты вечно где-то пропадаешь вне зоны доступа? – ворчала она в блютуз-гарнитуру. – Там реквизит уже пятнадцать минут ждет. До тебя не дозвониться. И как, расчистил? Давай, люди ждут.

Наконец она удостоила вниманием Татьяну, которая во все глаза наблюдала за телефонными переговорами.

– Дочитала?

– Почти.

– Ну, как?

– Потрясающе! – восхитилась Татьяна, соединяя сценарий скрепкой в единый документ.

– Плохо читала, – тут же обрубила ее восторг Арина.

– Но…

– Вот именно. Всегда должно быть «но».

Директор поставила локти на стол и соединила руки кончиками пальцев в равнобедренный треугольник. Строгий взгляд заставлял Татьяну сомневаться даже в здравости собственного рассудка. Ей ведь понравилось, и никаких ошибок она ни в чем не увидела, но взгляд настойчиво убеждал в обратном.

– Изъяны есть всегда, – продолжила учительским тоном Арина. – Ни один человек никогда и ничего не делал без изъянов. На это даже природа неспособна. Так что их надо искать. Это не значит, что все изъяны надо исправлять, но надо понимать, почему, как и для чего они здесь есть. Обстоятельства могут быть разные.

Она махнула рукой и снова откинулась на спинку кресла, сделав полуоборот.

– Изъяны могут быть следствием технических проблем, ограниченности бюджета или тупости их создателя. Чтобы не превращать их в недостатки, надо знать, как их подать, от чего отказаться, а что исправить. Так что выключи в себе наивное дитя и включи критическое мышление.

Взгляд ее резко дернулся в сторону правого уха, на котором она носила гарнитуру. Татьяна поняла, что снова поступил звонок.

– Пойдем, – сказала директор. – Перечитаешь потом. Сейчас надо заняться реквизитом.

Они вышли из кабинета в неоновый коридор, в котором столпилась группа молодых людей, обсуждающих картину с дырявыми кубами, хаотично разброшенными по полотну. Все как один поздоровались с Ариной. Та им кивнула и вышла в служебный коридор. Татьяна тенью следовала за ней. Выйдя на улицу, они свернули направо и спустились по лестнице в подвал с отдельной железной дверью, которая была открыта.

За ней пряталось типичное техническое помещение с тусклым светом и неотделанными бетонными стенами. На полу толстым слоем лежала пыль, разбавленная мелким бумажным и пластиковым мусором. Естественный свет пробирался сюда через небольшие прямоугольные окошки, больше похожие на форточки, под самым потолком вдоль фасадной стены.

Все здесь было навалено в кучу, только в самом центре образовался неровный круг пустоты, а по краям валялся всякий хлам: обрубки и отрезки старого реквизита, мусор, неиспользованные отделочные материалы, банки и бутылки с непонятными жидкостями, сломанные инструменты и прочее. Высота потолков едва ли достигала двух метров, но помещение уходило в темную глубь и вмещало в себя много разного барахла. С порога их настигла плесневелая сырость с примесью пыльного и сухого запаха штукатурки.

Павлик уже возился с тремя большими коробками, откуда торчали причудливые фигуры из разрезанной лазером фанеры. Увидев Татьяну, он стушевался и опустил глаза на руки, стряхивая с них грязь.

– Сколько уйдет на сборку? – спросила Арина, заглядывая в одну из коробок, и потрогала пару деталей, переложив их с места на место.

Павлик ответил не сразу, пожав плечами.

– Думаю, дня за три-четыре справлюсь.

– Давай, я тебе в помощь пару человек выделю.

– Я сам! – взволнованно взглянув на директора, мгновенно воскликнул парень.

Арина насторожилась и замерла, оценивая его мимику. Татьяна тоже была удивлена такому резкому выпаду, но предпочитала на Павлика не смотреть, чтобы не смущать ни его, ни себя.

– Все же заняты, – поправился он через пару секунд, вздохнув. – Я попытаюсь быстрее.

– Вот Подсолнух не занята, – Арина мотнула в сторону Татьяны головой.

Павлик с сожалением посмотрел на нее и замолчал. Прикованная взглядом, Татьяна вынужденно посмотрела в ответ, но тут же отвела глаза, периодически возвращаясь к озадаченному лицу парня. Он напряженно о чем-то думал, размыленно глядя уже не на Татьяну, а просто в пространство, которое она занимала. Директор, сдвинув брови, ждала ответ.

– Хорошо. Мы вдвоем управимся.

В голосе Павлика Татьяна услышала легкое раздражение и про себя хмыкнула.

– Даю ровно сутки, – строго сказала Арина. – Таня в твоем распоряжении.

Еще пару секунд директор с подозрением вглядывалась в смущенное лицо парня, но, ничего не сказав, вышла из подвала.

– Блядь, – выругался Павлик.

Татьяна опешила и чуть отодвинула корпус назад, не понимая, чего ожидать дальше.

– Не сдавай меня, пожалуйста, – взмолил он внезапно, выставив руки вперед, как будто Татьяна тыкала в него пистолетом с требованием отдать всю наличность.

В растерянности она помотала головой и нахмурилась.

– Минутку.

Павлик сорвался с места и выбежал из подвала, перескакивая через ступеньки лестницы. Пока его не было, Татьяна осматривала содержимое коробок. Там валялись составные части огромной и завороченной конструкции неровных и жидких форм наподобие лекал. Узоры, которые их украшали, напоминали зимние и русские народные одновременно. Татьяна покрутила в руке одну доску в форме гребешка волны, испещренную вырезами из таких же гребешков и линий, которые перепутались между собой.

От резкого хлопка двери Татьяна отбросила элемент обратно в коробку, отчего по всему подвалу раздался приятный деревянный стук. Павлик вернулся не с пустыми руками. Он принес к ее ногам деревянный ящик, накрытый потрепанным грязным покрывалом, обвязанным вокруг так, чтобы внутреннее содержимое не могло вывалиться. Когда Павлик развязал толстые узлы, Татьяна увидела котов.

Их было три и все разных цветов. Первый, самый крупный и самый побитый жизнью, имел полосатый бежево–рыжий окрас и один глаз. Второй когда-то давно был выцарапан. Еще и левое ухо наполовину отсутствовало, а на лапке, даже сквозь поросшую вокруг шерсть, выпирал жирный бледно-розовый шрам. Следующий кот был черным с белыми лапками и мордочкой, похудее и помоложе. Признаков насилия Татьяна не обнаружила, но шерстка скрутилась во многих местах, а под глазами скопилась желтая гелеобразная жидкость. Третий кот имел серый пятнистый окрас, грязный и спутанный мех, зато пушистый. Кажется, только шерсть и придавала ему объем, потому что лапки и мордочка сильно прохудились до выпирания костей.

В Татьяне сразу проснулось чувство умиления и жалости. Ей захотелось приласкать несчастных созданий и покормить. Она опустилась на корточки и попыталась погладить каждого, но коты, не привыкшие к ласке, мяукали и уворачивались. Павлик, заметив, как Татьянина суровость сменилась сюсюканьем, расплылся в улыбке и вздохнул с облегчением.

– Я их тут подкармливаю, – он погладил рыжего. – И позволяю им тут жить зимой. Не бойся, они уже привитые. Я за ними ухаживаю. Если нахожу, раздаю их добрым людям. Этих месяц-два назад нашел, а вот рыжего уже два года никто не забирает. Можно сказать, это теперь его хоромы.

Он потрепал толстую голову кота, не снимая улыбку с лица.

– Никто, кроме меня и теперь тебя, об этом не знает. Арина ненавидит кошек. Слава богу, в подвал никто не заходит. Так что не говори никому. Пожалуйста.

Павлик посмотрел Татьяне в глаза, чтобы убедиться в ее надежности. Она улыбнулась во весь рот и кивнула.

– Спасибо.

Они несколько долгих секунд всматривались друг в друга, улыбаясь. Сейчас в его обычно серых глазах Татьяна отчетливо разглядела оттенки бледно-зеленого, как исландский мох. В удачном ракурсе они серебрились, а иногда казались даже прозрачными. Татьяна с любопытством рассматривала его радужки, с каждой секундой подмечая все больше необычных деталей, потрясающих своей тщательно скрываемой красотой. От этого возникало ощущение посвящения в некое таинство, доступное лишь избранным. И таинство манило.

После такого проникновенного взгляда Татьяна как будто оттаяла. Павлик тотчас перестал ее бесить и даже больше, расположил к себе. Смазливые черты лица, которым не хотелось доверять, показались привлекательными. Несуразность внешнего вида перестала вызывать усмешку и теперь ощущалась как диковинная индивидуальность. Заискивание стало восприниматься как искреннее предложение дружбы. И симпатия уже не напрягала, а льстила. У Татьяны в голове не укладывалось, как одно мгновение перевернуло все с ног на голову, но ощущения поменялись, и вернуть их обратно казалось теперь невозможным. Как бы ей хотелось сейчас сделать то же самое с чувствами к Вадиму, только наоборот.

Выпустив котов из ящика и дав им разбрестись по подвалу, Павлик с Татьяной принялись изучать инструкции по сборке инсталляций. Оказалось, в каждой коробке лежал отдельный реквизит со всем необходимым. За сутки им предстояло собрать сразу три конструктора. Миссия виделась Татьяне впечатляющей и невыполнимой.

На первом чертеже изображались странные сани с демонически острыми полозьями и ажурно вычурной спинкой, смешивающие в себе готику и барокко, или больше. Сначала предстояло разобраться с деталями и определить, что есть что, только потом присоединять их друг к другу. Пространства явно требовалось больше, чем было. Павлик отодвинул две другие коробки насколько смог далеко, распинал мусор в стороны, расстелил стопку газет. Татьяна перекладывала детали из коробки на пол.

За сборкой саней Павлик для заполнения паузы много рассказывал о себе и, к облегчению Татьяны, вопросами не донимал. Изредка задавал простые, как будто для проформы, но легко удовлетворялся односложными или витиеватыми ответами без подробностей. Зато о себе говорил с упоминанием всех деталей. Она внимательно слушала, просто потому что ничего другого не оставалось.

Из рассказов Павлика Татьяна узнала, что ему двадцать три, жил он с мамой, учился на социального работника, в «Дэнсхолл» устроился официантом, будучи студентом, и за пять лет дослужился до администратора клуба, потому что нормальную работу по профессии после выпуска найти не смог. За те, что находил, платили копейки, а ему уже тогда требовалось содержать мать с инвалидностью.

Он шутливо хвастался, что несмотря на смену профессии потребность в помощи другим у него никуда не делась, поэтому старался помогать всем, кому может: беспризорным животным, забегающим случайно во двор ночного клуба, бездомным людям, просящим милостыню «на бухло», бабушкам, продающим безделушки у метро. Много рассказывал о матери, которую явно сильно любил и о которой приходилось заботиться. Рассказывал истории из детства – самые теплые и яркие воспоминания, когда мать была еще здорова и полна сил. Говорил он с любовью и тоской, отчего Татьяне стало его жаль. Захотелось даже обнять и утешить, но она сдержала себя.

С санями они закончили за полночь. Татьяна совсем забыла посмотреть на часы, увлекшись историями Павлика, потому что он говорил без остановки. Опомнившись, они начали впопыхах собираться.

– Не беспокойся, я подвезу тебя до дома, – сказал Павлик, закрывая железную дверь подвала на ключ.

– Спасибо, –улыбнулась Татьяна.

Ночью шкала пробок опускалась до зеленого уровня, поэтому Павлик позволил себе немного полихачить на дорогах. До Татьяниного дома они доехали быстро и распрощались на веселой ноте. У нее на душе осталось приятное послевкусие от прошедшего дня.

Глава 22. Подарки

Татьяна теперь приходила в подвал каждый день, принося котам молоко или корм. Посмотрев, в каких спартанских условиях, они жили, она решила немного благоустроить их обиталище, чтобы животным было хотя бы мягко спать, и купила кошачьи кроватки. До этого они спали в ящиках, на досках или том самом покрывале, под которым их прятал Павлик.

Он каждый раз наблюдал за ней с влюбленным восторгом, особенно не встревая. Они вместе облагородили кошачью зону, огородив ее ящиками от остального подвала с проходом для кошек, но так, чтобы от входа кроватки и миски не было видно.

За второй день, начав не с раннего утра и закончив не поздним вечером, они собрали оставшийся реквизит – две избы, побольше и поменьше. Избами их называли производители. На самом деле, от древнерусского типа жилья в них мало что осталось, только узоры да база: короб, крыша и окно.

После сборки Арина, не без сарказма заметив, как Татьяна с Павликом подружились, дала им задание покрасить все собранное той краской, которую наколеровала Татьяна. Ее уже тошнило от этого убийственного всеобъемлющего запаха, но перечить директору было опаснее. Все то время, пока красили, они держали все окна и дверь в подвале нараспашку, но это мало чем помогало. По вечерам у Татьяны голова просто раскалывалась, но она все равно оставалась довольной и засыпала сладко и беспечно.

Подготовка к Новому году шла полным ходом. Арина таскала Татьяну за собой по всему клубу и не только. Они ездили в ателье, которое выполняло заказ на пошив костюмов, вносили легкие правки и проверяли материалы и качество работ. Все это директор делала сама, но Татьяна ходила за ней по пятам, за всем наблюдала, во все вслушивалась и старалась впитать в себя.

Помимо прочего, у Арины каждый день были какие-то встречи, совещания, обсуждения. Постоянно прибегали дизайнеры за утверждением чего-либо или просто советом. Заходили другие директора, обсуждали не только новогоднюю, но и текущие вечеринки. Промоутеры во главе с генеральным представили Арине план по продвижению вечеринок и клуба на весь квартал следующего года, который она утвердила почти не глядя. Еще больше она разговаривала по телефону, не успевая повесить трубку, тут же отвечала на следующий звонок или звонила сама, как по личным, так и по рабочим вопросам. Татьяна далеко не всегда могла определить, что из этого что.

Когда директор занималась своими делами, Татьяна почитывала сценарий. Она перечитала его уже сотни раз, но так и не смогла найти ни одного изъяна. Арина не хотела ничего обсуждать, пока Татьяна не найдет хотя бы один.

– Подсолнух, ну, такими темпами, нам просто не о чем будет разговаривать, – сказала директор, когда они остановились пообедать в корейском ресторане после поездки в стеклодувную мастерскую, где заказали для предновогодней вечеринки огромные елочные игрушки.

Татьяна осунулась и потупила глаза в тарелку с кукурузной лапшой, плавающей в жидком бульоне. Ресторан не был набит битком, но все окружающие столики заняли деловые люди, вышедшие по парам из офисов на бизнес-ланч.

– Окей, – вздохнула Арина, отложив палочки, которыми ела салат с говядиной. – Начни с того, что тебе не понравилось.

Татьяна подняла виноватый взгляд на директора и пожала плечами.

– Мне все понравилось, – она снова опустила глаза и хлебнула бульон, чтобы оградиться от проницательных карих глаз.

Арина осталась недовольна ответом. Она вздохнула, прикусила левую щеку, затем правую, провела языком круг под губами и снова взяла в руки палочки. Какое-то время, которое для Татьяны превратилось в бесконечную пытку, они ели молча.

Она корила себя за трусость, потому что боялась высказать мнение, которое выдаст ее глупость или не удовлетворит Арину. Молчание казалось лучшим выходом. И у нее действительно не было никаких претензий к сценарию. Что-то выглядело странноватым, но это умещалось в рамки жанра, по крайней мере, Татьяна их сама себе могла объяснить. Она даже не представляла, о каких именно изъянах директор надеется услышать.

– Тань, я устала тебя жизни учить, – сказала Арина, доев салат до конца.

Услужливый официант, заметив, что она закончила с обедом, тут же принес ей горячий кофе. Она кокетливо ему улыбнулась и глотнула из белой чашки с тонкими звенящими стенками.

– Хватит меня бояться. Говори все, что думаешь, – настаивала арт-директор, поставив чашку на плоское блюдце. – Если вечно будешь трусить, то ни в чем никогда ничего не добьешься. На сценарий ты уже никак повлиять не можешь. Я все равно сделаю так, как посчитаю нужным.

Татьяна слабо улыбнулась. Она пробежалась глазами по ресторану, не цепляясь ни за что конкретное, хотя в интерьере множество приятных мелочей привлекали внимание, и набрала полную грудь воздуха. Посидев так с полминуты без дыхания, прочувствовав, как колотится сердце в груди и как надувается от давления голова, Татьяна с силой выдохнула и наконец взглянула директору в глаза.

– Хорошо, у меня есть один вопрос, – начала она. – Почему, когда Гринч похищает подарки, коробки должны изображать люди, надевая их на головы? А не, например, тот же 3-д-мэппинг?

Арина одобрительно закивала и быстро ответила.

– Дорого. Качественный 3-д-мэппинг стоит приличных денег, а бюджет у нас всегда скудный.

Татьяна тоже закивала. Она примерно так и думала.

– Но не только из-за этого. Здесь важна фигурность движений. Очень забавно смотрится, когда это делают люди своими головами. Коробки сразу оживают. Если это была бы проекция, зрители бы просто видели виртуальные коробки, причем сразу понимали бы, что они виртуальные. А так получается волшебство. Черная ночь на фоне. Гринч напевает песенку. Разбирает огромный мешок. С первого взгляда люди не увидят танцовщиков, они увидят только сложенные в мешок коробки. И когда танцовщики начнут движение, для них это будет вау-эффект.

О таком Татьяна уже не думала, потому смотрела Арине в рот с широко раскрытыми глазами, а та продолжала.

– К тому же, надо использовать людей и возможности, которые есть. Мы же делаем живое шоу. Какой смысл все заменять спецэффектами? У нас целый штат танцовщиков, которые прекрасно изобразят и коробки, и елочек, и принцесс, и злодеев. Недаром, в театрах актеры играют даже деревья. И очень глупо платить людям за работу и не привлекать их к этой работе или привлекать по минимуму.

– Но ведь с этими коробками нет полноценного танца? – удивлялась Татьяна, прокручивая в голове соответствующий эпизод из сценария. – Они просто скачут под музыку немного и снова скидываются в мешок.

– Это из-за хронометража. Пришлось урезать. Это тоже технические ограничения, которые нужно блюсти.

Только теперь Татьяна начала понемногу представлять, что с нее требовала арт-директор. Так комплексно подходить к вопросу она пока не умела. Она даже не задумывалась о таких нюансах, анализируя сценарий и саму постановку, как теперь осознала, исключительно

со зрительского ракурса, но никак не с точки зрения создателя. А Арина хотела, чтобы она мыслила, как творец и экономист, как постановщик и танцовщик, как реквизитор и светотехник, как дизайнер и сценарист, как все те, кто работают над созданием шоу, чтобы уметь проникать во все нюансы, отсекать лишнее, привлекать нужное, использовать имеющееся и создавать новое. После этого короткого разговора Татьяне показалось, что сознание ее расширилось. Душу взбудоражило приятное чувство, заставляющее ее копать все глубже и делать все больше.

– Доедай, и поедем, – сказала Арина, допив кофе. – А то я на ресницы опаздываю.

Татьяна с аппетитом принялась запихивать большими кусками лапшу с бульоном. Внезапно проснулся аппетит, который нужно было хотя бы немного усмирить. До конца она все равно не доела, боялась раздражить нетерпение директора.

Пока Арина посещала мастера по ресницам, Татьяна в сто первый раз перечитывала сценарий. Теперь, как ей казалось, она читала его гораздо осознаннее, на каждом эпизоде останавливалась, пыталась представить весь процесс создания, обдумать альтернативные варианты. А на обратном пути они с Ариной его обсуждали.

Со второй недели декабря пошли репетиции к новогодней постановке. Татьяна участвовала только в трех массовых танцах в качестве коробки, самой маленькой елки и девицы на народном гулянии в канун Нового года. Характерные роли разобрали передовые танцовщики. Света ставила танцы. Остальные заучивали движения и выкладывались на тренировках.

В последние дни перед Новым годом в клубе царила лихорадочная суматоха. Абсолютно все носились в бешенстве с выпученными глазами и языками набекрень. Дизайнеры оформляли зал и сцену, постоянно перетаскивая материалы и реквизит из одного угла в другой, как будто играли в гигантские шашки. Технические специалисты настраивали и расставляли по разным местам световое, звуковое и визуальное оборудование. Танцовщики танцевали везде, где было место. Арина, всегда окруженная подчиненными, бродила по клубу снизу вверх, справа налево и взад-вперед, указывая всем и каждому, что, когда, где и как делать, постоянно хмурилась, кусала колпачки ручек и почесывала подбородок. Павлик возился с документами, бегал за директором с ноутбуком и отсиживался в углу с калькулятором и исписанным почти до конца блокнотом.

Когда они с Татьяной встречались в подвале, парень ей жаловался на годовую отчетность, из-за которой погряз в тоннах бумаги, и которая ему уже снилась в кошмарных снах. Она только смеялась на это, поглаживая рыжего кота, которого Павлик недолго думая, назвал Рыжкой. Черного кота, который за пару недель успел набрать нормальную массу, парень отдал соседям по дому. Зато на днях принес маленького котенка, чуть не замерзшего насмерть на обочине трассы. Павлик предположил, что какие-то уроды выбросили его прямо из окна автомобиля в сугроб. Теперь в подвале жили Рыжка, серый Барсик и новенькая Котя, имя которой дала Татьяна по благородному предложению Павлика.

За предпраздничной суматохой она не заметила, как кончился год. Большую часть времени проводила на работе, иногда отвлекаясь на курсы по рисованию. Из-за всей суеты Татьяна совсем забыла про подарок для Адлии, который придумала еще летом, когда они шили ее первый костюм.

В самый канун Нового года, проснувшись с утра в ужасе от того, что ничего не купила, она побежала на поиски шелковой ночной рубашки, о которой Адлия как-то рассказывала, но не смогла найти ничего, на свой вкус, красивого и подходящего по размеру. К вечеру Татьяна решила сдаться и просто купила много шелковой ткани и ниток, чтобы Адлия сшила из этого все, что ей самой заблагорассудится. Так вышло даже лучше.

За несколько часов до Нового года, почти перед тем, как уехать на работу в «Дэнсхолл», она нашла Адлию на кухне. Та спокойно нарезала «Оливье» под «Иронию судьбы» на экране ноутбука.

– С Новым годом, Адлия! – с порога воскликнула Татьяна и поднесла обернутую блестящей бумагой и золотым бантом квадратную коробку.

Адлия выпучила глаза на подарок. Она пару мгновений пыталась понять ситуацию, а потом посмотрела Татьяне в глаза и улыбнулась.

– Спасибо большое. Щас, у меня руки грязные.

Быстро вымыв ладони, она обтерла их о фартук. Татьяна все это время стояла, вытянув коробку перед собой. Еще мокрыми руками Адлия аккуратно переняла ее и положила на свободный участок стола.

– Зачем ты? – смутившись, она посмотрела на Татьяну виновато. – Я вот не подготовила тебе ничего.

– Ты сама мой подарок! – расплылась в довольной улыбке Татьяна.– Подарок судьбы.

Адлия негромко посмеялась и закачала головой.

– Ай, лиса!

– Я искренне.

Татьяна ждала, когда Адлия развернет коробку, чтобы успеть уловить реакцию. Ей было важно, чтобы Адлии понравилось. Она боялась разочарования.

– Вау! – Адлия прикрыла рот обеими ладонями. – Это что, шелк натуральный?

– Ага, – Татьяна засияла ярче полярной звезды. – Я помню, ты говорила про ночнушку из шелка, которую тебе муж подарил. Я надеюсь, тут достаточно ткани, чтобы ты себе сшила что-то подобное и даже лучше.

– Ты что! Конечно! Да тут на три платья и два постельных белья хватит!

Адлия погладила отдающую приятным блеском ткань и приложила к щеке, как младенца.

– Спасибо, мне очень понравилось, – она улыбнулась глазами.

– Я рада!

Татьяна, не сдержав порыва, кинулась ее обнимать, отчего часть ткани упала на стол. Адлия ответила крепкими тисками, но Татьяна не чувствовала боли, только тепло. Это было приятное ощущение, которое успокаивало. Она себе удивлялась, тому, что принимала соседку теперь такой родной.

– Это тебе спасибо, что всегда меня выручаешь, – тихо сказала Татьяна, не разнимая объятий. – И шьешь мне классные костюмы.

– Ну, за такое количество шелка в Средние века я бы стала твоей рабыней, – засмеялась Адлия, выпустив ее из рук.

Татьяна искренне засмеялась.

– Хорошо, что мы не в Средние века живем.

– Это точно, – и Адлия снова принялась разглядывать ткань.

Потом, взглянув на часы, она ойкнула и в спешке, придерживая поясницу, побежала в комнату собираться на работу.

По пути в клуб Татьяна вспоминала прошлый Новый год и думала о том, как сильно все изменилось. Даже меньше чем за год. Она успела закончить академию, влюбиться и расстаться, сбежать от матери, сменить город и профессию, потерять старых и найти новых друзей.

Прошлый Новый год они с мамой встречали у ее знакомых, как часто делали до этого. Татьяне среди возрастных коллег матери, которые вели все разговоры о политике, искусстве и балете, было откровенно скучно. Дети друзей на тот момент уже выросли и встречали Новый год отдельно. Татьяна тогда мечтала, как она будет встречать Новый год без мамы. И вот этот момент наступил, а на душе скрипела тоска. Желудок вспомнил вкусный малиновый торт, который мама пекла на Рождество, и недовольно заурчал, готовый к тому, что в этом году ему придется пустовать и тосковать по вкусной еде. Но слабость, вызванная ностальгией, сразу прошла, как только Татьяна окунулась в празднично оформленный зал ночного клуба.

Над сценой прожектор высвечивал крупные часы, которые отслеживали приближение Нового года. Под потолком и на стенах висели остроконечные снежинки, напоминающие круглые щиты с торчащими во все стороны остриями кинжалов разного калибра. Огромные, метровые в диаметре, елочные игрушки отражали светомузыку на потолок, полы и стены вокруг, словно призмы. Сцена была усыпана искусственными снежными хлопьями из акрила, а сверху с потолка свисали гирлянды из ваты, имитирующие маленькие снежки. Новогодняя елка располагалась в холле. Ее не стали украшать игрушками, только крупными шишками и ягодками, пушистым снегом и множеством желтых огоньков.

Весь персонал тоже замаскировался. Бармены и официанты приодели красные колпаки и бабочки. Павлик разгуливал в темно-зеленом пиджаке с узором в форме хвойных иголок. Арина обмоталась мохнатой бело-серебристой мишурой и голубым кокошником Снегурочки. Ведущий в красной шелковой рубашке, зеленых приталенных брюках и острых башмаках с бубенцами сильно смахивал на гнома.

Все улыбались, поздравляли друг друга с наступающим и пританцовывали. Когда посетители вошли в клуб, там уже царила эйфория.

Павлик настиг Татьяну у колонны перед выходом в зал.

– Привет, – весело проговорил он, краснея, но не опуская глаз.

Руки спрятал за спину. Татьяна невольно заглянула ему за плечо.

– С наступающим! – парень достал красную коробочку для ювелирных украшений.

Татьяна не удивилась и даже ждала этого, хотя не была уверена, что хотела. Неловкость она не испытывала, но отчего-то отстранилась. Руки не сразу потянулись к подарку.

«Если я его возьму, что это будет значить?» – вопрошала себя, не торопясь принимать.

Павлик смотрел на нее во все глаза и улыбался во весь рот. В серебристых радужках сияла ликующая радость. Плечи подергивались в возбужденном смущении. Руки он снова сцепил и спрятал назад. Ноги переминались с пятки на носок и обратно.

– Спасибо, – Татьяна улыбнулась озабоченно и взяла коробочку.

Внутри лежал спиралью браслет серебристо-золотой из сцепленных в неровный ряд маленьких подсолнухов с лепестками из желтого золота и серебряным цветоложем.

– Белое с желтым золото, – уточнил Павлик, быстро указав пальцем на украшение. – Подсолнухи.

Он посмотрел на Татьяну в предвкушении восторга. Взглянув в его полные надежды глаза, она вздохнула и выдавила из себя:

– Вау!

Подняв браслет, Татьяна покрутила его на свету, хотя в полутемном коридоре с неоновой подсветкой лучше от этого видно не стало.

– Красиво, – она долго разглядывала браслет, потому что боялась смотреть парню в глаза. Он ждал чего-то еще, а ей хотелось сбежать. – Спасибо большое.

Павлик всматривался в ее лицо, заставляя смущаться сильнее. Татьяна не выдержала, перевела внимание на часы над баром и, прикрывшись тем, что нужно работать, убежала в зал за толпу, хотя до начала ее смены оставалось еще несколько минут.

Танцовщики встречали Новый год вместе в гримерке, распивая в пластиковых стаканчиках подаренное барменами шампанское, а Татьяна отправилась в подсобку, где вместе с Адлией и ее напарницей они распили бутылку дешевого Пино Гриджио. Все решили написать на бумажке желания, сжечь их и выпить, пока бьют куранты.

Татьяна написала: «Хочу в новом году увидеть Вадима».

Времени на долгое обдумывание формулировки не было, поэтому она написала максимально лаконично и емко, как ей показалось. Затем быстро подожгла бумажку и выпила пепел с кислым вином залпом под стук последнего куранта.

До начала шоу у них было пятнадцать минут, пока посетители поздравляли друг друга, выкрикивали «С Новым годом» и прыгали под праздничную музыку. Татьяна хотела поздравить Ладу, но не смогла дозвониться. Тогда решила отыскать Арину, которую нашла на втором этаже в лаунж-зоне в большой компании разнокалиберных людей. Арт-директор, поймав Татьянин взгляд, поднялась с дивана и подошла к ней, широко улыбаясь.

– С Новым годом! – крикнула она ей в ухо и всучила белый бумажный конверт без надписей, достав его из клатча. – Твой подарок.

Татьяна была приятно удивлена. Забыв о приличиях, она сразу его раскрыла и увидела деньги в размере платы за весь рабочий уикенд.

– Спасибо, – она медленно подняла ошеломленное лицо на директора.

– Тебе спасибо, – усмехнулась Арина. – Это за твою помощь.

Татьяна благодарно улыбнулась в ответ. Арт-директор уже развернулась к столу, но Татьяна спросила про Ладу. Арина сразу изменилась в лице. Улыбка превратилась в кривую сжатую линию с опущенными уголками. Радость в глазах померкла. Ее затмила обида. Она облизала губы и недовольно ответила:

– Лада с отцом решила встретить. Как всегда.

Арина опустила голову на несколько длинных секунд. Татьяна ощутила острое желание стать невидимкой, не зная, как реагировать и надо ли, вообще. Сердце сжалось в сочувственной боли. Ей хотелось выразить поддержку как-нибудь, но не все способы казались приемлемыми. Она все-таки не удержала порыв и притянула Арину к себе, крепко обхватив худые плечи.

– Я ей завидую, – прошептала Татьяна, забыв, что говорит с собственным боссом. – Рано или поздно она поймет, что ей повезло с матерью.

Арина застыла в шоке. Несколько секунд она просто позволяла Татьяне себя обнимать, а потом тоже обхватила ее спину и похлопала по лопаткам. Разняв объятия, Арина снова показала улыбчивое лицо.

– Ну, все, работай, – сказала она шутливо-приказным тоном и вернулась к друзьям.

Шоу началось с громкого хлопка из пушки, через секунду после которого на сцену и на ближайшую толпу повалил крупными хлопьями ненастоящий снег. Пьяная толпа заревела от восторга и сгрудилась потеснее, чтобы быть поближе к сцене. Вышел ведущий и закадровым голосом сказочника ввел зрителя в предстоящую постановку.

Выступление получилось веселым. На некоторых моментах толпа заливалась безудержным смехом, танцы наблюдала с задорным любопытством, а на кульминации с падающей елкой в унисон издала испуганное «Ах». Потом все снова посмеялись. Действие продолжилось. Публика осталась довольна. Овации не стихали долго. Татьяна слышала много криков «Браво!» или бессловесные «Оуу», «Вау», «Яху». С потолка сыпались конфетти. На фоне с проектора брызгал искрами заснятый на видео фейерверк. Ощущение праздника казалось нескончаемым.

Потом шла череда таких же пьяных, но менее веселых и праздничных ночей, после которых Татьяна чувствовала себя истощенной. Они работали всю первую неделю года без выходных. Она едва ли успевала напиться кофе, чтобы ходить с открытыми глазами. Под конец устали все.

Для разрядки после каникул Арина стихийно решила организовать корпоратив, который должен был состояться во второй четверг года. Главными помощниками ей в этом стали Павлик и Татьяна. Павлик взял на себя заботу об алкоголе, а Татьяна занялась закусками. Больше ничего от них не требовалась. После раздачи заданий Арина сказала напоследок: «Шоу все уже насмотрелись. Пусть лучше люди блюют от алкоголя, чем от очередной постановки». Помощники с ней смеясь согласились.

Глава 23. Деструкция

Первый выходной в новом году Татьяна валялась на подоконнике, наслаждаясь ничегонеделанием после утомительных вечеринок, литров выпитого алкоголя и бесконечных танцев. Обед давно прошел, а она еще не завтракала и не торопилась вставать с постели, как и Адлия, которая смотрела турецкий сериал, лежа под одеялом.

Делать ничего не хотелось, да и не надо было, поэтому Татьяна листала новостную ленту без особого интереса, просто так, лишь бы чем-то занять мозг, который охотно поглощал ненужную информацию в форме смешных мемов и недлинных текстов.

Среди прочей ерунды взгляд Татьяны приковало необычное изображение, точнее, целое произведение искусства. Первая его половина была написана маслом на холсте, а вторая – слеплена из керамической мозаики. Картина изображала балерину на одной ноге. Другую она согнула в воздухе цифрой «4», только в обратную сторону. Керамической была статичная половина с прямой ногой.

На мозаике присутствовало всего два цвета: белый и синий в различных оттенках. Посередине лица проходила со лба до уголка губ широкая расщелина и еще множество мелких проявлялись тут и там. Керамический глаз и другие черты были нарисованы синей краской неестественно и карикатурно, как у куклы, в то время как масляная половина казалась живой, цветной и объемной, хоть и прорисованной небрежными широкими мазками. Натуральные и очень тонкие трещины на мозаике проявлялись не только на лице, но и по всей остальной половине тела. На обрыве она имела неровные края, тоже с трещинками и сколами, как будто керамическую статуэтку раскололи на две части по заранее заготовленному шву.

Мозаичная часть балерины носила трико, пачку и пуант. Живописная – летнее платье с подсолнухами, и ходила босиком. Рука поднималась в верхний угол, из которого на картину проливались размытые лучи солнца.

Само солнце в кадр не попало, но весь задний фон говорил о ясности и безоблачности неба. В этой части цветов тоже было немного, но оттенков Татьяна могла различить десятки. Основную палитру составляли желтый, доходящий до светло-коричневого в тенях, и синий, приближающийся к голубому в осветленных участках. В отличие от летнего масляного неба на фоне керамической балерины тяготели суровые тучи с проблесками дождя, созданного из тонкого бесцветного стекла. Керамическая рука тянулась к лицу, растопырив пальцы, как будто желала схватиться за него и стянуть как маску.

Приглядевшись внимательнее, Татьяна заметила точечное отсутствие некоторых кусочков в мозаике и такое же точечное присутствие их во второй, живописной части. В местах, где упали тессеры, просвечивалось ясное небо или желтизна солнечного света. Это намекало на то, что изначально изображение писалось масляными красками, а затем было охвачено мозаикой, которая со временем разрушалась и возвращала картине первозданный вид.

Сначала взгляд привлекали смелость и насыщенность цветов, а затем глаза начинали бегать по картине кругом, изучая каждую деталь. Приблизив изображение на максимум, Татьяна заметила в уголке керамического глаза маленькую слезинку из прозрачного стекла, а на противоположной стороне – в уголках губ легкое заветвление улыбки, почти как у Мона Лизы Леонардо да Винчи.

Внизу масляной половины в самом углу были выведены темно-синим три буквы «VDM», а пост под фотографией оповещал о проведении первой выставки восходящей звезды мозаичного искусства. Выставка планировалась открыться в одной из московских галерей в предстоящий четверг.

Татьяна несколько секунд осознавала прочитанное. Тело медленно обуревало волнение. Мозг как будто еще ничего не понял, но сердце уже билось с удвоенной силой, подбадриваемое

трепетом и надеждой. Потом она резко поднялась, села на кровати, подогнув ноги под себя, и перечитала пост еще раз, открыв расширенный анонс:

«Выставка «Деструкция» молодого талантливого художника Вадима Симакина, работающего под псевдонимом «VDM», лауреата конкурса «NeoNames» с работой «Танец деструкции», безусловно, открывает новую веху в современной мозаике, которую многие небезосновательно считают застопорившейся в XX веке и вросшей корнями в социалистическую монументальность. Работы художника призваны вскрыть заскорузлую фундаментальность этого направления.

Флагман экспозиции – картина «Танец деструкции» – являет собой не просто филигранно исполненную мозаику или фривольно написанную маслом живопись, но и новаторский подход к смешению этих техник, которые, будучи четко разделенными, органично вплетаются друг в друга на одном холсте. Керамика здесь используется не столько как материал для передачи формы изображения, сколько как материя, заключающая в себе сущность иллюстрации, что определяет ее содержание. Автор показывает нам, как материя может перерождаться, разрушаясь и превращаясь в не менее прекрасное новое с совершенно иным смыслом. И в этом суть всей серии работ художника, представленной в экспозиции.

«Деструкция» (от лат. destructio) означает разрушение, что автоматически вызывает негативные ассоциации и страх перед пустотой, которая за этим следует. Разрушение часто ассоциируется со смертью, окончательным завершением чего-либо, без возможности восстановления. Однако данная выставка пытается объяснить и даже берет на себя смелость доказать, что разрушение – не всегда вредный и законченный процесс, порой это лишь промежуточный этап между безнадежно устаревшим и назревшим новым.

В то же время художник не пытается полностью оправдать хаотичную силу разрушения, которая в любой момент может выйти из-под контроля и не оставить после себя никаких возможностей для созидания. Начинаемое кем-то самоуверенным, оно может превратиться в опасно тотальное и перерасти в апокалиптичное, что максимально точно и ясно показано в работах «Секунда до» и «Сектор Б – безмятежность».

Искусными работами, выполненными скрупулезно и безупречно, с той простотой, какой порой так не хватает во всех сферах современного искусства, «VDM» приглашает зрителей порассуждать с ним на темы, которые касаются каждого. Его работы актуальны не только своей смысловой составляющей, но и инновационным методом их представления.

Выставка будет открыта…».

Это означало, что Вадим в Москве, по крайней мере, будет здесь через пару дней, всего в нескольких километрах от нее. Руки задрожали от волнения, текст на экране размазался, превратившись в хаотичные волны цифр и букв. Татьяна стиснула телефон обеими руками, чтобы утихомирить дрожь и еще раз перечитала пост.

«Что мне делать? Почему я так волнуюсь? Почему сейчас? Черт, я же загадывала это!» – заскакали мысли.

Весь день она сидела как на иголках, просматривая один и тот же пост и роясь в интернете в поисках другой информации о выставке.

Поисковик выдал список ссылок на анонс выставки на сайте галереи, на группу в социальной сети, в которой она увидела пост, на страницу сайта конкурса «NeoNames» с репортажем выставки работ финалистов.

На последнем сайте было прикреплено видеоинтервью с победителем. Татьяна увидела на стоп-кадре знакомое бледное лицо крупным планом, улыбающееся кому-то за пределами экрана. Сердце екнуло. Она несколько секунд вглядывалась в его веселые глаза, как всегда, добродушно глядящие на невидимого собеседника, и ощущала, как в груди нарастает ком. Казалось, ребра ломаются и сваливаются в кучу над солнечным сплетением, а сердце, зажатое в клетке, бьется в истерике, исчерпывая последние силы.

Включив видео, Татьяна внимательно вслушалась. Интервью брала девушка с заливистым смехом за кадром. Она говорила не так, как говорят профессиональные интервьюеры на телевизионных каналах, а общалась с Вадимом на равных, как близкая подруга, обращаясь на «ты», шутя и используя сленговые словечки.

– Поздравляю с победой! – восклицала девушка.

– Спасибо. Спасибо большое, – улыбчиво отвечал Вадим.

– Банальный вопрос задам, конечно, но каковы ощущения после победы?

Парень поежился на барном стуле, на котором сидел в пустой комнате, опустил голову и пожал плечами.

– Какие они могут быть? Я удивлен. И доволен.

– Почему удивлен? – сама удивилась девушка.

– А почему люди удивляются? – усмехнулся художник. – Наверно, от неожиданности.

Интервьюер посмеялась.

– Мне кажется, тут с самого начала все было понятно. Неужели ты сомневался в своей победе?

– Думаю, я бы сомневался, даже если бы сам выбирал победителя, – он снова пожал плечами и опустил взгляд. – Художество – такая вещь, как бы, неопределенная, исключительно, дело вкуса, что бы там ни говорили.

Вадим посмотрел на собеседницу и слегка улыбнулся.

– А вот я не была удивлена, когда назвали твою картину. Во-первых, потому что это было необычно. Больше ведь не было мозаичных работ. Твоя заметно выделялась на фоне всего остального. А во-вторых, по честнаку, я считаю ее шедевром. В первую очередь, по самому воплощению. Такая тонкая работа! Ты, наверное, много времени убил на нее?

– Есть такое, – закивал Вадим.

– Хотя я не согласна с высказыванием, что мастера отличает от любителя лишь время, потраченное на рабому. Твоя «Балерина» – однозначный тому пример. Такое виртуозное сочетание цветов, причем готовых цветов. Ты ведь используешь осколки из обычных предметов?

– Да. Ломаю старое. Так просто и дешевле, и интереснее. Всегда легче брать уже кем-то созданное. Часто цвета сами направляют настроение картины или даже вдохновляют на сюжет. В этом нет ничего сложного. И даже какого-то мастерства.

– Ну, не скромничай. Здесь все признают твою гениальность.

На лице Вадима выступила презрительная усмешка. Он помотал головой.

– Я себя гением не считаю, но мне, конечно, приятно, когда кто-то со мной не соглашается.

– Ну, как минимум новатор.

– Тоже спорно. Я… – он задумался на секунду, схватив подбородок левой рукой, и увел взгляд в сторону. – Я вообще не мыслю такими категориями, когда делаю что-то. Просто у меня возникает идея, и я ее реализую. А как это получается и смотрится, оценивать не мне. Я, к сожалению, не искусствовед, чтобы так грамотно анализировать собственные работы. Я даже смысл не смогу описать так, как сделали это организаторы выставки.

Девушка снова захихикала.

– Ладно, скромности тебе не занимать. А расскажи про вдохновение. Твоя «Балерина», несмотря на свою керамичность, кажется такой живой и реальной. Быть не может, чтобы у нее не было прототипа.

Вадим снова опустил взгляд и сидел так секунд десять, кусая губы и думая над ответом. Татьяна перестала даже дышать, ожидая ответа больше, чем девушка, задавшая вопрос.

– Прототип есть всегда, – сказал он, не поднимая глаз, и снова выдержал паузу. – Как минимум любая из девушек, которых я по жизни встречал и визуально изучал по ним анатомию. Без представления об анатомии трудно нарисовать человека.

– Под изучением анатомии ты что имеешь в виду? – игривым тоном спросила собеседница.

– Не только секс, – улыбнулся Вадим. – Хотя в сексе, конечно, анатомия предстает с самого прекрасного ракурса и запоминается лучше.

Интервьюер выдавила смущенный смешок.

– Раз уж мы об интимном. Расскажешь про свою музу? Есть такая, чья анатомия тебя вдохновляет?

Он рассмеялся и закинул голову назад. Румянца на лице не было видно, но взгляд показался Татьяне смущенным.

– Муза есть, но рассказывать о ней я не буду, а то перестанет меня вдохновлять.

Они оба посмеялись.

– Она балерина?

Вадим уверенно кивнул. «Муравьева», – убедилась Татьяна, сжавшись от боли, которая стрельнула в самое сердце. Интервью закончилось, и сразу пошла реклама стирального порошка.

Остаток вечера Татьяна провела в меланхолии, пялясь в тонкий слой серебристого снега на тротуаре под окном. Адлия на нее поглядывала, но ничего не спрашивала. Даже сериал не решилась предложить посмотреть. Или предлагала, просто Татьяна не услышала. Транс унес ее внутрь собственной души, на дне которой, бултыхаясь в кровавой ревности и отчаянии, еще теплилась слабая надежда.

«Все равно схожу», – решила она твердо перед сном.

***

Одной идти не хотелось. Не потому что Татьяна боялась скуки, а потому что было страшно столкнуться с Вадимом лицом к лицу, увидеть его вместе с Муравьевой и при этом быть одной. Лада проводила каникулы у отца. Адлии накануне поступил большой заказ на пошив танцевальных костюмов для бразильского карнавала. Доступен был только Русик. Он охотливо согласился, потому что за время каникул насиделся дома в изолированном одиночестве. Они договорились встретиться утром, чтобы потом вместе отправиться на курсы.

На город и нервы давили мороз и туман. Недавняя слякоть превратилась в гололед, а пар изо рта оседал на ресницах и шарфах пушистым инеем.

Татьяна заметно волновалась, постоянно теребя лямку рюкзака. Русик, как всегда, был нерасторопен и ленив. За каникулы он прибавил пару килограммов, о чем сразу сообщил. Она посмотрела на него оценивающим взглядом и, заметив признаки излишков на щеках, решила промолчать.

– То есть все-таки прибавил? – друг недовольно поджал губы и отвернулся.

– Я думала, ты не переживаешь из-за такого, – сказала она с легким раздражением.

Раздражение это вызывалось нервозностью перед возможной встречей с Вадимом, но Русик этого знать не мог, поэтому насупился.

– Ты прямо на вопрос ответить можешь? Прибавил или нет?

– Откуда мне знать? – воскликнула Татьяна. – Я на глаз вес не определяю. Более того, я и до этого не знала, сколько ты весишь.

– Восемьдесят пять, – буркнул Русик, опустив лицо почти наполовину в шарф. – Весил. В прошлом году.

– Ну, так взвесься и узнаешь, – хмыкнула она и ускорила шаг.

– То есть все-таки не видно? – с надеждой в голосе спросил Русик, догоняя ее.

Татьяне стало смешно. Она всегда думала, что он из тех молодых людей, которые внешности уделяют меньше всего внимания, по крайней мере, всегда до этого он вел себя именно так. У него имелся излишек веса, но раньше его как будто такое не волновало.

– С чего ты вдруг паришься? – напрямую спросила Татьяна, когда они уже подходили к зданию галереи.

– Я недавно в гороскопе прочитал, что сегодня встречу свою любовь, – он смутился и отвернулся в сторону, чтобы Татьяна не застала румянец на его щеках, впрочем, румянец этот можно было списать и на мороз.

Татьяне стало еще смешнее. Русик сегодня раскрылся перед ней с совершенно новой стороны. Она попыталась поймать его взгляд.

– Я потому и согласился с тобой пойти. Как раз прочитал гороскоп, и ты пишешь. Подумал, это судьба, – втянул он плечи глубже в себя. – А я не готов.

Глаза по-прежнему смотрели в сторону.

– Ну, если так гороскоп предсказывает, то вес же тут ни при чем. Ты все равно ее встретишь, независимо от того, прибавил ты за праздники или нет.

Она усмехнулась. Глаза Русика наполнились надеждой. Его как будто осенило.

– И правда, – проговорил он задумчиво. – Чего я переживаю, раз это судьба.

Татьяна похлопала его по плечу, улыбнулась и остановилась как раз напротив входа в галерею.

Над ними возвышалось современное многоэтажное здание, вытянутое, строгое и стеклянное. В витрины первого этажа вставили большие и маленькие афиши проходящих и предстоящих мероприятий, среди которых во все окно висел анонс выставки «Деструкция».

Когда Татьяна открывала дверь, ее охватил мандраж. Она на секунду замерла на месте, молясь, чтобы Вадима там не оказалось, хотя на самом дне души надеялась, что он там есть и что он тоже хочет ее увидеть. Широкую горчичную шляпу она решила снять и сунуть в рюкзак, чтобы меньше привлекать внимания. Выставку пришлось поискать на информационном стенде, ибо здесь был не один зал и не одна экспозиция. Нужная им находилась на третьем этаже. Они молча поднимались по лестнице, потому что каждый думал о своем. Русик в предвкушении встречи с новой любовью лучился и улыбался, а Татьяна в ожидании встречи со старой хмурилась и тяжело дышала. И оба волновались.

Они вошли в небольшой белый каменный зал, на стенах которого несимметрично висели картины и панно. Помещение, лишенное мебели, за исключением нескольких металлических стульев, тонкие перегородки разделяли на небольшие комнатки без четвертой стены по обе стороны. Пространство широкого коридора разрезали толстые квадратные колонны, на которых тоже разместились картины.

На удивление Татьяны здесь оказалось полно людей. Некоторые ходили с пафосом, будто разбирались в искусстве лучше самого худжника. Другие снимали на камеру всех и вся. Были и зеваки, как они с Русиком, которые на все вокруг смотрели широко раскрытыми глазами и долго не могли зацепиться за что-нибудь конкретное, пытаясь разглядеть все зараз.

На дальней стене, противоположной входу, висела та самая картина с балериной, которая привлекла внимание Татьяны изначально и, по-видимому, всех остальных тоже. Она оказалась большой и узкой, изображала танцовщицу в полный рост в масштабе один к одному. Вокруг нее собралась галдящая толпа, в центре которой под вспышками фотокамер щурился Вадим. Татьяна обомлела. Ее желание так легко и быстро сбылось.

Татьяна вгляделась в высокую фигуру и красивое, заметно исхудавшее, лицо. Стали четче выступать скулы и жилки, которые раньше проявлялись только во время затяжки сигареты. Вадим был бледен и растрепан, как обычно. Волосы отросли и торчали во все стороны без порядка и логики. Тело его почти полностью скрывала толпа, основная масса которой была ниже парня на голову, но по голым плечам, торчащим из-под черной футболки, Татьяна заметила, что и руки заметно похудели, так же выдавив в рельефе жилы и мышцы. Так он казался еще красивее, либо длительная тоска по нему заставляла ее радоваться и такому, почти болезненному, виду. Несмотря на свой облик, Вадим улыбался широко и искренне.

Русик остановился за ней и внимательно проследил за взглядом Татьяны.

– Ты че там, смерть увидела? – приглядевшись, он усмехнулся. – Ну, кстати, похож.

Татьяна его проигнорировала. Зато это помогло отвлечься и собраться с мыслями. Она схватила друга за рукав куртки и направила в сторону за стену, в первую квазикомнату, чтобы вывести себя из возможного поля зрения Вадима.

Ничего не говоря, она прильнула к квадратному отрезку белой стены, на которой висела единственная картина, и стала внимательно ее разглядывать. Оказалось, каждая комната посвящалась отдельной работе художника.

Русик постоянно осматривался по сторонам, выглядывал судьбу. Татьяна специально подолгу смотрела на картины, чтобы как можно медленнее двигаться к центру зала, где Вадим уже легко мог ее заметить. Из другого конца она слышала лишь отдельные его фразы и некоторые вопросы, потому что постоянно щелкали фотоаппараты, причем из разных углов помещения, гудели голоса и шуршали куртки. Она и не подозревала, что подобного масштаба событие может так широко освещаться.

Первая картина представляла собой небольшое круглое панно, очень напоминающее обычную тарелку, только собранную из керамических осколков разных размеров, форм и цветов. Блюдо имело идеально круглые края, словно его изначально разрезали на осколки и сложили рядом почти бесшовно. Но при более внимательном взгляде по фактуре и цвету легко можно было определить, что осколки эти принадлежали разным предметам. А получилось цельно. Панно называлось просто «Тарелка». Татьяна сразу вспомнила блюдо, висевшее на кухне у Вадима, которую он склеил, чтобы предотвратить развод родителей. Это была другая работа. Очевидно, оригинал он не хотел делать достоянием общественности.

В следующей комнате висела квадратная мозаика размером метр на метр с земным шаром в вакууме. По углам картины был разбросан темно-синий, доходящий до черного, космос с маленькими вставками разноцветных. Здесь мелкие осколки, сложенные по кругу, хорошо отображали формы острых лучей, вписанных в темное полотно вакуума.

В центре висела планета, похожая на Землю в той стадии, когда апокалипсис уже близко. Весь шар, поделенный на несколько секторов, страдал от катаклизмов: один сектор кипел от лавы, другой – от взрывов, третий – сметался ураганами и цунами. Самые нижние три превратились в пустыню. Вкрапления песочных клякс в соседствующие области намекали на продолжение процесса опустошения. Только один сектор, занимавший примерно процентов десять поверхности, был как бы вырезан из цельного шара и увеличен, точнее, приближен к смотрящему, словно под микроскопом.

В секторе лучилось теплым светом ясное небо без единого облачка. Циановая голубизна небес на горизонте плавно перетекала в бирюзово-морской с примесью белых волн. Море, мелея, постепенно желтело и вскоре, в остром отрезке сектора, превращалось в песочный пляж, на котором звездочкой в солнцезащитных очках, лежал человек непонятного пола.

Татьяна сразу узнала эту картину, потому что до сих пор помнила, какие именно тессеры налепила она. От воспоминания о том первом дне, который они с Вадимом провели вместе, защемило по всему телу. Она сглотнула и сдержала вздох, борясь с желанием разреветься и кинуться на возлюбленного с объятиями.

Украдкой взглянув в его сторону, увидела, как Вадим активно жестикулирует, объясняя что-то внемлющей толпе. Глаз зацепился на секунду за неровную улыбку, которая сразу превратилась в тонкую линию. По телу пробежали мурашки. Татьяна с усилием отвела взгляд.

Под панно имелось название картины: «Сектор Б – Безмятежность», ровно так, как она когда-то придумала. Татьяна хмыкнула Вадиму из своих воспоминаний и прочитала описание снизу:

«Наша эгоистичность – самое эффективное оружие разрушения, которое имело человечество, его главная причина, ставшая и следствием. Сектор Б отражает как раз эгоистичный,

весьма ограниченный, взгляд на мир, в котором наиважнейшим для каждого является собственный комфорт, собственное окружение, собственный взгляд.

Обратная сторона индивидуальности, к которой мы все стремимся, становится для нас самих клеткой с невидимыми стенами. Мы не замечаем того, что за ними, будто находимся в безопасности. Всегда стремимся убежать от проблем, предпочитая игнорировать разрушение, которое наносим другим, чем пытаться его осознать, принять и остановить.

При этом не понимаем, что живем на одной круглой как шар планете, в которой хоть и выделены территории и нарисованы границы, но физически все взаимосвязано. Планета являет собой единое целое, которое глупо делить и еще глупее от него отделяться. Проблемы, как и пустыня на картине, постепенно накрывают собой все пространство, потому что хаос не имеет пределов. И чем раньше человечество это поймет, тем больше у него шансов».

В последний раз взглянув на сектор Б, Татьяна отправилась дальше.

В следующей комнате висело продолговатое в ширину панно, поделенное контрастностью материалов и цветов на две половины. Правая часть изображала не пойми что, полную разруху, серую, но фактурную. Отдельные выступающие элементы мозаики: камни, щепки, угли, стекла и пластик, создавали грубый выпуклый рельеф, сотканный из хаотично разбросанных по полотну ошметков. Вверх от них поднималась пыль, удачно слепленная из окрашенных в серый рваных кусочков ваты. Осколки имели направление движения: справа налево, в другую часть картины, которая была выполнена в ярких красках, в основном из керамики, но с легким вкраплением дерева, стекла и металла. В левой части висело ясное безмятежное небо с легкими белыми облачками, а внизу по зеленому лугу в высокой траве бегал ребенок, запускающий летучего змея. Из самого левого края выступал деревянный фасад дома с крышей, а за ним косился белый кольчатый забор. Картина называлась «Секунда до». Смысл был слишком очевиден, чтобы читать аннотацию.

Татьяна остановилась на этой картине дольше, чем на других, пытаясь разглядеть каждый осколок с правой стороны. С первого взгляда казалось, что это всего лишь пестрое нагромождение деталей, но вблизи вырисовывались отдельные предметы, составные части других вещей, более крупных, например, окно, березовый ствол или дверь автомобиля, которые, в свою очередь, тоже были слеплены из кусочков соответствующих материалов – стекла, дерева и металла. Казалось, выискивать такие детали можно было бесконечно.

Рассматривая нюансы картин, она вспоминала их беседы с Вадимом, его рассказы, мысли, которыми он с ней делился, и поняла, что совсем его не знала. Эти работы отражали его внутренний мир, его эмоции и идеи, о которых она и не подозревала. Тоска и сожаление снова сковали ее всю. Они ведь столько всего могли обсудить, а говорили всегда ни о чем. Он казался ей таким обычным, рассказывал дурацкие истории, никогда не говорил о чем-то глобальном, за исключением короткого пояснения, почему решил создать «Сектор Б». Очевидно, у него была целая куча концепций, которые он внедрял в свои работы.

«Обсуждал ли он их с кем-нибудь? – спрашивала она себя. – Почему не со мной? Потому что не слушала и не слышала?».

Татьяна раньше об этом не задумывалась, но сейчас испытала дикое желание все изменить, поговорить с ним по душам, узнать, о чем он думает перед сном или за завтраком, какие проблемы его волнуют, какие вещи его радуют. Она всегда думала о нем только через призму своих впечатлений, желаний и интересов, даже не пытаясь понять, какая он личность и какие у него переживания. Захотелось узнать о нем все в одночасье. Душа связывалась узлом от осознания, что никогда больше ей не выпадет шанс задать ему любой вопрос и получить любой ответ. Оставалось только смотреть на картины и пытаться понять, как устроена душа художника.

Пока она разглядывала мозаики на колоннах, толпа вокруг Вадима рассосалась. Татьяна, стоявшая за одной из крайних колонн, периферийным зрением следила за людьми, которые

равномерно распределились во все стороны и быстро наполнили собой пространство выставки. Высокая фигура осталась стоять у колонны с «Балериной». Вадим развернулся лицом к изображению и рассматривал его сверху вниз.

Татьяна воспользовалась моментом, чтобы полюбоваться им. До этого мига не осознавала, как сильно истосковалась по нему. Все внутренности сцепились от нестерпимого желания выдать себя и заговорить с ним, но ладони потели от страха стать замеченной. Она пожирала его глазами, пока Вадим не стал медленно оборачиваться, словно чувствовал ее пристальное внимание. Татьяна успела скрыться за колонной. Почти прижалась к ней, чуть задевая спиной панно, и пыталась отдышаться, потому что все в теле сбилось от волнения.

Русик ошивался где-то рядом, все еще бегая глазами по залу, особенно останавливаясь на девушках, но, заметив Татьяну, подошел.

– Да что с тобой такое? – спросил он почему-то шепотом, заразившись ее шпионским настроением. – От кого прячешься?

– Выгляни, пожалуйста, – попросила Татьяна, игнорируя его вопрос. – Посмотри, где там художник.

– Тот бледный и тощий? – спросил Русик.

– Ага.

Русик встал рядом и, вытянув шею, медленно выглянул, всем своим видом показывая, что следит за кем-то. Татьяна осекла его, сказав, что ему прятаться не обязательно. Тогда парень расслабился и спокойно вышел на половину из тени.

– Он идет сюда, – спокойно сказал Русик.

– Что? – вырвалось у Татьяны почти вслух, но она вовремя прикрыла рот рукой.

– К девушке, – продолжал докладывать друг.

На этом моменте его лицо озарилось лучезарным светом и застыло в глупом выражении детского восхищения с примесью любования. Рот расплылся в идиотской улыбке, еще сильнее выпятив большой нос.

– Вау! – протянул он, почти высунув язык, как пес.

– Что там? – насторожилась Татьяна. – Где они? Идут сюда? К нам?

– Нет, развернулись, пошли обратно, – Русик сменил выражение на внимательное, полушпионское.

Татьяна осмелилась выглянуть и увидела спины двух высоких фигур. Женскую обтягивала серая водолазка и бардовые кожаные брюки, которые хорошо сочетались с коричневыми ботильонами на толстой платформе. Из-за этих ботильонов девушка казалась очень высокой, хотя все равно была почти на голову ниже Вадима. На плечи спадали завитые локоны цвета блонд, что придавало немного романтики в целом строгому образу.

Пока они не развернулись боком перед колонной с «Балериной», Татьяна не узнала Муравьеву. Но как только увидела ее улыбчивый гордый профиль, смело глядящий Вадиму в глаза, сердце закровоточило. Та же острая боль, что пронзила ее летом в театре после спектакля и подсолнухов, снова донимала грудную клетку.

Почти полминуты она не могла дышать, впиваясь глазами в улыбающиеся друг другу лица Муравьевой и Вадима. Отсюда их разговор был недосягаем, поэтому Татьяна решилась на отчаянный шаг – подобраться поближе и встать за следующей колонной, что стояла прямо перед ними. Вытащив Русика перед собой, словно щит, она решительно двинулась в сторону пары. Быстро переступая, прошла метров пять и спряталась за колонну, запихнув за собой и друга, который не мог оторвать глаз от Муравьевой. Он как будто опьянел. Ноги его заплетались, из-за чего они чуть не упали один раз. Их спасла только скорость и стойкость Татьяны.

– Танька, гороскоп-то не врал, – довольно проговорил Русик, выглядывая из укрытия.

Она с силой затянула его обратно и прикрикнула шепотом.

– Ты что, не пались так!

Парень тут же собрался, сжался и стал осторожно наблюдать из-за колонны. Татьяна прислушалась к разговору. Сперва слышала только смех. Затем раздался знакомый бархатный голос и громкие быстрые шаги. Не поверив слуху, она выглянула краешком глаза с другой стороны и воочию убедилась, что ей не померещилось.

По залу навстречу Вадиму с широкой улыбкой на лице шла арт-директор в строгом белом костюме. Рядом с ней гордо вышагивал новенький официант из «Дэнсхолла», которого Татьяна видела до этого всего один раз на работе. Сердце ушло в пятки.

«Она здесь что делает?!» – все мысли в конец запутались.

Вадим обнял Арину, затем пожал руку официанту, приветственно кивая.

– А это, видимо, она и есть, твоя муза? – улыбнулась Арина, разглядывая Муравьеву с ног до головы, отчего та даже немного покраснела. – Я вас знаю! Я видела вас в спектакле в Мариинском. Вы же Елена Муравьева. Точно!

Арина быстрым движением тыкнула пальцем в воздух перед лицом Муравьевой и с прищуром отстранилась чуть назад, будто хотела разглядеть ее лучше.

– Я в курсе ваших балетных страстей и рада, что вы переходите в Большой. Мариинский слишком тесен для такой балерины. Жизель должна была достаться вам, а не этой ноунэйму Дарье... Семеновой?

Арина вопросительно посмотрела на Муравьеву. Та приложила руку к ключице и утвердительно кивнула, вскинув брови.

– Уверена, скоро смогу сходить на него в Большой с вами в главной роли.

Директор кокетливо подмигнула.

– Вряд ли скоро, – улыбнулась в ответ балерина, – но спасибо за веру в меня. Я приятно удивлена, что вы так подкованы в балете.

– Я люблю балет как искусство. Я в целом ценю искусство в любом его качестве и формах, – посмеялась Арина и снова переключилась на картину. – Поэтому и пришла сюда.

Она несколько раз переводила быстрый взгляд с «Балерины» на Муравьеву и обратно, пока не заметила:

– Еще бы с такой музой не творить такие шедевры!

– Не сочти за скромность, но боюсь, что сравнением с моим творчеством ты, скорее, рискуешь занизить красоту Лены, чем возвысить мою работу – заметил Вадим, усмехнувшись.

– Художники всегда превозносят свою музу, – Арина обернулась к Муравьевой и подмигнула, поведя бровями. – Но тут мне сложно не согласиться.

Муравьева сконфузилась и взглянула на Вадима с улыбкой. На его бледных щеках румянца не появилось. И в целом вид никак не выказывал смущения. Он стоял спокойно, уверенно, держа руки на боках, а ноги расставив на ширине плеч, смотрел прямо перед собой. Муравьева глядела на него снизу, заливаясь краской и вжимая голову в плечи.

Татьяна наблюдала за этой сценой, затаив дыхание. В груди покалывало. «Наивная дура! На что ты надеялась?!» – ругала она себя в уме, прикусив нижнюю губу до боли, и резким движением отвернулась от них.

– Я с ним бесспорно согласен, – таял под чарами Муравьевой Русик, чем взбесил Татьяну.

Она силком потащила его к выходу. Парень попытался сопротивляться, но Татьяна оказалась весьма упертой и не отпустила его куртку, пока они не вышли на улицу.

Там она наконец смогла вздохнуть свободно, полной грудью набрав морозный воздух, от которого тут же заболело горло. Прокашлявшись, Татьяна еще раз глубоко вздохнула в попытке заморозить больную душу. Хотелось плакать, хотя разум запрещал расстраиваться, но старые раны раскрылись и зазудели с еще большей силой.

Русик, заметив влажность на нижних веках ее глаз, сразу напрягся.

– Это твой бывший, что ли? – спросил без толики деликатности. – Или просто безответная любовь?

Татьяна отвернулась, чтобы сдержать слезы, и перчаткой стерла одну, которая почти вытекла из левого глаза.

– Ага, – кивнула она.

Русик не стал уточнять, на что именно она ответила утвердительно. Вместо этого он глубоко вздохнул, опустил взгляд в припудренный снегом бетон и произнес:

– Эх, она, походу, тоже станет моей безответной любовью. Мне с такой никогда не светит. Ей, конечно, нужен кто-нибудь вроде него, красивый, известный, художник, а не жалкий помощник светотехника.

Он резко поднял голову и с досадой ударил себя ладонью по пузу.

– Че вы, бабы, в таких дохляках находите вообще? – Русик снова посмотрел на Татьяну. – Сохните по ним. Они себя сушат, вас сушат. Ничего хорошего.

Он резко отвернулся, словно она его обидела, и сунул кулаки в карманы куртки.

Татьяна размышляла над его словами. «Она уже в Большом выступает. А ты? – пристыдила сама себя. – Трясешь полуголой попой в ночном гадюшнике». Стало жалко себя и друга, который, не успев найти предначертанную судьбой любовь, тут же ее потерял. Особенно ее задевало то, что Вадим с Муравьевой вместе выглядели как идеальная и успешная пара, а они с Русиком как два безответно влюбленных неудачника, тусующихся друг с другом в силу общей обиды.

– Ну, да, жизнь всегда все расставляет по местам, – мрачно закончил Русик.

В нынешней ситуации лучше формулировки было не подобрать. Она так точно и прицельно попала Татьяне в душу, что продырявила ее насквозь. Казалось, через эту дыру мороз сейчас и распространял озноб по всему телу. От порыва ветра ее пронзило холодом, и она предложила Русику ускорить шаг. Им ведь еще предстояло идти на курсы, хотя мысли обоих сильно мешали сконцентрироваться на задании.

А вечером пришлось идти на корпоратив, делая веселый и непринужденный вид. Татьяну утешала только возможность напиться до беспамятства и забыться хотя бы на одну ночь.

Глава 24. Мол, отомстила

Корпоратив начался с приветственных бокалов шампанского и длинной речи Арины о том, как прошел для клуба ушедший год, и о том, какие у клуба планы на наступивший. И еще о многом разном, о чем Татьяна слушала без интереса. Она развалилась в кресле в самом последнем ряду и попивала розовое игристое вино, бокал которого ей галантно преподнес Павлик. Он хотел сесть рядом, но его подозвала к себе арт-директор. Вино оказалось чрезмерно сладким. Вкуса самого шампанского Татьяна не ощущала, но пила, потому что пить что-то другое пока казалось неприличным.

Сразу после речи директоров все побежали к столам. Аппетит в Татьяне спал глубоким сном, зато душа жаждала спиртного. Было приятно находиться в компании, которая полностью ее в этом поддерживала. Алкоголя накупили гораздо больше, чем еды, поэтому большинство сначала накинулось на закуски.

Развлекать приходилось себя самим. В основном все просто пили, ели и общались. Официанты сгруппировались с барменами и сидели шумной компанией на пяти креслах вокруг одного стола, который заставили коктейлями. В нескольких метрах от них кучковались охранники, сжимая здоровыми руками такие же пивные кружки. Арину в серебристом мини окружили директора, дизайнеры и другие помощники. Она от души хохотала и отвешивала саркастические шуточки. Танцовщики во главе со Светой тусовались у сцены большой компанией с шампанским. Рыжая пригласила Татьяну к ним, но она предпочла общество Адлии и ее напарницы, которые скромно отсиживались на задворках танцпола с бутылкой белого, и обсуждали совсем не новогодние и не корпоративные темы.

Отойдя в туалет, Татьяна увидела, что дверь в кабинет арт-директора открыта и решила заглянуть туда. Первое, что ей бросилось в глаза, это обновленный декор на стене за столом. Вместо гобелена с женщиной теперь висела мозаика «Сектор Б – Безмятежность». Татьяна хмыкнула про себя, иронизируя над таким не с

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.